К85.11
К89
К-39116

ЧĂВАШСЕН
ЧАПЛĂ ÇЫННИСĔМ

ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫЕ ЛЮДИ
ЧУВАШИИ

Э. Ф. КУЗНЕЦОВА

АРХИТЕКТОР ПЕТР ЕГОРОВ

Национальная библиотека ЧР
k-039116

ЧĂВАШСЕН ЧАПЛĂ ÇЫННИСЕМ

ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫЕ ЛЮДИ ЧУВАШИИ

К85.11
К89

ЧĂВАШСЕН
ЧАПЛĂ ÇЫННИСЕМ

ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫЕ ЛЮДИ
ЧУВАШИИ

Э.Ф. КУЗНЕЦОВА

АРХИТЕКТОР ПЕТР ЕГОРОВ

Чебоксары
Чувашское книжное издательство
2003

ЧĂВАШСЕН
ЧАПЛĂ ÇЫННИСЕМ

ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫЕ ЛЮДИ
ЧУВАШИИ

Э.Ф. КУЗНЕЦОВА

АРХИТЕКТОР ПЕТР ЕГОРОВ

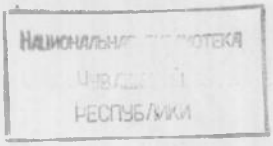
УДК 72
ББК 85.11
К 89

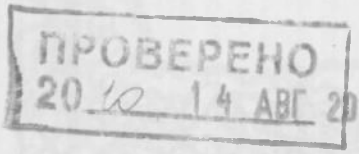
Серия утверждена
Указом Президента Чувашской Республики
Н. В. Федорова

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Н.Ю. Партасова *(председатель),*
В.В. Андреев *(зам. председателя),*
И.А. Андреев, Н.И. Володина,
А.В. Выйкин, В.С. Григорьев,
О.Г. Денисова, В.Д. Димитриев,
И.Е. Илларионов, Н.К. Кириллов,
И.Д. Тимофеев, В.В. Тургай,
А.П. Хузангай, Г.П. Чернова

К-39116





© Э.Ф.Кузнецова, 2003
© Чувашский государственный институт гуманитарных наук, 2003
© А.А.Трофимов, составление, 2003
© Чувашское книжное издательство, 2003

ISBN-5-7670-1285-7

ПРЕДИСЛОВИЕ

Петр Егорович Егоров (1731—1789) — уроженец чувашской земли, известный архитектор России, один из создателей раннего русского классицизма в зодчестве. Имя его стоит в ряду таких знаменитостей, как А. Ринальди, А.Ф. Кокоринов, М.Ф. Казаков, Ж.Б.М. Валлен-Деламот, Ю.М. Фельтен, В.И. Баженов, Д. Кваренги, И.Е. Старов.

Во второй половине XVIII столетия развитие российского государства, рост промышленности, строительства и все начинания, идущие еще от Петровских времен, вывели страну на сложный путь пересмотра старых эстетических концепций, выработки свежих градостроительных подходов, новых пространственных мышлений, приемов и стилей.

Начиная с Петра Великого строительство северной столицы России являлось важнейшей задачей Российского государства, и к ее решению привлекались вместе с иностранными архитекторами — итальянцами, французами, немцами, голландцами — талантливые отечественные зодчие, что способствовало появлению и развитию в строительном деле различных тенденций. В середине XVIII в. арена борьбы двух крупных стилистических направлений в искусстве — барокко и классицизма, находившаяся в течение XVI—XVIII столетий то в Италии, то в Англии, то во Франции, переносится в Россию — зарождается период раннего русского классицизма.

Первые шаги жизненного пути Петра Егорова тесно связаны со всеми происходившими в стране крупными изменениями. Одаренный мальчик из чувашской деревни, в 1742 г.

по велению судьбы попавший в семью сподвижника Петра I генерал-майора артиллерии князя Егора Дадиани (1683—1765) и получивший в его доме прекрасное образование, находит пристанище и приложение своих сил и дарований в Петербурге.

В 1755, в год приезда его в Петербург, учреждается Академия трех знатнейших художеств (живописи, скульптуры и архитектуры), которая всю систему обучения, преподавания и воспитания строила на принципах эстетики классицизма. В то время здесь существовало одно-единственное в стране заведение, где велось обучение архитектурному и строительному делу и где затем создавал свои проекты и преподавал П.Е. Егоров, — Школа при Канцелярии от строений, педагогический и практический опыт которой был использован при открытии в Академии архитектурных классов. В годы становления Петра Егорова как архитектора специальным правительственным актом была организована Комиссия о каменном строении Санкт-Петербурга и Москвы (1762). На набережной Невы сооружалось здание Академии художеств (1764—1788), которое явилось затем самым значительным произведением ранней поры русского классицизма, был возведен памятник Петру I (скульптор Э.М. Фальконе), начались работы по укреплению и облицовке гранитом берегов Невы и каналов.

Все то новое, что происходило в Петербурге, а также шедевры архитектуры Б.Ф. Растрелли оказали сильное влияние на формирование П.Е. Егорова как интеллектуала эпохи классицизма и как зодчего, мыслящего новыми категориями.

Дерзновенный полет мысли поднял его выше замыслов любимого учителя — великого Б.Ф. Растрелли — и полностью отрешил от такого многовекового направления и стиля в искусстве, как барокко. В творениях П.Е. Егорова монументальность, подчиняясь пространственной среде, создается на основе строгости, ясности и простоты. Соединяя гранит, мрамор и металл, он довел игру их цветов, линий и плоскостей до высшей гармонии.

Петр Егорович Егоров, создавая великое, стал великим. Об

этом впервые было сказано и документально подтверждено в работах ленинградского искусствоведа Р.Д. Люлиной еще в 1950 г. Кропотливо изучив архивные материалы, чертежи и проекты, она убедительно доказала, что автором ограды Летнего сада является только П.Е. Егоров. Дело в том, что во многих искусствоведческих статьях, посвященных арихитектурным ансамблям Санкт-Петербурга, авторами знаменитой ограды Летнего сада называли Ю.М. Фельтена и П.Е. Егорова. Однако творческое участие Фельтена в ее создании не подтверждается ни архивными документами, ни графическими материалами. Ни один из чертежей ограды им лично не выполнен. В ее сооружении он участвовал лишь как главный администратор Конторы строений — ведущей строительной организации России, выполнявшей заказы императорского двора. Вслед за научным открытием Р.Д. Люлиной в поддержку утверждений искусствоведа было опубликовано несколько обоснованных статей. Историческая правда вошла в искусствознание, публицистику, программы специальных учебных заведений. В 1964 г. исследователи Ф.Д. Кузнецов и Э.Ф. Кузнецова-Рыцк издали монографию «Архитектор Петр Егоров», где был дан основательный анализ проектных чертежей и архитектурных сооружений зодчего. В 1984 г. под этим же названием вышла книга Э.Ф. Кузнецовой. В ней автор приводит новые сведения об архитекторе и его творениях.

В наши дни в честь П.Е. Егорова проводятся научно-практические конференции и симпозиумы, издаются исследовательские труды, художники посвящают ему свои живописные полотна. В столице Чувашской Республики Чебоксарах в 2001 г. сооружен памятник (скульптор Ф.И. Мадуров, архитектор Ю.М. Новоселов).

Творчество П.Е. Егорова ознаменовано созданием крупных памятников архитектуры. Среди них Мраморный дворец, его Служебный дом и ограда, Екатерининская церковь Успения Пресвятой Богородицы в Пярну (Эстония), Рождественская церковь, Иордань (сооружение для церковного обряда), дома адмиралов Г.А. Спиридова и А.Н. Сенявина и др. П.Е. Егоров

участвовал в строительстве таких архитектурных сооружений, отличающихся своим величием и красотой, как Зимний дворец, Смольный монастырь, Дворцово-парковый ансамбль Петродворца, дом Штегельмана и др.

Данная книга создана на основе многолетнего труда Э.Ф. Кузнецовой («Архитектор Петр Егоров». Чебоксары: Чувашское книжное издательство, 1984). В нее также вошли отрывки из статей искусствоведа Р.Д. Люлиной и вновь обнаруженные документы, которые полнее раскрывают наследие зодчего и помогают переосмыслить некоторые страницы его жизни. Особую ценность представляют архивные материалы, приведенные в «Приложениях».

А.А.Трофимов,
доктор искусствоведения,
вице-президент
Национальной академии наук
и искусств
Чувашской Республики

Светлой памяти
Риммы Дмитриевны Люлиной

Э.Ф. Кузнецова

ДЕТСТВО И ЮНОСТЬ

Из каких чинов: из чуваш новокрещеный, «родом я чувашенин» — так начинаются многие документы, рассказывающие об архитекторе Петре Егоровиче Егорове. Добавим к этому год его рождения — 1731. Вот, пожалуй, и все, что известно о начале его биографии.

«Чувашенин» — это слово до революции было синонимом темноты, забитости и бесправия. Не зная русского языка, не владея грамотой, «в крайней слепоте своего невежества», — как часто писали в те времена, — чувашские крестьяне были абсолютно беззащитны перед самым жестоким произволом. Трудно сохранить спокойствие, читая их челобитные: «...бьют до смерти», «от грабежа домов своих лишилися...», «от разных податей пришли мы во всеконечное разорение...»

И.Т.Посошков в своей известной «Книге о скудости и богатстве» так писал о чувашских крестьянах: «К ним, паче русских деревень, приезжая солдаты, и приставы, и подьячии, овгда с указом, овгда же и без указа, и чинят им, что хотят, потому что они люди безграмотные и беззаступные. И того ради всякой их изобижает, и чего никогда в указе не бывало, того с них спрашивают и правежом правят». А.Н.Радищев, проезжая по Волге мимо Чебоксар, отмечает в своем дневнике почти в тех же выражениях: «сих простяков обманывают», «много им притеснения».

Сохранились немногие, но интересные свидетельства современников о чувашских крестьянах того времени. Академик И.И.Лепехин в «Дневных записках» отмечает их сообразительность и трудолюбие. Петербургский студент Товий Кенигсфельд пишет в своем дневнике об их уме, находчивости, склонности к юмору и привлекательной внешности. И даже в донесении жандармского полковника (оно написано уже в начале XIX века) можно прочесть: «Чувашский народ до сего времени погружен в крайнее невежество, но он от природы добр, бескорыстен, миролюбив; сделанная ему малая услуга обязывает его на целую жизнь благодарностью; трудолюбие его доказывается великим количеством вывозимого на пристани... хлеба. С таковыми качествами народ сей должен благоденствовать, если бы не был отдаваем в управление таких начальников, которые не лучшее имеют к нему уважение, как к вьючному скоту».

И.Т.Посошков считал, что чувашским крестьянам необходимо учить-

ся, чтобы могли «братию свою от всяких напрасных нападок оберегать». Но учиться, в сущности, было негде. Среди чувашских крестьян в те времена почти не было даже грамотных. Чаще всего они не знали и русского языка. Лепехин называет их «безмолвный сей народ». Сами они свои челобитные обычно начинали словами: «А мы, нижайшие, люди безгласные, по-русски говорить мало умеем...»

Темнота и невежество крестьян сознательно поддерживались правительством. Екатерина II писала в одном из частных писем: «Черни не должно давать образования. Поскольку будут знать столько же, сколько вы да я, то не станут нам повиноваться, как повинуются теперь».

Никаких существенных изменений в жизни чувашей не произошло даже и через сто лет. Вот что пишет известный педагог И.Я.Яковлев во второй половине XIX века: «Не отрадную картину представляет нынешнее житье-бытье чуваш. Приходя в близкое соприкосновение, нельзя смотреть без боли в сердце и мучения на их убожество, невежество, крайнюю бедноту и скудость материальную, а более духовную...»

Так как же Петр Егоров получил образование, стал архитектором?

Этому помогло лишь случайное стечение обстоятельств.

Поступая учиться, Петр Егоров написал о себе: «Родом я прежде был чувашенин, вывезен в малолетстве генерал-майором артиллерии князем Дадиановым в Россию...»

Князь Е.Л.Дадиани владел поместьями в Нижегородской губернии, в состав которой в XVIII веке входили Курмышский и Ядринский уезды с чувашским населением (основываясь на этом, можно предположить, что Петр Егоров родился в какой-то из присурских деревушек). По-видимому, в один из приездов князя Дадиани в свои поместья при обстоятельствах, которые остались нам неизвестны, к нему и попал чувашский мальчик.

В доме князя мальчик прежде всего, как он сам впоследствии напишет, был «окрещен православной вере греческого исповедания». Имя ему дали, возможно, в честь старшего сына князя Дадиани, которого звали Петр. Отчество же и фамилия совершенно определенно даны по имени крестного отца — князя Егора Дадиани.

Так появился Петр Егорович Егоров.

В доме князя Дадиани

Отрочество и юность Петра Егорова — важнейшие годы, когда формируется характер, определяются взгляды на жизнь, выясняются способности, — прошли в доме князя Дадиани, в окружении его родных и друзей. Чтобы понять Петра Егорова, его дальнейшую судьбу, необходимо знать и людей, с которыми он был так близко связан.

Егор Леонтьевич (Георгий Леванович) Дадиани (1683—1765) был сыном князя Левана IV, во владении которого находилась Мингрелия (Мегрелия) — феодальное княжество Западной Грузии, с прекрасной Колхидой, известной еще древним грекам. Князья Дадиани принадлежали к старинному дворянскому роду, ведущему начало еще с XIII века, со времен знаменитой царицы Тамары (в «Общем гербовнике дворянских родов Всероссийской империи» они записаны в первом отделении, среди самых аристократических семей).

Рано оставшись сиротой, Егор Дадиани воспитывался в семье прославленного грузинского царя Арчила II (Арчила Вахтанговича Багратиона). После безуспешной борьбы с притязаниями Турции и Персии на грузинские земли и междоусобицами феодалов в 1699 году по приглашению Петра I Арчил II с семьей и большой свитой приехал в Москву. Среди прибывших находился и шестнадцатилетний Егор Дадиани.

В грузинской колонии, основанной в подмосковном селе Всехсвятском, центром которой стал дом Арчила (Егор Дадиани долгие годы продолжал жить в его семье), собирался цвет грузинской интеллигенции — ученые, поэты, философы. Многие из них получили блестящее образование, подолгу жили во Франции, Италии. Тоска по оставленной родине, ее трагическая судьба сосредоточили все их помыслы на одном страстном желании — сохранить грузинскую культуру. Вот почему здесь почти каждый был занят наукой, литературой, искусством.

Егора Дадиани окружали блестящие, выдающиеся люди: царь Арчил — известный поэт, философ, гуманист, основатель первой грузинской типографии; Александр Багратиони, сын Арчила — первый русский генерал-фельдцейхмейстер, близкий друг Петра I еще с детских лет по Потешному полку; знаменитый «ученый царь» Вахтанг VI (племянник Арчила), о котором в «Истории Грузии», включенной в сборник «Картлис цховреба» («Жития Картли»), сказано: «почитатель знаний, мудр, любознателен, отважен и прекрасен...»; Саба Орбелиани — прославленный писатель и дипломат, долгие годы живший в Европе; юный Давид Гурамишвили — будущий великий поэт Грузии. Этот список можно было бы продолжать долго, т.к. перечислить всех выдающихся людей, связанных с московской грузинской колонией, весьма затруднительно. В сущности, это специальная тема. Достаточно сказать, что имена многих из тех, кто был в окружении князя Дадиани, остались в истории, их можно найти на страницах научных трудов, учебных пособий, энциклопедических справочников.

Петр I, любивший всю семью Арчила, часто и запросто бывал в его доме. В 1722 году замечательный московский праздник победы над шведами Петр I в память о своем друге — Александре Багратиони, погибшем во время Северной войны, начал в селе Всехсвятском, во дворце царя Арчила. Здесь в доверительной беседе, в которой участвовали лишь самые близкие люди (среди них был и Егор Дадиани), Петр I обсуждал предстоящий поход в Персию.

Как сложилась жизнь Егора Дадиани? Он принял русское подданство, поступил на царскую службу. От Петра I — «в подарок от русского царя» — получил поместья в Московской и Нижегородской губерниях. Стал превосходным военным специалистом, вышел в отставку генерал-майором артиллерии. Был богат и знатен. Получив, как и все члены семьи царя Арчила, блестящее образование, неоднократно участвовал в дипломатических переговорах, которые велись между Россией и Грузией. В 1715 году женился на внучке Арчила Софье (дочери Александра Багратиони).

Когда и при каких обстоятельствах Петр Егоров попал в семью князя Дадиани? Он сам пишет — «в малолетстве». Следовательно, скорее всего это случилось в конце 1730-х—начале 1740-х гг. Князь был уже немолод, по-видимому, ушел в отставку. Его дети стали взрослыми.

Многих близких и дорогих ему людей уже не было в живых. Осенью 1740 года скончалась царевна Дареджан, дочь царя Арчила, с которой Егор Дадиани был очень дружен всю жизнь. Ее «вотчины и деревни», находившиеся в Нижегородской губернии, перешли к племяннице — Софье Александровне Дадиани. Вот в этот период, в начале 1740-х годов, Егор Дадиани, возможно, и ездил в Поволжье, чтобы осмотреть свои новые владения.

В 1742 году в Поволжье был голод. Вымирали целые деревни, не оставляя следов человеческого существования. Возможно, что именно в это страшное время и попал в семью князя Егора Дадиани чувашский мальчик.

Судя по всему, князь сердечно привязался к Петру Егорову, относился к нему скорее как к воспитаннику или приемному сыну. Он дал ему образование, помог поступить учиться, напутствовал в жизнь. В этом благородном поступке чувствуется не только воспитанник поэта-гуманиста Арчила, но и человек петровского времени, когда решающее значение во взаимоотношениях людей имели не происхождение, а личные достоинства и, в первую очередь, — талант, ум, сердце.

«Ревностное желание» учиться архитектуре

Петр Егоров прожил в доме князя Дадиани до двадцати четырех лет. Он покинул его взрослым, сложившимся человеком, руководимый, как он сам позже напишет, «всеусердным и ревностным желанием» учиться архитектуре. Но как обнаружились его способности к «художествам»? Когда родилось это «ревностное желание»? Были ли у него возможности, живя в доме князя Дадиани, получить необходимые знания? И, наконец, кто направил его на дорогу творчества?

Художественная одаренность Петра Егорова проявилась, по-видимому, довольно рано. В те времена любому мастерству начинали учить «с малолетства», а Егоров, поступая в архитектурную школу, имел уже хорошую подготовку — и общеобразовательную, и специальную. Был обучен «российской грамоте», математике, основам архитектуры, «полевой практике» (умению снимать перспективный план местности), рисованию и живописи.

Кто был его первым учителем? Об этом не сохранилось определенных сведений. Им мог быть и сам князь Дадиани. Петр I любил говорить, что «надлежит стараться находить славу государству через науки и искусства». Люди петровского времени считали своим нравственным долгом способствовать распространению просвещения. Князь Дадиани мог научить не только грамоте и математике. В XVIII веке в программу обучения военных специалистов непременно входили рисование, живопись, основы архитектуры, причем знания, которые получали они в этой области, не были поверхностными, а стояли на высоком профессиональном уровне. Напомним, что Егор Дадиани был генерал-майором артиллерии, а офицеры артиллерии пользовались особым почетом и уважением, их считали рангом выше всех остальных. И никого не удивляло, когда инженеры-артиллеристы становились авторами трудов

по искусству или возглавляли различные учреждения, связанные со строительством и архитектурой. Таким образом, если даже Егор Дадиани непосредственно сам и не участвовал в обучении Петра Егорова, он вполне мог распознать его дарование и способствовать его развитию.

В доме князя Дадиани, вероятнее всего, была библиотека — слишком большую роль играли книги как в жизни самого князя, так и тех, кто его окружал. Ведь царь Арчил был не только поэтом и ученым, он, как уже упоминалось, занимался и книгопечатанием. Круг интересов и Александра Багратиони не ограничивался только военными науками. Обучаясь в Европе «чертежному пушечному делу», он с увлечением посещал музеи, театры, выставки, слушал научные доклады, интересовался архитектурой и живописью. Трудно представить, чтобы, возвращаясь в Россию, он не привозил с собой книг. Тем более, что Петр I обязывал к этому всех, кто уезжал за границу. Среди них могла быть самая разнообразная литература. Александр Багратиони, как уже говорилось, интересовался многим, но книги по архитектуре должны были присутствовать непременно: ведь они изучались военными специалистами.

Начиная с конца XVII века большой популярностью пользовались сочинения, рассказывающие о достопримечательностях западноевропейских городов — музеях, архитектурных памятниках, картинах знаменитых художников. Их можно было встретить во многих частных библиотеках того времени. Вполне вероятно, что они были и у Егора Дадиани, и у тех, кто его окружал. Таким образом, не будет большой смелостью полагать, что у Петра Егорова были возможности познакомиться с искусством по книгам, альбомам и гравюрам. Самообразованию в те годы придавалось огромное значение. Читая биографии выдающихся людей XVIII века, мы то и дело узнаем, что свои знания они получили «без всякого, можно сказать, предводителя», путем «прилежного чтения наилучших книг».

В 1750-е годы Петр Егоров жил, по-видимому, у Бакара Вахтанговича Багратиони (сына Вахтанга VI). В монографии И.Сахаровой, посвященной живописцу, одному из первых русских портретистов А.П.Антропову (М., 1974), приводится документ, в котором упоминается, что для живописных работ в Оперном доме в 1750 году «у грузинского царевича Бакара был взят Иван Егоров». Вероятнее всего, здесь речь идет о Петре Егорове: трудно предположить, чтобы в окружении князя Дадиани оказалось два человека, знакомых с живописью и носящих одну и ту же фамилию. Имена же в XVIII веке постоянно путали. Забыв имя русского художника, обычно писали «Иван». Так, Якоб Штелин в своих «Записках о живописи и живописцах в России» называет профессора Академии художеств Гавриила Игнатьевича Козлова «Иваном Гавриловичем». Даже прославленного живописца Антона Павловича Лосенко в некоторых источниках называют «Иваном Антоном».

В XVIII веке живописцев постоянно не хватало, все они находились на государственном учете. В 1750 году императрица Елизавета Петровна распорядилась начать строительство Оперного дома в Петербурге и с этой целью «брать живописцев в казенных местах и партикулярных домах сколько где живописному мастеру Перезинотти требуется». Поскольку

Петр Егоров был знаком с живописью, его вполне могли вызвать для исполнения срочной работы, требующей участия большого количества мастеров.

Приведенное сообщение очень интересно. Оно свидетельствует о знакомстве Егорова с блестящими представителями грузинской интеллигенции, к которым принадлежали «просвещеннейшие», как их тогда называли, сыновья Вахтанга VI. Старший из них — Бакар Багратиони, в доме которого жил Петр Егоров, в эти годы возглавлял всю грузинскую колонию, занимался книгопечатанием в типографии, которую открыл когда-то Арчил II. Младший — Георгий Багратиони — покровительствовал просвещению. Он пожертвовал только что открывшемуся Московскому университету 10000 рублей — щедрый дар, восторженно встреченный русской интеллигенцией (на здании университета была прибита мраморная доска с именем Георгия Багратиони). И, наконец, самый прославленный из братьев — Вахушти Багратиони. Его научные труды, не потерявшие значения и в наши дни, издавались не только в России, но и во Франции (в настоящее время его имя носит Институт географии в Грузии).

Род Багратиони дал многих замечательных деятелей — полководцев, ученых, писателей, художников. Были среди них и люди, известные своим свободомыслием. Внука Георгия Багратиони называли «якобинцем». Его ближайший родственник — князь Д.А.Голицын — участвовал в штурме Бастилии. Трудно не вспомнить здесь также «храбрейшего из храбрых», как его часто называли, прославленного героя 1812 года — П.И.Багратиона (он был правнуком грузинского царя Иессея, родного брата Вахтанга VI и племянника Арчила II).

Работы в Оперном доме в 1750-е годы проводились под руководством известных итальянских живописцев Джузеппе Валериани и Антонио Перезинотти, в них участвовали талантливые русские художники И.Я.Вишняков, А.П.Антропов, братья Иван и Алексей Бельские (все они были служащими Канцелярии от строений). Приглашение Петра Егорова на это строительство свидетельствует о его достаточной профессиональной подготовке как живописца. Но особенно важно здесь отметить другое обстоятельство. Еще задолго до поступления в архитектурную школу при Канцелярии от строений Петр Егоров уже обладал некоторым практическим опытом работы в коллективе известных мастеров, уже был в какой-то степени приобщен к той радости товарищества и взаимопонимания, которые неизменно присутствуют в содружестве людей творческой профессии. Не это ли способствовало зарождению в нем столь ярко выраженного желания учиться архитектурной науке?

Нельзя не учитывать и того впечатления, которое должен был произвести на Петра Егорова Петербург, ставший к этому времени уже одним из прекраснейших городов мира. Великолепные дворцы, широкие и прямые улицы, блеск «алмазных фонтанов», устремленный ввысь золоченый шпиль Петропавловской крепости — все это придавало «юному граду» неповторимое очарование, восхищавшее современников.

Итак, детство и юность Петра Егорова были тесно связаны с грузинской колонией, с именами князя Егора Дадиани и «грузинского царевича» Бакара Багратиони. Именно здесь он сложился как личность,

именно здесь впервые приобщился к «художествам». Петр Егоров рос среди людей, благоговейно преданных науке, литературе, искусству, в атмосфере интеллигентности, душевной красоты, высоких помыслов. Известный советский историк академик И.А.Джавахишвили дал краткую и выразительную характеристику лучшим чертам национального грузинского характера: «благородство мыслей, чистосердечность, мужественная прямота». Эти слова в полной мере можно отнести к людям, которые окружали Петра Егорова.

Как известно, детские и юношеские впечатления самые сильные. Петр Егоров долгие годы жил в обстановке, которая не могла не благоприятствовать развитию его художественных способностей, получению разносторонних знаний, воспитанию высоких нравственных понятий. Все это в значительной степени предопределило его путь в искусство.

ГОДЫ УЧЕНИЯ

Столичный город Санкт-Петербург

В 1753 году Петербургу исполнилось полвека. Накануне юбилея города его первый историк А.И.Богданов писал: «Сей град Санкт-Петербург столько распространен, преукрашен и возвеличен, что пред многими главнейшими и древностию превозносящимися городами в Европе имеет знатное преимущество».

Блеск и великолепие Петербурга в значительной степени определялись тем, что он был столицей огромного и могущественного государства. Здесь жили цари и высшая аристократия. Здесь находилось правительство и важнейшие государственные учреждения. Это был парадный фасад дворянской империи.

Пятидесятые годы XVIII века... Первые шаги делают наука, искусство, литература. В Москве основан университет, в Петербурге — общедоступный русский театр и Академия трех знатнейших художеств. Появляются первые журналы. Культура все больше начинает проникать в самые широкие слои русского общества.

Расцвет культуры, характерный для этого времени, в значительной степени связан с именем великого Ломоносова. Нет, пожалуй, области в науке, литературе, искусстве, где бы в той или иной степени не сказался его всеобъемлющий гений.

Ломоносов верил, что русский народ талантлив, что он имеет «ко всем искусствам особливую способность». Он призывал соотечественников учиться и доказать на деле, что русская земля может рождать «собственных Платонов» и «быстрых разумом Невтонов». Под влиянием идей Ломоносова, начиная с 1750-х годов, формируется русская демократическая интеллигенция — «ломоносовское племя»: ученые, литераторы, художники. Они трудятся «для приращения наук в Отечестве», создают новую литературу, изумляют и восхищают талантами во всех «трех знатнейших художествах» — архитектуре, живописи и скульптуре. «Огромный и неповторившийся в течение целого столетия расцвет художественного творчества во второй половине XVIII века должен быть отнесен за счет запаса огромных народных сил, прорвавшихся в русское искусство», — писал А.М.Эфрос в книге «Два века русского искусства» (М., 1969). Чтобы убедиться в этом, достаточно назвать лишь некоторые, наиболее прославленные имена: Василий Баженов — сын псаломщика, Матвей Казаков — подканцеляриста, Федот Шубин — крестьянина, Иван Вишняков — «шатерных дел мастера», Алексей Антропов —

солдата. Этот список можно было бы продолжать довольно долго. И не случайно в словах Н.И.Новикова, когда он дает характеристику разночинцу, звучит гордость: «защитник истины, помогатель бедности, ненавистник злых нравов и роскоши, любитель человечества, честности, наук, достоинства и Отечества...». Своим примером он доказал, что «не порода, но добродетели делают человека достойным почтения честных людей».

Даже на общем фоне стремительного взлета русской культуры этого времени особенных успехов достигла архитектура — «мать всех художеств», как называл ее Ломоносов. И.Э.Грабарь пишет: «В течение ста лет от 1730 до 1830 гг. Россия явила миру такой расцвет архитектуры, какого со времен Возрождения не было ни в одной стране».

Невозможно представить себе Петербург без великолепных, праздничных, похожих на сказку дворцов и храмов величайшего архитектора XVIII века Бартоломео Франческо Растрелли. 1740—1750 гг. — самый плодотворный, самый блестящий период его творчества: закончены дворцы Строганова и Воронцова, строится собор Смольного монастыря — «лучшая жемчужина в творчестве Растрелли» (И.Грабарь), на левом берегу Невы, недалеко от Адмиралтейства, начинается сооружение знаменитого четвертого Зимнего дворца, навеки прославившего его имя в истории не только русского, но и мирового зодчества.

Все творения Растрелли, — а ими в значительной степени определяется архитектура середины XVIII века, — созданы в стиле барокко (итальянское слово, означающее в переводе «вычурный», «причудливый»). Для него характерны эффектная декоративная композиция, стремление к пышности, монументальности, величию. Говоря об архитектуре барокко, чаще всего употребляют эпитеты «великолепная», «ликующая», «прекраснейшая». Именно в таких выражениях описывает свои произведения и сам Растрелли. «Я не могу, — рассказывает он о создании Смольного монастыря, — достаточно превознести великолепие этого здания, украшенного снаружи прекраснейшей архитектурой...» Творения Растрелли часто сравнивают с торжественными одами Ломоносова, называют «застывшей музыкой». В 1750-е годы имя «обер-архитектора двора Императорского Величества графа Бартоломео Франческо де Растрелли» гремело по всей России, стало почти легендарным.

Итальянский художник П.Ротари написал портрет Растрелли в расцвете его славы: умное, красивое, несколько надменное лицо уверенного в себе человека. Гениальный зодчий, «величайший поэт живописной архитектуры» (И.Э.Грабарь), поистине титанический труженик: список его работ столь велик, что производит почти фантастическое впечатление. Значение Растрелли в истории русского искусства огромно. «Начиная с творчества Растрелли — самого талантливого мастера середины столетия — можно говорить о подлинно художественной ценности русской архитектуры нового времени, не уступавшей лучшим творениям западноевропейских мастеров», — пишет Н.А.Евсина в книге «Архитектурная теория в России XVIII века» (М., 1976).

Растрелли был главным архитектором Канцелярии от строений — центрального государственного учреждения, ведавшего строительством Петербурга и его окрестностей (фактически в эти годы его влияние простиралось на всю художественную жизнь страны). Масштаб работ,

К-39116

Национальная библиотека Украинской Республики

которые оно выполняло, был очень широк: от составления проекта и сметы до полной отделки интерьеров. Здесь трудились тысячи мастеров, представители всех специальностей, прямо или косвенно связанных со строительством — от каменщика и плотника до архитектора, живописца и скульптора. Одним словом, как пишет И.Э.Грабарь, «Канцелярия от строений — особое учреждение, превратившееся постепенно в целое министерство, каким мы видим его особенно при императрицах Елизавете и Екатерине II».

Именно сюда — в архитектурную школу при петербургской Канцелярии от строений и собирался поступить учиться Петр Егоров.

Школа при Канцелярии от строений

Архитектурная школа при Канцелярии от строений была официально учреждена в 1746 году. Она родилась в сложных условиях строительства Петербурга как отголосок мечты замечательных русских зодчих — М.Г.Земцова, П.М.Еропкина и И.К.Коробова о создании Архитектурной академии. С именами этих людей связан интереснейший документ XVIII века — трактат «Должность архитектурной экспедиции», в котором, наряду со многими проблемами, касающимися архитектурно-строительной деятельности, подробно рассматривались вопросы архитектурного образования. В нем предлагалось учредить Архитектурную академию — «для размножения сей науки впредь в пользу государственную». И в связи с этим была подробно разработана программа обучения, продуман круг знаний, необходимых архитектору. «Совершенный архитектор», как указывалось в трактате, должен был хорошо владеть не только профессиональным мастерством, но быть мыслящим, широкообразованным, начитанным человеком. Но и этого мало. Ему предъявлялись высокие нравственные требования: «архитектор должен быть правдолюбив, бескорыстен, кроток и с чистой совестью».

Программа, которая предлагалась в «Должности архитектурной экспедиции», отнюдь не была утопической. Ее осуществлению помешали лишь крайне неблагоприятные исторические условия. Архитектурная академия не была открыта, но ее педагогическая программа в значительной мере осуществилась в школе при Канцелярии от строений. В год ее открытия уже не было в живых ни Земцова, ни Еропкина. Еропкин был казнен по известному делу Артемия Волынского, боровшегося против «бироновщины», Земцов погиб, загубленный, как и многие русские художники, непосильной работой. Недолго прожил и Коробов (он умер в 1747 году). Но то, о чем они мечтали, — специальное учебное заведение, имеющее определенную программу и регулярное расписание занятий, начало свое существование. Это была архитектурная школа при Канцелярии от строений. И ее первыми преподавателями стали ученики Михаила Земцова.

В конце 1740-х—начале 1750-х гг. школа при Канцелярии от строений была лучшим учебным заведением, в котором можно было получить архитектурное образование. Задуманная еще при Петре I Академия художеств была открыта в конце 1757 года, а обучение при «художественном департаменте» Академии наук, несмотря на благоприятные условия (продуманная программа, специальные мастерские, хорошая библиоте-

ка), носило ремесленный характер. В одном из «доношений» Сенату (предполагается, что его автором был Ломоносов) указывалось, что «ни один русский ни в котором художестве при Академии в мастера еще не произошел». В 1750-е годы при «художественном департаменте» Академии наук было лишь два архитектурных ученика — Рейнгольд Аш и Юрий Фельтен, но и они вынуждены были попроситься «доучиваться» в Канцелярию от строений.

В 1750-е годы архитектурная школа при Канцелярии от строений пользовалась большим престижем и популярностью. Желающих поступить сюда было немало, о чем свидетельствуют многочисленные прошения о приеме. Поступить сюда было далеко не просто — следовало сдать специальные экзамены. По штатному расписанию Канцелярии от строений на 1755 год архитектурных учеников числилось 25 человек. Однако желание учиться здесь было так сильно, что некоторые ученики были приняты сверх штата и занимались «на своем коште», без жалованья. Так, Иван Фок, будущий многолетний сослуживец Петра Егорова, поступил сюда в 1755 году «для вспоможения без жалованья» и проучился таким образом более пяти лет. Почти год приходил учиться к «обер-архитектору господину графу Растрелли», не будучи зачисленным в штат Канцелярии от строений, студент Академии наук Юрий Фельтен.

Теоретические знания, получаемые учениками в архитектурной школе, постоянно сочетались с практической, общей для всех работой на строительстве. В XVIII веке такая форма обучения была наиболее эффективной, так как строительное искусство постигалось, в сущности, только на практике. Какие-либо учебные пособия в этой области в то время почти полностью отсутствовали. Архитектор, возводя здание «в натуре», обычно руководствовался опытом, интуицией — теми сведениями, которые приобретались в течение всей жизни на строительстве. Практический опыт ценился чрезвычайно высоко. Без него звания архитектора получить было нельзя. Когда петровские пенсионеры вернулись из Европы в Россию, их знания проверяла специальная комиссия. Поскольку «в практике» они оказались слабы, им не было дано звание архитектора (Еропкин «доучивался» у Земцова, одно время даже жил у него в доме). Когда открылась Академия художеств, без знания практики в академики не переводили. Таким образом, постоянное участие архитектурных учеников в строительных работах было для тех лет сильной стороной обучения.

Архитектурная школа при Канцелярии от строений давала прочные профессиональные знания и сыграла немалую роль в деле воспитания отечественных зодчих. Ее открытие считается высшим этапом в развитии архитектурного образования в России того времени. Впоследствии педагогический опыт Канцелярии от строений был в значительной степени использован и в московской архитектурной школе Д.В.Ухтомского, и при открытии архитектурных классов Академии трех знатнейших художеств. Можно сказать больше: само открытие Академии художеств вряд ли было бы возможным без того длительного процесса предварительного развития художественного образования, который уже прошла школа при Канцелярии от строений.

«Приемная апробация»

В марте 1755 года Петр Егоров подает челобитную на имя императрицы Елизаветы Петровны с просьбой принять его архитектурным учеником в школу при Канцелярии от строений. Он пишет: «Бьет челом из чуваш новокрещеный Петр Егоров, а в чем мое прошение, тому следуют пункты:

1

Родом я прежде был чувашенин и вывезен в малолетстве господином генерал-майором артиллерии князем Дадиановым в Россию и им окрещен православной вере греческого исповедания; и находился при означенном господине генерал-майоре и доныне; и обучен российской грамоте, читать, писать, арифметике, геометрии и отчасти малевать; однако ж упомянутого господина генерал-майора не крепостной, а состою вольным...

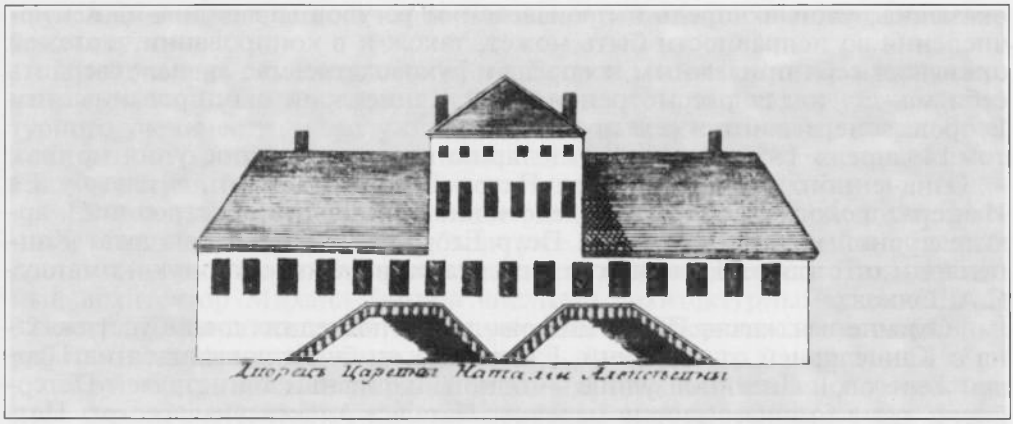
2

А понеже по тем моим наукам и дабы я и более оных еще приусугубить мог, всеусердное и ревностное желание имею быть в высокославной Вашего Императорского Величества службе архитектурной науки учеником».

В этой челобитной решающее значение имеет имя князя Дадиани. В XVIII веке правительство всячески препятствовало поступлению учиться лицам, принадлежащим к податному сословию и, прежде всего, — крестьянам. Зачисление в учебное заведение рассматривалось как государственная служба, следовательно, влекло за собой автоматическое исключение из подушного оклада. В интересы государства это не входило. Как бы ни был талантлив «чувашенин» Петр Егоров, вряд ли его допустили бы даже к приемным экзаменам. Но к просьбе генерала петровских времен императрица не могла отнестись без внимания. Кроме того, имя князя Дадиани было ей знакомо. С грузинским селом Всехсвятским, в котором много лет жил князь Дадиани, ее связывали самые лучшие воспоминания. Здесь, во дворце царя Арчила, двенадцатилетней девочкой она присутствовала вместе со своим великим отцом на замечательном московском празднике победы над шведами. Здесь, в селе Всехсвятском, она останавливалась в самые счастливые дни своей жизни — перед коронованием, по дороге в Москву.

«По указу Ея Императорского Величества», документы Петра Егорова поступили на рассмотрение к директору Канцелярии от строений — генерал-аншефу В.В.Фермору. Более чем вероятно, что и он знал князя Дадиани: оба были артиллеристами, начинали службу еще при Петре I. Во всяком случае князь Дадиани именно ему пишет специальное письмо, в котором рекомендует Петра Егорова, подтверждая, что он «выучен при его доме, прилежен к учению и никаких пороков за ним не присмотрено». Направляя бумаги Петра Егорова по следующим инстанциям — «к надлежащему рассмотрению и определению в службу», Фермор считает необходимым оговорить, что делает это, «понеже о нем отставной артиллерии генерал-майор князь Дадиани пишет ко мне рекомендацию».

Виллим Виллимович Фермор известен как видный государственный



Канцелярия от строений (бывший дворец царевны
Натальи Алексеевны, сестры Петра I).
Здесь учился и работал архитектор П.Е.Егоров.

деятель, храбрый генерал. Особую признательность к нему испытывал А.В.Суворов. Он любил говорить: «У меня было два отца — Суворов и Виллим Виллимович Фермор!» Все окружающие отзываются о нем с большой похвалой: считают отличным специалистом — инженером и артиллеристом, отмечают превосходные человеческие качества: честность, мужество, бескорыстие, трудолюбие. Известно, что он страстно любил искусство, коллекционировал картины и гравюры.

Доброе отношение современников ощущается и в портрете Фермора, который написал А.П.Антропов, проработавший многие годы в Канцелярии от строений. Прекрасное лицо, тонкое, бледное, с большими грустными глазами, притягивает к себе какой-то особенной одухотворенностью и благородством. Трудно удержаться, чтобы не вспомнить здесь всемирно прославленные портреты детей Фермора, написанные другим замечательным художником Канцелярии от строений — И.Я.Вишняковым (учителем Антропова). Тонкий аристократизм, изысканность и вместе с тем мужественность облика Фермора удивительно гармонируют с хрупким, нежным очарованием его детей.

Благожелательное участие Фермора отразилось в той или иной степени во всех протоколах, «репортах» и «предложениях», — а их было немало, — сопровождавших «Дело об определении в службу из чуваш новокрещеного Петра Егорова»*.

30 марта 1755 года Петр Егоров был допущен к «приемной апробации» — вступительным экзаменам. Почти две недели С.А.Волков, возглавлявший архитектурную школу Канцелярии от строений, проверял его знания («какое искусство имеет»). О результатах он сообщает в специальном «репорте»:

«...Означенный Егоров арифметике и геометрии, как по апробации

---

* Удивительно пересекаются судьбы людей. Интересно отметить, что во второй половине XIX века, через сто лет, директор петербургского департамента граф Стенбок-Фермор, прямой потомок В.В.Фермора, поможет И.Я.Яковлеву, впоследствии известному чувашскому просветителю, уволиться из удельного ведомства для поступления в гимназию.

оказалось, учен и впредь в произведении регулов (правил. — *Э.К.*) исчисления во исправности быть может, також и в копировании чертежей оказывает себя прилежным и впредь в руководстве еще лучше утвердить себя может, и для рассмотрения оной Канцелярии скопированные им Егоровым чертежи при сем представляю».

14 апреля 1755 года в Канцелярию от строений поступил приказ: «...Означенного новокрещеного Петра Егорова принять в службу Ея Императорского Величества в ведомство Канцелярии от строений... архитектурной науки учеником». Петр Егоров был зачислен в штат Канцелярии от строений учеником 1-го класса в «архитектурную команду» С.А.Волкова.

Отныне вся жизнь Петра Егорова до его последних дней будет связана с Канцелярией от строений. Ежедневно он будет появляться на Первой Береговой Литейной улице — одной из главных магистралей Петербурга, где в бывшем дворце царевны Натальи Алексеевны, сестры Петра I, размещалась Канцелярия от строений. До наших дней это здание не сохранилось, но его хорошо видно на одной из самых известных гравюр петровского времени — «Панораме Петербурга» А.Ф.Зубова (второй дом слева). Это большое каменное здание с трехэтажным центром, боковыми одноэтажными крыльями и палисадником. Оно находилось в том месте, где на углу улицы Воинова и проспекта Чернышевского стояла церковь «Всех скорбящих», построенная уже в начале XIX века (ул. Воинова, д. 35).

Порядки в Канцелярии от строений были почти военные. Фермора в документах часто называют «командиром», стоящим во главе «строительных батальонов». Все распоряжения начальства отдавались в виде приказов, словесных или письменных, требовавших немедленного и беспрекословного выполнения. Все сотрудники, включая учеников, носили мундиры, по мере прохождения службы награждались чинами — военными и гражданскими. Переменить место работы по собственному желанию не разрешалось, уйти со службы можно было только по состоянию здоровья. Даже паспорт сотрудники получали лишь при увольнении или в случае отъезда на длительный срок по специальному разрешению.

Где поселился Петр Егоров, поступив учиться? Скорее всего, в слободе Канцелярии от строений, расположенной в районе Песков (это название местность получила из-за песчаных морских отложений, которые здесь долгое время заметно выделялись): начиная с 1752 года Пески по специальному указу начали заселяться «чинами и мастеровыми Канцелярии от строений». Поселившись здесь, по-видимому, еще учеником, Петр Егоров проживет тут всю жизнь.

«Архитектурной науки ученик»

Обучение архитектуре считалось «многолетней наукой». До старших классов обычно доходили очень немногие ученики (в 1755 году их было только четверо), т.к., перейдя сюда, надо было обладать и способностями, и совершенно определенным кругом знаний: четко усвоить ведущие принципы классического зодчества, свободно владеть чертежной графикой, хорошо рисовать, ибо, как писал М.Г.Земцов, «в архитектурной

науке наивящая изящность и первейшая нужда — рисование», знать математику.

Любопытно отметить, что Петр Егоров, по-видимому, имел основания считать, что по своим знаниям он уже прошел период архитектурного ученичества и заслуживает звания помощника архитектора. В челобитной 1768 года он напоминает с некоторой обидой: «А прочие мои братья, вступя обученные, прямо поступали в помощники...»

Награждать званиями в Канцелярии от строений не спешили. Ученики «вышнего класса» часто были уже взрослыми людьми и обладали достаточными знаниями, чтобы работать самостоятельно. Так, известный архитектор Михаил Земцов числился архитектурным учеником до 32 лет, несмотря на то, что ему уже давно доверяли самостоятельные работы и знания его высоко ценились.

Круг обязанностей старших учеников был значителен и ответственен: они допускались уже к самостоятельному проектированию по заданной программе — «сочинению планов, фасадов и профилей», иначе говоря, к занятиям по архитектурной композиции, активно участвовали в строительных работах, помогали в обучении младших учеников.

Занятия проходили в чертежном архиве Канцелярии от строений. В этом своеобразном «архитектурном кабинете» ученики могли знакомиться с книгами, гравюрами, рисунками, с выдающимися образцами мирового и русского зодчества. Здесь хранились, начиная с 1739 года, подлинники всех поступавших в Канцелярию от строений чертежей. Для повседневного употребления с них делались копии. В «копиевании чертежей» помогали старшие ученики, которые специально с этой целью прикреплялись к архиву (среди них в 1750-е годы был Алексей Квасов, будущий известный архитектор).

На «мастерском» дворе Канцелярии от строений хранились модели различных архитектурных сооружений (в частности, известно, что сюда поступили модели, принадлежавшие Михаилу Земцову). Изучение моделей (зачастую они были сделаны столь искусно, что представляли собой самостоятельную художественную ценность), умение их строить считались обязательными для каждого архитектурного ученика.

Большое значение придавалось самостоятельному изучению литературы. Считалось, что ученик должен быть «известен о многих книгах, чрез которые мог бы свой ум поощрять». Долгое время самой популярной, настольной с петровских времен книгой не только у архитектурных учеников, но и у давно практикующих зодчих был трактат итальянского архитектора периода Возрождения Джакомо Виньолы «Правило пяти ордеров архитектуры». Но в 1750-е годы круг чтения учеников значительно расширяется. В какой-то степени об этом можно узнать из «реэстра» (списка) книг, который составил в 1751 году Д.В.Ухтомский, организуя московскую архитектурную школу. Среди первых имен, которые в нем приводятся, — древнеримский архитектор Витрувий, которого в России почтительно называли «великим и многоискусным», и итальянский архитектор периода Возрождения Андреа Палладио — «властитель дум в течение двух столетий» (И.Э.Грабарь).

Книги в XVIII веке были дорогие, издавались в небольшом количестве, достать их было очень нелегко. Но здесь важен сам факт: эти книги были известны, их изучение считалось необходимым. Отсюда вполне реально предположить, что те из учеников, которые проявляли упорство

и настойчивость, находили возможным знакомиться и с более широким кругом специальной литературы.

В 1750-е годы архитектурную школу при Канцелярии от строений возглавлял Семен Артемьевич Волков (1717—1790). Он стал первым учителем Петра Егорова в школе. Что о нем известно? Сын приказного, он поступил в Канцелярию от строений «архитектурным учеником», когда ему было 18 лет. Учился сначала у Михаила Земцова, затем был переведен в команду Растрелли, который обычно отбирал к себе в качестве чертежников и рисовальщиков наиболее способных и подготовленных учеников.

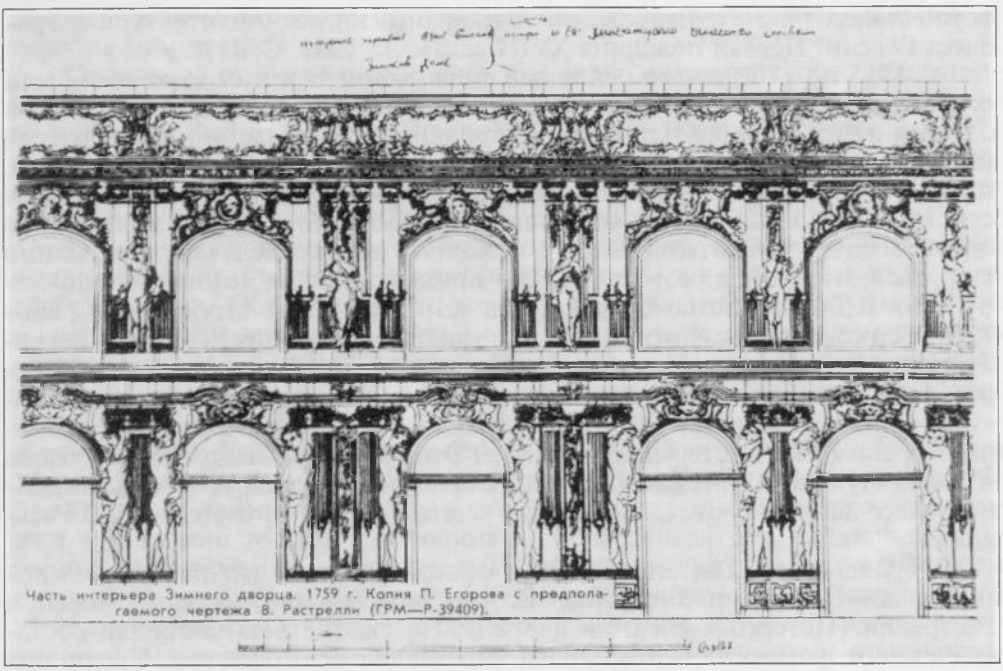
Молодость Волкова совпала с деятельностью замечательных русских архитекторов 1730-х годов — М.Г.Земцова, П.М.Еропкина и И.К.Коробова, с их работой над проектом преобразования города в «Комиссии о Санкт-Петербургском строении», над созданием трактата «Должность архитектурной экспедиции». Несмотря на то, что этот трактат не был опубликован (он увидел свет лишь в наше время), его содержание, без сомнения, было хорошо знакомо многим современникам, в первую очередь, разумеется, ученикам Земцова. Не будет преувеличением предположить, что Волкову была известна и прославленная библиотека Еропкина — лучшее и наиболее полное собрание книг по искусству того времени (это тем более вероятно, что Еропкин одно время жил в доме Земцова).

Любопытно отметить, что именно С.А.Волков выдвигается как предполагаемый автор знаменитых гранитных набережных Невы, а В.Згура в книге «Монументальные памятники Москвы» (М., 1926) высказывает мнение, что ему (С.А.Волкову) принадлежит проект ворот Винно-соляного двора в Москве. Изящная простота этого проекта, выполненного в 1756 году — в период расцвета барокко, — давно привлекает внимание искусствоведов, т.к. он «едва ли не первый в России» (И.Э.Грабарь) создан в стиле классицизма.

Преподавательская работа была, по-видимому, любимым делом С.А.Волкова. Он много лет руководил школой при Канцелярии от строений. Даже переехав в 1770 году в Москву (после реорганизации Канцелярии от строений), он по собственному желанию набирает себе учеников. Без сомнения, страстная мечта Земцова, Еропкина и Коробова о воспитании отечественных архитекторов была близка и ему.

В 1755 году Семену Волкову было 38 лет. Он деятелен, энергичен, полон творческих замыслов. Диапазон его работ велик: он проектирует, много строит, участвует в конкурсах и экспертизах, руководит архитектурной школой. В пятом томе «Истории русского искусства» (М., 1960) об этом периоде его творчества сказано: «К концу 50-х—началу 60-х годов окончательно сложилась творческая индивидуальность Волкова, и он выступает как самостоятельный и зрелый мастер. Немногие сохранившиеся проекты зодчего представляют несомненный художественный интерес».

Какие сведения сохранились об ученических годах Петра Егорова? 27 апреля 1756 года он вместе с другими учениками под наблюдением бывшего преподавателя архитектурной школы Н.Жирара был направлен в Петергоф принять участие в снятии его генерального плана. Можно предположить, что эти работы были достаточно сложными, так как он вспоминает о них через 13 лет (в челобитной 1768 года): «А в ту мою службу употреблялся в 1756 году для снятия Петергофской генераль-



Часть интерьера Зимнего дворца. 1759 г. Копия П. Егорова с предполагаемого чертежа Б. Растрелли (ГРМ—Р-39409).

Ученический чертеж П.Егорова. 1759 г. Часть интерьера Зимнего дворца. Копия с чертежа Б.Ф.Растрелли.

ной ситуации...» О работах Егорова в Петергофе свидетельствует также копия, снятая им 2 марта 1756 года с чертежа архитектурного помощника Якова Алексеева: «План каменного дома с деревянным флигелем и части старых каменных покоев в Монплезире» (хранится в ЦГИА).

В декабре 1757 года С.А.Волков выдает Петру Егорову аттестат: «Петр Егоров, 25 лет, в службе с 1755 года, жалованье получает с 1757 года по 36 рублей. Аттестован: состояния доброго и в рисовании чертежей знание и прилежность имеет. В нынешнем году прибавочное жалованье произведено». Одновременно получает аттестат и другой ученик С.А.Волкова — Алексей Квасов: «Алексей Квасов, 25 лет, состоит учеником с 1749 года, в службе с 1744 года, жалованье 36 рублей с 1756 года».

Как видим, аттестаты близки по содержанию. Многое совпадает: возраст, положение, жалованье. Однако Квасов «в службе» уже 13 лет. Лаконизм характеристик обычен для того времени. Если ученик успехов не проявлял, о нем писали прямо: «понятия не имеет и впредь ко обучению неблагонадежен», «нерадением помрачен». Интересно, что, говоря о Егорове, Волков считает необходимым специально отметить его успехи в «рисовании чертежей».

К этому времени относится еще один ученический чертеж Петра Егорова: «План Адмиралтейской части Петербурга с указанием местоположения и планом церкви Исаакия Далматского на берегу Невы». Чертеж подписан: «С подлинного архитектурии ученик Петр Егоров 1758 года марта 30». Это копия с чертежа Н.Ф.Гербеля, связанного с проектом укрепления стен и частичной переделкой церкви. Проект не был

осуществлен (чертеж Егорова опубликован в книге «Архитектурная графика России. Первая половина XVIII века». Л., 1981. С. 41).

С 1755 по 1762 гг. все основные силы Канцелярии от строений были сосредоточены на сооружении Зимнего дворца Растрелли, которое в связи с начавшейся Семилетней войной продвигалось медленно. Императрица, желая подчеркнуть государственное значение этого строительства, писала, обращаясь в Сенат: «Строение того каменного Зимнего дворца строитца для одной славы всероссийской империи, и по обстоятельству оного следует правительствующему Сенату во всех случаях неотменно стараться, чтоб оное безостановочно приведено было ко окончанию».

Как и большинство сотрудников Канцелярии от строений, в работах по строительству Зимнего дворца участвовал и Петр Егоров. В петербургском Русском музее хранится рисунок (№ 39409), подписанный Петром Егоровым. Он датирован сентябрем 1759 года и представляет собой «Внутреннее украшение в зале в новом Зимнем доме, которое Ея Императорским Величеством апробовано». Этот рисунок, выполненный очень изящно (тушью и красками), дает изображение двухъярусного зала Зимнего дворца и является, вероятнее всего, копией с чертежа Б.Ф.Растрелли.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что работы, на которых занят в этот период Петр Егоров, в основном связаны с именем Растрелли (Петергоф, Зимний дворец). На склоне лет Растрелли составил список учеников, которых он «наставлял архитектуре». Среди них он называет «Ивана Егора в Петергофе». Возможно, что здесь имеется в виду Петр Егоров. Некоторая неточность имени не должна смущать. Как уже говорилось, имена в XVIII веке часто путали. Кроме того, Растрелли составлял список по памяти (он сам признается, что многих своих учеников помнит плохо или забыл совсем), поэтому легко мог ошибиться.

Известно, что Растрелли, будучи поглощен творческой работой, в сущности, не имел возможности заниматься преподавательской деятельностью. Однако уже сама по себе работа на крупнейших стройках того времени, проходивших под руководством архитектора такого масштаба, как Растрелли, была превосходной школой, способствовавшей совершенствованию мастерства, приобретению многих необходимых знаний.

Обучение архитектурной науке было трудным: суровая дисциплина, жизнь впроголодь, грошовое жалованье, ежедневный труд по 12—14 часов, а если работа требовала «поспешания», то — «денно и нощно». Такие условия выдерживали далеко не многие, лишь те, кому помогал талант, кого поддерживала любовь к избранному делу.

На пути к мастерству

В конце 1750-х—начале 1760-х годов под влиянием идей Просвещения начинают формироваться новые эстетические представления об искусстве, его назначении и содержании. Еще продолжают строиться лучшие творения барокко — Зимний дворец Б.Ф.Растрелли, Никольский Военно-морской собор С.И.Чевакинского, — но это уже прошлое. На смену блестящему великолепию барокко приходит новое направление в искусстве — классицизм (от латинского — «первоклассный, образцо-

вый»), идеалом которого становится благородная простота, ясность и величие памятников античности.

Овладение стилем классицизма требовало от архитектора определенного уровня культуры, глубоких и всесторонних знаний. Можно ли было во второй половине 1750-х годов, не учась в Академии художеств (открылась только в конце 1757 года) и не побывав за границей («пенсионерство» возобновилось после длительного перерыва лишь в 1760-е годы), получить достаточно глубокое архитектурное образование?

Отвечая на этот вопрос положительно, обычно называют имена двух выдающихся архитекторов русского классицизма — А.Ф.Кокоринова и М.Ф.Казакова. Оба они получили основное образование в московской школе Д.В.Ухтомского, открытой в 1749 году. Оба прославили русскую архитектуру. И.Э.Грабарь пишет о Казакове: «Самым большим архитектором Москвы в XVIII веке, а вместе с тем и величайшим в России, был современник Баженова и сотрудник его по Кремлевскому дворцу — Казаков. Этот загадочный человек, получивший все свое образование в Москве у князя Ухтомского и его преемника Никитина и никогда не бывавший за границей, обладал таким архитектурным гением, что ставить его можно только с исполинами Ренессанса». Но Казаков был не только талантлив, он много знал. И.Э.Грабарь пишет: «При всем своем блестящем даровании Казаков обладал и изумительными знаниями, об этом свидетельствуют все его создания, которых, по счастью, сохранилось в Москве еще немало. Он ни разу не был за границей, но неустанно следил за всеми тонкостями и мельчайшими оттенками, вносившимися в сокровищницу форм нового классицизма мастерами Италии, Франции и Англии. Все стадии классицизма, начиная от первых намеков стиля Людовика XVI и кончая римскими идеалами, выдвинутыми в эпоху Директории и Первой империи, нашли отзвук в его искусстве».

Не меньшими знаниями обладал и А.Ф.Кокоринов, ставший профессором и директором Академии художеств.

Как и многие их современники, большую часть своих знаний они приобрели путем самостоятельного изучения книг, гравюр, увражей (роскошных иллюстрированных изданий, в которых помещались обмерные чертежи и зарисовки памятников архитектуры), привозных проектов. Якоб Штелин так писал о Кокоринове: «Путем счастливого использования новейших итальянских и французских архитектурных приемов, высмотренных из гравюр, он, благодаря природному дарованию, достиг значительных результатов».

Какие возможности были у Петра Егорова, учившегося в Канцелярии от строений, «стать с веком наравне», приобщиться к новому направлению в искусстве?

Петербург был центром культурной жизни страны — науки, литературы, искусства, просвещения. Здесь жили и трудились выдающиеся ученые, архитекторы, художники, скульпторы, писатели, актеры. Здесь были музеи и библиотеки — государственные и частные. Здесь можно было посмотреть спектакль, выставку, зайти в книжную лавку, познакомиться и с интересными выдающимися людьми и со своими сверстниками — учащимися многочисленных учебных заведений. Здесь кипела жизнь. Все передовое, новое, наиболее интересное, происходившее не только в России, но и в Европе, находило именно здесь самый быстрый отклик. Возможности учиться в Петербурге были более чем благо-

приятными, особенно — для архитектора. Ведь само строительство Петербурга было огромной градостроительной школой, воспитавшей не одно поколение зодчих. Архитекторы Канцелярии от строений, выполнявшей заказы царского двора, были в курсе всех новых веяний в искусстве.

Архитектуру классицизма в русских условиях того времени изучали, в основном, по книгам зодчих и теоретиков античности и Ренессанса (в первую очередь, Витрувия и Андреа Палладио).

Не сохранилось сведений о том, какие книги были при чертежном архиве Канцелярии от строений. Вряд ли здесь были дорогие и ценные издания. Но в недавно открывшейся Академии художеств, связь с которой в ее «начальные годы» у Канцелярии от строений была очень тесной, такие книги были. Известно, что сюда поступила богатейшая библиотека И.И.Шувалова, первого президента Академии художеств. Это была великолепная коллекция книг и эстампов, среди которых преобладали роскошные дорогие издания. Особенно важно отметить, что среди этих книг был трактат Витрувия «Десять книг по архитектуре» (ее полный перевод был сделан в 1757 году Стефаном Савицким, кабинет-переводчиком Елизаветы Петровны). Попытки перевода книги Андреа Палладио — «Паладиуша славного Архитекта» — делались и в петровские времена («стольником» В.В.Долгоруковым) и позже — П.М.Еропкиным. Во всяком случае, русским архитекторам она была известна.

В Петербурге возможности достать книги были достаточно широкими. Кроме библиотек и книжных лавок, книги обязательно демонстрировались, наряду с произведениями искусства, гравюрами, картинами, архитектурными чертежами, на ежегодных выставках в Академии художеств.

Допущенные к знаниям разночинцы учились с жадностью. Чтобы достать нужную книгу, они, не задумываясь, отдавали последнее. Так, актер Федор Волков, учась в Сухопутном Шляхетском корпусе, остался зимой без одежды — заложил все свои вещи, чтобы выписать «из заморья» дорогие книги по искусству.

Как уже говорилось, педагогическая система Академии художеств в первые годы во многом базировалась на опыте Канцелярии от строений (не только в архитектурных, но и в живописных классах). Ее преподаватели зачастую были одновременно и сотрудниками Канцелярии от строений (по классу архитектуры — Ж.Б.Валлен-Деламот, живописи — Г.И.Козлов, И.Бельский, Г.Молчанов). Студенты Академии художеств проходили в Канцелярии от строений практику. Так, в 1760 году перед отъездом за границу здесь («при Растрелли») проходил летнюю практику В.И.Баженов, учившийся в архитектурном классе Академии художеств.

Большую роль в становлении П.Егорова-профессионала мог сыграть известный французский архитектор Ж.Б.Валлен-Деламот. Появившись в Петербурге 8 сентября 1759 года, он становится профессором Академии художеств по классу архитектуры (вел занятия по учебному проектированию) и одновременно — архитектором Канцелярии от строений. Деламот первым в России начал активно работать в стиле классицизма. Известный искусствовед и большой знаток русского искусства XVIII века С.П.Яремич так о нем пишет: «Он (Деламот. — *Э.К.*) совершает переворот в архитектурных приемах, изменяет в корне физиономию Петербурга и создает отличную архитектурную школу, заставившую окончательно позабыть растреллиевские приемы».

Особенно велико было значение педагогической деятельности Дела-

мота. Достаточно сказать, что в Академии художеств его учениками были талантливейшие зодчие, крупнейшие мастера русского классицизма — В.И.Баженов и И.Е.Старов.

Разумеется, в стенах Канцелярии от строений Деламот педагогической работой не занимался. Но, прослужив здесь десять лет (с 1759 по 1769 гг.), он не мог не оказать большого влияния на ее сотрудников. Появившись в Петербурге, Деламот сразу же начинает интенсивно заниматься архитектурно-строительной практикой. На глазах сотрудников Канцелярии от строений он создает проекты Гостиного двора (вместо первоначального барочного варианта Растрелли, который был отвергнут), Малого Эрмитажа, совместно с А.Ф.Кокориновым — здания Академии художеств, совместно с С.И.Чевакинским — «Новой Голландии» (складов для хранения леса). Так, благодаря творчеству Деламота, которого в литературе часто называют «посланцем передовых художественных кругов Франции, представителем прогрессивных в то время архитектурных течений», сотрудники Канцелярии от строений получили возможность познакомиться с современным зодчеством западноевропейских стран.

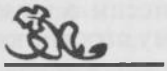
В ведении Канцелярии от строений находилось «коронное строение», поэтому здесь работали мастера высокой квалификации (как говорилось в одном из документов «Комиссии о каменном строении Санкт-Петербурга и Москвы»: «...коронному строению чертежи без сомнения от лучших в службе находящихся архитекторов делаются...»). Однако трудные условия службы, военная дисциплина, бюрократические порядки, абсолютное подчинение тем, кто «выше рангом», — все это, по образному выражению известного искусствоведа А.Эфроса, буквально «съедало» русских архитекторов. Характерная особенность: лучше всего мы знаем тех из них, которые, получив образование в Канцелярии от строений, смогли оторваться от нее и начать работать самостоятельно. Так, Андрей Квасов, уехав на Украину, построил там знаменитый собор в Козельце, считающийся шедевром русского зодчества (а ведь в Канцелярии от строений его собирались оставить «для копирования чертежей»). Его младший брат — Алексей Квасов, учившийся вместе с Петром Егоровым, уйдя из Канцелярии от строений, в апреле 1763 года становится главным архитектором только что учрежденной «Комиссии о каменном строении Санкт-Петербурга и Москвы». Назначение Алексея Квасова на столь ответственную должность свидетельствует не только о его выдающихся способностях, но и о больших знаниях. Достаточно сказать, что в 1772 году после ранней смерти Алексея Квасова главным архитектором «Комиссии о каменном строении Санкт-Петербурга и Москвы» стал адъюнкт-профессор Академии художеств И.Е.Старов.

Приведенные примеры показывают, что Канцелярия от строений могла дать достаточно высокие профессиональные знания. Добавим к этому то огромное влияние, которое имела для формирования художника вся та атмосфера высокого творческого горения, интенсивной духовной жизни, которая была столь характерна для Петербурга 1750—1760-х годов. Начавшись именно в эти годы, творчество крупнейших русских архитекторов, художников, скульпторов — Баженова, Старова, Левицкого, Рокотова, Шубина — уже через десятилетие достигнет блестящего расцвета.

В 1750—1760-е годы происходит становление Петра Егорова как архитектора: он приобретает знания, совершенствует мастерство, накапливает жизненный опыт.

Никакого формального завершения образования у архитектурных учеников Канцелярии от строений не было. Обучение считалось той же службой, поэтому об успехах в этой области можно судить только по присуждаемым «рангам» и жалованью. Профессиональный уровень сотрудников выясняла специальная комиссия, в состав которой обычно входили ведущие архитекторы. Знания проверялись с помощью так называемых «вопросных пунктов» — вопросов, задаваемых по теории архитектуры. Специальные задания давались по проектированию — на рассмотрение комиссии обязательно надо было представить «прожект». В результате такого своеобразного экзамена выдавался аттестат на соответствующие знания: помощника архитектора (гезеля) третьего, второго и первого классов, заархитектора (младшего архитектора) и архитектора. Обучение считалось законченным с получением первого звания — помощника архитектора третьего класса.

В 1761 году Петр Егоров, представив на рассмотрение комиссии сочиненный им «прожект» и сдав специальные экзамены, получает звание помощника архитектора третьего класса. Годы учения закончились.



ПЕРВЫЕ ПРОЕКТЫ И ПОСТРОЙКИ

Екатерининская церковь в городе Пярну

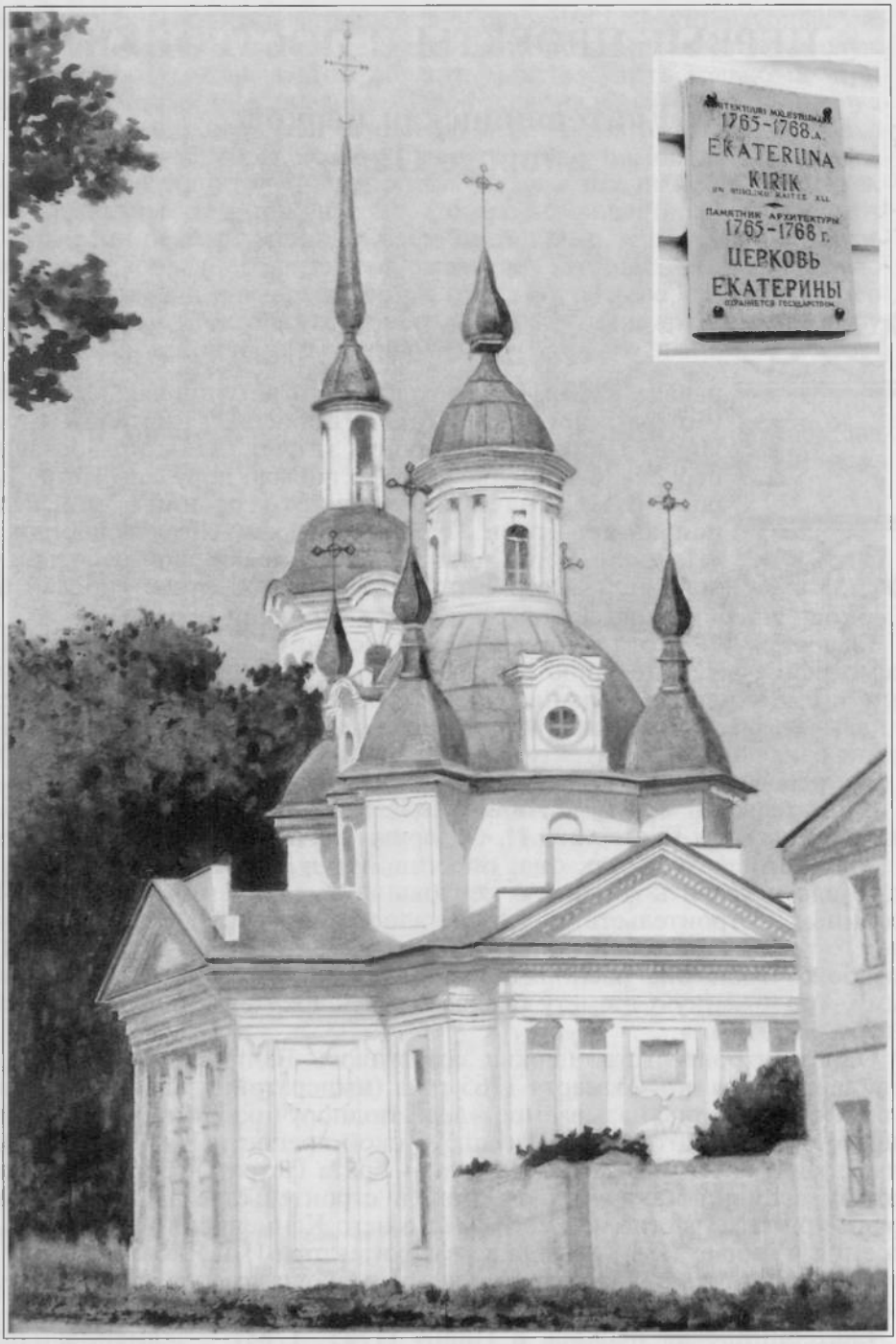
В начале 1760-х годов только что вступившая на престол императрица Екатерина II пообещала жителям города Пярну (Эстония) построить за счет казны православную церковь. Сочинение ее проекта было поручено Петру Егорову. В 1763 году Канцелярия от строений с этой целью направляет его в Пярну, или, как тогда говорили, — «Пернов». Через пять лет, перечисляя свои работы в челобитной, Петр Егоров напишет об этом: «послан был в Пернов для сочинения чертежей и сметы соборной церкви».

13 ноября 1763 года, вернувшись из Эстонии, Егоров представил на рассмотрение в Канцелярию от строений сочиненный им проект, описание и смету церкви Успения Пресвятой Богородицы (в Пярну ее стали называть «Екатерининской»). Проект здания — «сочиненный оной церкви означенным архитектурии помощником план и фасад» — сразу же был передан на «высочайшую апробацию».

Строительство храма в Пярну пользовалось особым вниманием и покровительством Екатерины II. Совершая летом 1764 года путешествие по Прибалтийскому краю, она, посетив Пярну, сама указала место, где надлежало поставить каменную церковь во имя Успения Пресвятой Богородицы. К строительству предполагалось приступить в том же году. В связи с этим комендант города Пярну обратился к Екатерине II с просьбой, чтобы она распорядилась выделить необходимую денежную сумму, «положенную в смету бывшим здесь архитектурии помощником Петром Егоровым».

Однако строительство церкви задержалось. Ее проект был «высочайше утвержден» лишь 25 марта 1765 года (императрицу надолго отвлекло от всех занятий так называемое «дело подпоручика Мировича», попытавшегося освободить из Шлиссельбургской крепости Ивана VI Антоновича, правнука Ивана V Алексеевича — брата Петра I). Егоров, занятый к этому времени на других работах, в строительстве Екатерининской церкви принять участие не смог. Вместо него Канцелярия направила «для строения в городе Пернове церкви заархитектора И.Е.Яковлева». Все работы по строительству, продолжавшемуся около трех лет, выполнялись «выписанными из России разного художества людьми».

Екатерининская церковь в Пярну (1763—1768) — каменная, построена в стиле раннего русского классицизма. В плане имеет форму греческого креста. В архитектуре храма интересно сочетаются традиционные



Екатерининская церковь в г. Пярну (церковь Успения Пресвятой Богородицы). 1763—1768 гг. Фотография 1963 г.

приемы русского национального зодчества («по древнему российскому маниру о пяти главах») с формами, заимствованными из античной классики.

Центральный фасад здания выступает вперед, украшен гладкими пилястрами и завершен треугольным фронтоном. Между пилястрами расположены три дверных проема полуциркульной формы, над каждым из которых — небольшое круглое окно.

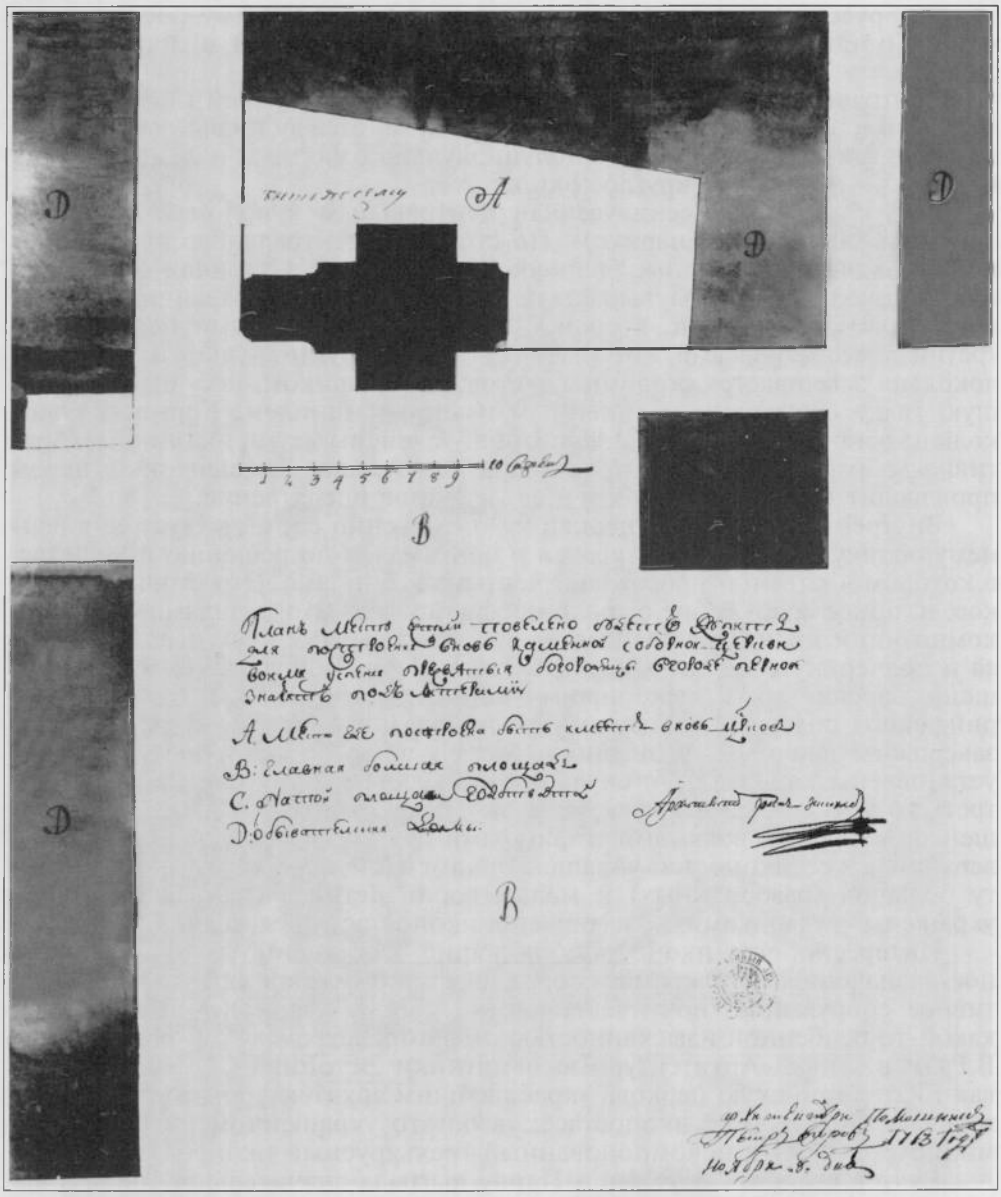
Весь основной массив увенчан центральным куполом с круглыми окнами и световым фонариком. По сторонам центрального купола расположены четыре изящные башнеобразные главки. Стройная трехъярусная колокольня как бы вырастает из самого массива здания. Первый ярус обработан рустами, второй — угловыми сдвоенными пилястрами, третий — контрфорсами, которые несут и конструктивную функцию. Колокольня завершается стройным световым фонариком, несущим небольшую главу с высоким удлиненным изящным шпилем. Карнизы колокольни основного массива и фронтона украшены «сухариками». Декоративная обработка фасадов проста и выразительна. Вся церковь в целом производит стройное, гармоничное, изящное впечатление.

Внутреннее убранство церкви художественно соответствует ее внешнему облику. Особенно интересен и оригинален по решению иконостас, в котором явственно проступают черты классицизма. Это стройное, легкое, изящное сооружение с тонко профилированными деталями. По своей композиции иконостас делится на три ясно выраженных неравных яруса и подчеркнуто вытянут по вертикали. Первый ярус, в котором помещены царские врата, декорирован каннелюрованными пилястрами коринфского ордера и филенками разнообразной формы. Царские врата завершены арочным фронтоном (второй ярус), по сторонам которого установлены кариатиды и скульптурные изображения святых. В центре третьего яруса, который имеет вытянутую по вертикали форму и украшен по сторонам волютами и фигурами святых, помещено распятие. В верхнем ярусе иконостас украшен орнаментом, аналогичным орнаменту больших (разобранных) и малых ворот Летнего сада. Его карнизы украшены «сухариками». Завершается иконостас горельефом.

Интересно, что иконостас, имеющий, собственно говоря, церковное назначение, в трактовке Егорова воспринимается как чисто декоративное сооружение, почти светское по своему характеру, покоряющее какой-то особенной изысканностью и благородством форм. Не случайно В.Раам в книге «Архитектурные памятники Эстонии» (Л., 1974), называя Екатерининскую церковь «красивейшим архитектурным памятником города», пишет об ее иконостасе: «в богато украшенном интерьере доминирует элегантно скомпонованный трехъярусный иконостас».

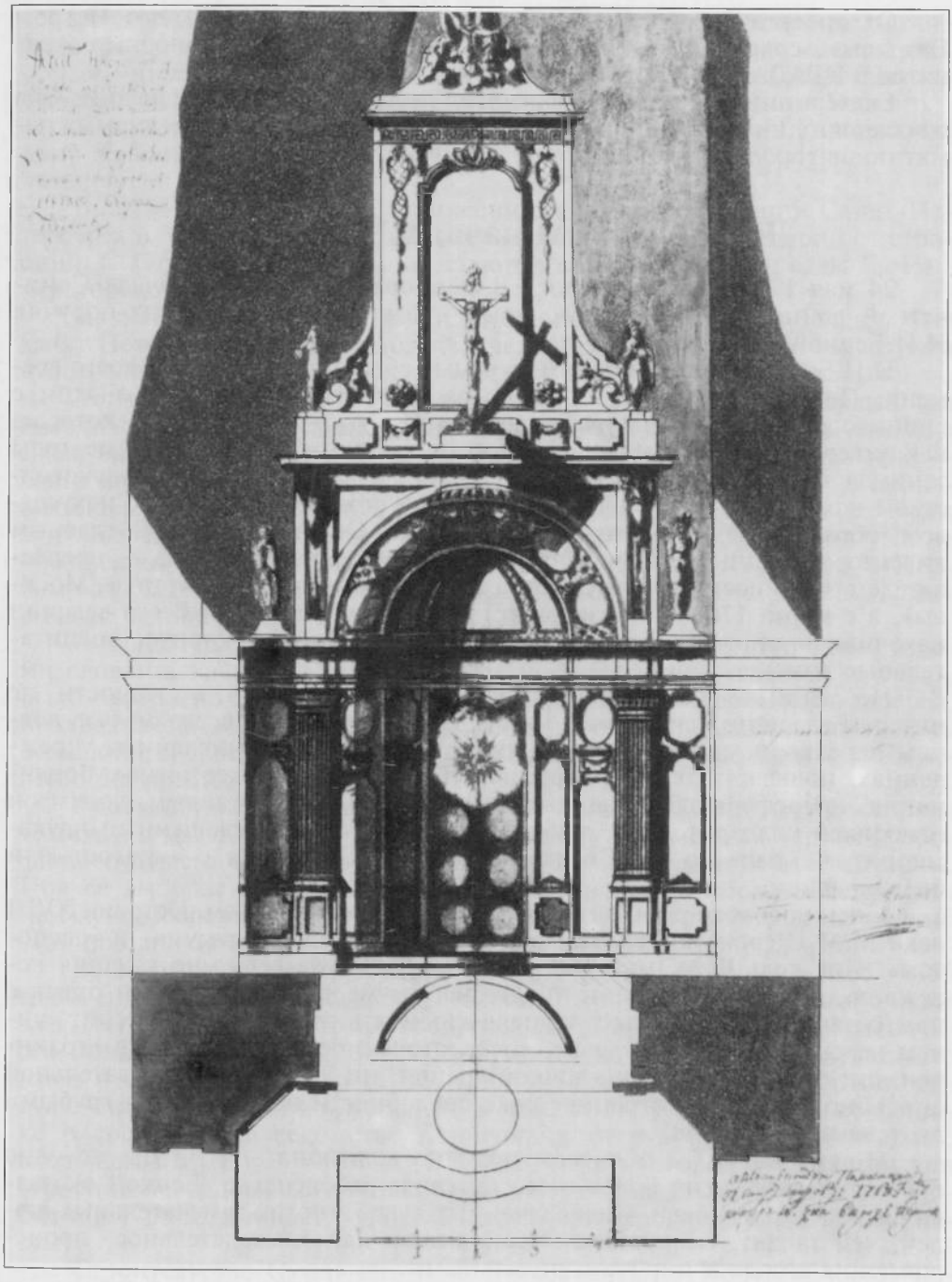
Екатерининская церковь в Пярну сыграла значительную роль в архитектуре Прибалтики, т.к. ее проект, по приказанию императрицы, должен был служить образцом для строительства здесь всех православных храмов. По типу церкви в Пярну были построены православные храмы в Тарту — «с увеличением отдельных параметров Пярнуской церкви», в Курессааре (сейчас г.Кингисепп) — «з гораздым уменьшением» ее величины. Знаменитый Петропавловский собор в Риге также строился по «Перновскому образцу».

Екатерининская церковь в городе Пярну — первая известная нам самостоятельная работа Петра Егорова. Изысканная простота, изящество,



Ситуационный план Екатерининской церкви
в г. Пярну.

пропорциональность ее проекта говорят о большом даровании и художественном вкусе автора. Перед нами — сложившийся, зрелый мастер, знакомый с передовыми идеями своего времени (Екатерининская церковь — одно из первых сооружений, созданных в формах раннего классицизма), обладающий своеобразной творческой индивидуальностью.



Фасад и план иконостаса Екатерининской церкви в г. Пярну.

От проекта «православного храма в Пернове», созданного Петром Егоровым, сохранились ситуационный план и чертеж иконостаса (хранятся в ЦГАДА).

Екатерининская церковь украшает город Пярну и в наши дни. Она считается одним из наиболее красивых и интересных архитектурных памятников города и находится под охраной государства.

Другие работы начала 1760-х годов

24 мая 1762 года на место В.В.Фермора, ушедшего в начале Семилетней войны в действующую армию, был назначен генерал-поручик И.И.Бецкой.

И.И.Бецкой считался одним из самых образованных людей своего времени. Почти сорок лет он прожил за границей, был близко знаком с энциклопедистами. Пользуясь «особой милостью» Екатерины II, которая, как утверждают, «почитала его за отца родного», Бецкой долгие годы занимал высокие государственные посты. Фактически под его руководством находились все ведущие учреждения страны, связанные с искусством, образованием и благотворительностью. Он стал не только главным директором Канцелярии от строений, но с декабря 1762 года — председателем «Комиссии о каменном строении Санкт-Петербурга и Москвы», а с марта 1763 — президентом Академии художеств. В его ведении находились институт благородных девиц, кадетский корпус, воспитательные дома.

Но, занимая все эти ответственные посты, Бецкой, в сущности, не интересовался ни искусством, ни педагогикой. Прежде всего он был ловким царедворцем, педантичным чиновником. В многочисленных учреждениях, подвластных ему, царили грубый произвол, жестокая субординация, атмосфера злопыхательства и травли. К талантливым людям он относился подозрительно, любя утверждать, что «просвещенный науками разум... паче во вред бывает», если не сочетается с «кротостью и благонравием».

Мнения современников о нем поражают единодушием. Историк XVIII века М.М.Щербатов называет его «человеком малого разума» и «деспотом». Писатель Ф.А.Эмин говорил, что Бецкому «весь мир кажется невеждою, потому что сам он ничего не разумеет». Пространный отзыв о нем оставил один из иностранцев, живших в это время в России: «ничем не скрываемое тщеславие, сосредоточенное в уме донельзя ограниченном; он не обладал ни точкой зрения, ни умом, ни познавательной способностью, и его ограниченные способности направляются грубыми льстецами и плутами...»

Можно было бы обо всем этом не вспоминать, если бы не одно обстоятельство: ценя более всего льстивое раболепство, Бецкой оказался виновником гибели и искалеченных судеб многих замечательных людей, чей талант, самостоятельность мысли или «нежелательное» происхождение казались ему подозрительными.

Трагически погибли затравленные интригами и клеветой А.Ф.Кокоринов и А.П.Лосенко. Не был принят в штат Академии художеств В.И.Баженов, вынуждены были оставить преподавательскую деятельность И.Е.Старов, Ж.Б.Валлен-Деламот (был уволен также из Канцелярии от строений),

С.Торелли, Е.П.Чемесов, К.И.Коловачевский. Этот грустный перечень можно было бы продолжать довольно долго — в книге М.М.Штранге «Демократическая интеллигенция России в XVIII веке» (М., 1965) рассказывается о многих людях, ставших жертвами административного произвола Бецкого.

Почти тридцать лет, больше половины своей жизни, проработал Петр Егоров под начальством Бецкого. И это многое объясняет в его дальнейшей биографии.

В связи с учреждением «Комиссии о каменном строении Санкт-Петербурга и Москвы» изменилась сфера деятельности Канцелярии от строений. С 1765 года в ее ведении остаются только «дворцы и сады Ея Императорского Величества».

На каких работах, помимо Екатерининской церкви в Пярну, был занят Петр Егоров в 1760-е годы? В челобитной 1768 года он пишет, что «употреблялся» на строительстве «светлой в Первом саду галереи...»

Летний, или как его часто называли в XVIII веке, — Первый сад находился в ведении Канцелярии от строений. Еще в петровские времена здесь были сооружены три галереи, одну из которых — центральную — часто называли «светлой». В 1760-е годы никаких работ в ней не производилось. В связи с началом строительства гранитных набережных Невы эти галереи были разобраны (в плане Петербурга 1762 года они уже не обозначены). Следовательно, Егоров на строительстве «светлой в Первом саду галереи» находиться не мог. О какой же работе он вспоминает в своей челобитной?

В июне 1763 года «против средней перспективы Летнего сада», иными словами, как раз в том месте, где некогда стояла «светлая галерея», было построено временное парадное сооружение — деревянная галерея, предназначенная для императрицы. Отсюда она должна была наблюдать большой фейерверк, устроенный «по случаю первой годовщины ее вступления на престол».

Руководил работами архитектор Ю.М.Фельтен. Перед началом строительства, в мае 1763 года, Бецкой передал ему «примерный чертеж и профиль» будущего сооружения. Работа была очень срочная и ответственная. При ее выполнении, несмотря на готовый чертеж, требовалось проявить немалую изобретательность и вкус. По-видимому, на строительство именно этой праздничной парадной галереи и был направлен Петр Егоров.

Во многих документах упоминается о работе Егорова в 1765—1766 годах «при строении Новодевичьего монастыря». В Формулярном списке за 1766 год читаем: «Петр Егоров... находится при строении Новодевичьего монастыря». Именно эта работа упоминается в «Азбучном указателе имен русских деятелей...» (СПб, 1887): «Петр Егоров... в 1766 году состоял при сооружении Смольного монастыря». То же читаем в «Списке о состоящих в ведомстве Канцелярии от строений архитекторов», входящем в архив Н.П.Собко (ОР ГПБ): «Петр Егоров... находится при строении Новодевичьего монастыря». И, наконец, сам Егоров в челобитной 1768 года пишет: «употреблялся... при строениях девичьего монастыря».

Строительство Смольного (или Воскресенского Новодевичьего) монастыря, начатое по проекту Растрелли еще в 1748 году, шло медленно, а после смерти Елизаветы Петровны в 1761 году совсем приостановилось. К этому времени было закончено (вчерне) возведение собора и жилых монастырских корпусов.

1768 Подлинъ въ Сенатъ

Всемилостивѣйшая Державнѣйшая
Великая Государыня Императрица Екатерина
Алексѣевна Самодержица Всероссійская
Государыня Всемилостивѣйшая:

Тобольскій Губернаторъ и Кавалеръ Петровскій Сталь
Императорскаго Величества Домовъ Каменной
Архитектуры Трудовъ Плата по Полошнихъ Петръ
Егоровъ сынъ Егоровъ, а имѣ тому служебнаго чину:

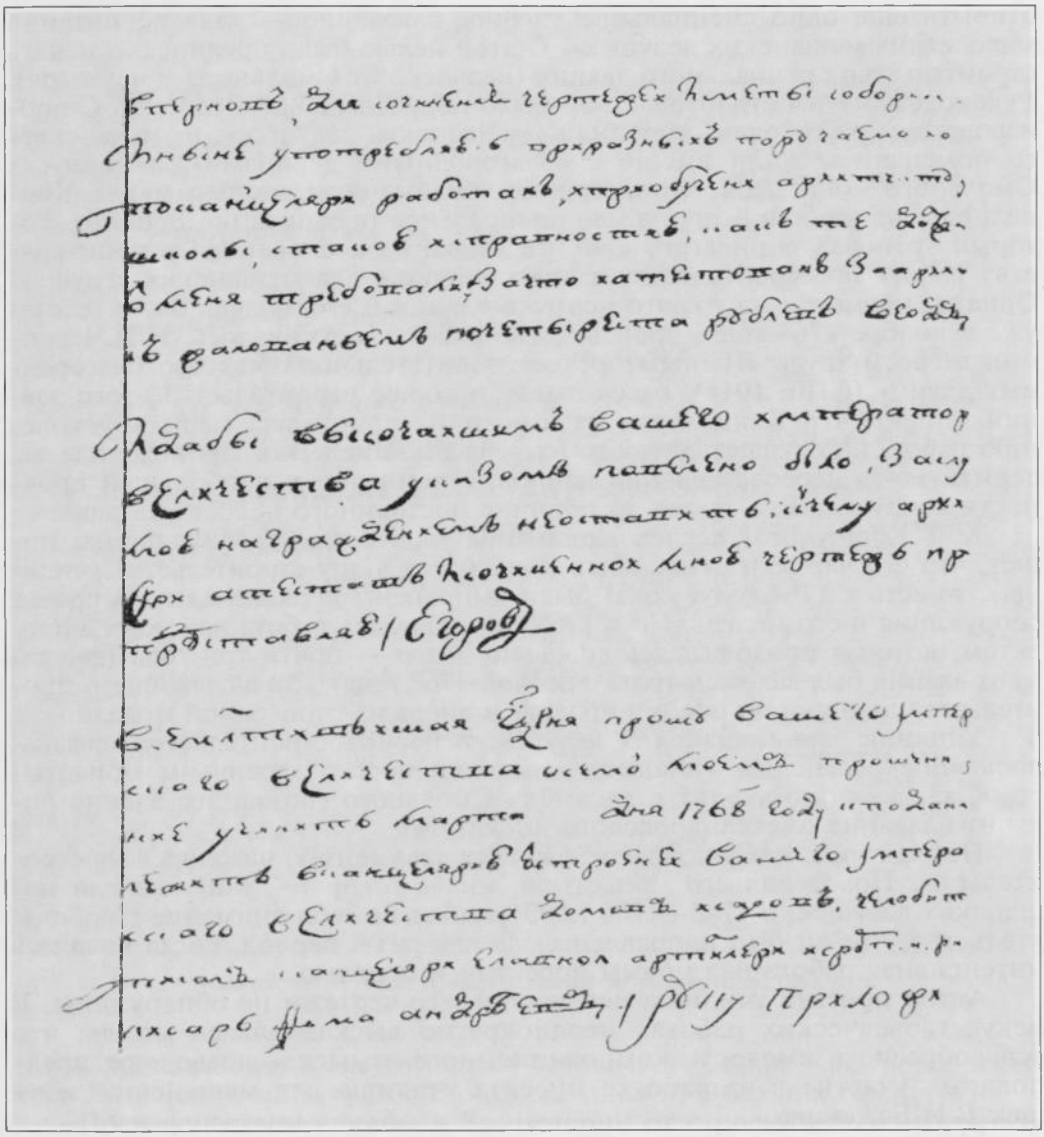
1.

Вступя Вашего Императорскаго Величества Всемилостивѣйшаго указа въ 755. году хотѣлъ Домового нашего Полату, архивныя, Комиторскія, полезныя прашныя опорныя рѣшетки, хлѣтки, изъ мѣдныхъ прасолъ лѣсатъ; Лотовое время по 761. годъ нижняго строенія изготовлено Полошнихъ въ 761. годѣ, стрѣльбою плато: въ 763. врагъ прашцына; въ 765. вѣтряхъ плаетъ: въ 768 годѣхъ врагъ подорвалъ. а противъ Его Императорскаго Величества обученіе трудно подъ Полошнихъ; а здѣсь здѣсь вѣдаетъ плаетъ: подъ Полошнихъ; на Высочайшее нижняго строенія 2160 лѣтъ изготовлено; хорошо вѣдаетъ проплатъ плаетъ подъ Полошнихъ чина изготовлено:

Ксему прошенъ

2.

авто мой служебъ употребленъ въ 756. году для смотренія Императорскихъ Столичныхъ Зданіяхъ, въ которыхъ разныхъ чертежей, присланныхъ Его Императорскаго Величества Сенатомъ изъ Коллегіи, по выданнымъ



Челобитная П.Е.Егорова. 1768 г.

В мае 1764 года Екатерина II решила отдать часть корпусов Смольного монастыря «институту для благородных девиц» — первому в России женскому учебному заведению. В мае—августе 1764 года в Смольном монастыре были проведены небольшие работы по подготовке помещений. В том же году «институт благородных девиц в Санкт-Петербурге при Воскресенском монастыре» был торжественно открыт. В дальнейшем вплоть до начала XIX века никаких значительных строительных работ в Смольном монастыре не производилось.

Но, помимо «института благородных девиц», Екатерина II решила

открыть еще одно специальное учебное заведение — «для воспитания малолетних мещанских девушек». С этой целью было предписано начать строительство специального здания (недалеко от Смольного монастыря). Руководство этим строительством было поручено Ю.М.Фельтену. С производством работ очень торопили («мещанские девушки», не имея своего помещения, жили вместе с «благородными девицами», в корпусах Смольного монастыря, что считалось «крайне нежелательным»). В Канцелярию от строений поступило специальное предписание Бецкого, который требовал «прилагать крайнее старание к скорейшему производству работ» по строительству здания училища для мещанских девушек. Однако, несмотря на то, что чертежи здания и его модель были готовы уже в ноябре 1764 года, производство работ задерживалось. Н.П.Черепнин в своем труде «Императорское воспитательное общество благородных девиц» (СПб, 1914), рассказывая историю строительства этого здания, пишет, что Канцелярия от строений «принимала меры к ускорению работ, но осуществлять это на деле было нелегко. Происходила задержка из-за пересоставления планов, стремления к наибольшей прочности сооружения, а также по причине постоянного недостатка денег».

М.Ф.Коршунова, исследовательница творчества Ю.М.Фельтена, пишет, что его чертежи относились к «первому этапу строительства училища», то есть к 1764 году, когда были выполнены первоначальный проект сооружения и его модель. Но в 1765 году началась работа над новым проектом, которая продолжалась довольно долго — почти три года (фундамент здания был заложен только весной 1767 года), и в дальнейшем строительство шло уже по новому проекту и вновь изготовленной модели.

Училище для мещанских девушек в период строительства называлось «Воскресенским Новодевичьим» или просто «девичьим монастырем», так как оно входит в ансамбль Смольного (позже это здание получит название Александровского института).

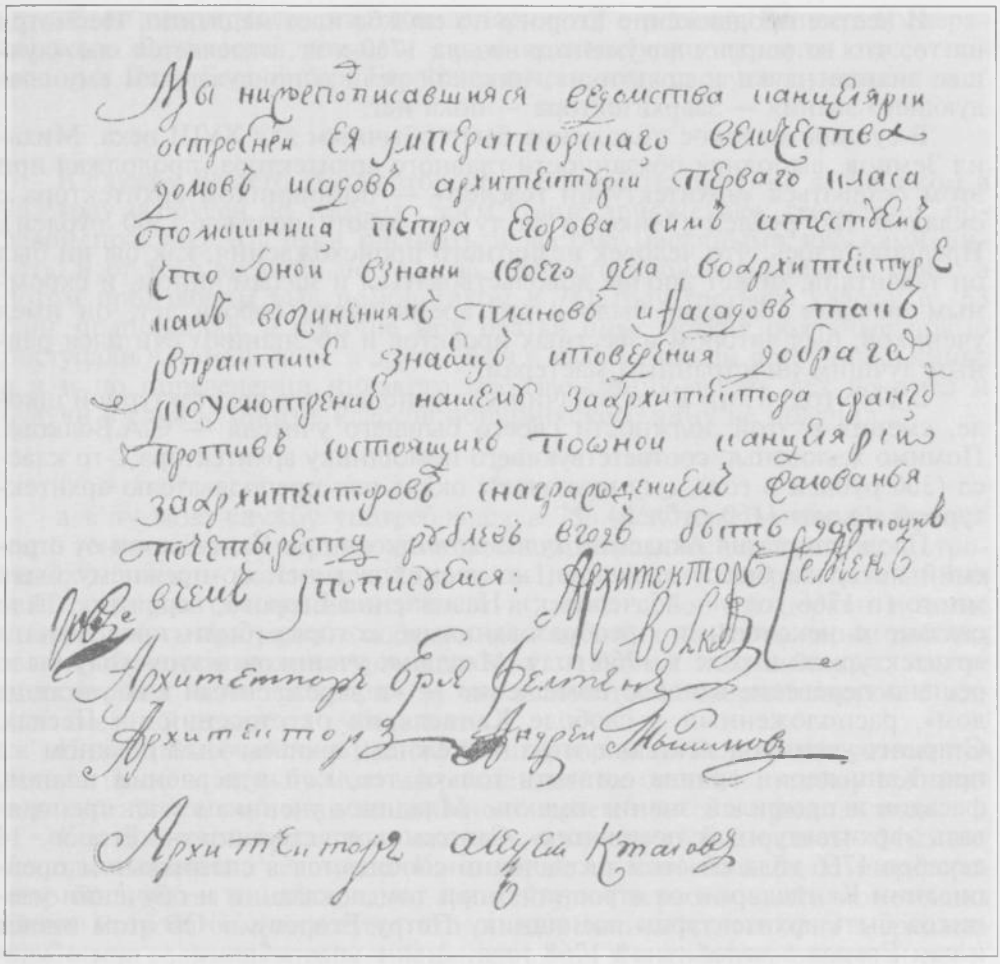
Петр Егоров, как указывается во всех документах, находился на строительстве Новодевичьего монастыря, иначе говоря — училища для мещанских девушек, в 1765—1766 гг. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что он был направлен сюда как раз в период, когда началась интенсивная работа над новым проектом и моделью.

Автор проекта училища неизвестен, его чертежи не обнаружены. В искусствоведческих работах неоднократно высказывалась мысль, что «своеобразие и смелость композиционного замысла» позволяют предполагать участие в разработке проекта училища для мещанских девушек В.И.Баженова.

Монументальное здание Александровского института расположено на берегу Невы, к северу от основного комплекса Смольного монастыря (ул.Смольного, д. 3).

«В архитектурной науке хорошее знание имеет...»

Трудно представить сейчас, какое значение в XVIII веке имел чин. От этого, в сущности, зависела вся жизнь. Один из иностранных путешественников, побывавших в России в XVIII веке, писал: «Здесь все зависит от чина... Не спрашивают, что знает такой-то, что он сделал или может сделать, а какой у него чин». Человек, не имеющий определенного



Аттестат Петра Егорова на звание заархитектора. 1768 г.

чина, лишался самых элементарных человеческих прав. Как горько жалуется Баженов: «гоним судьбой, обходят чинами, а без них ты ничто...»

Преимуществом службы в Канцелярии от строений было то, что ее сотрудники награждались военными чинами, которые имели гораздо большее значение, нежели гражданские. Каждому «архитектурному» званию соответствовал определенный военный чин: помощнику архитектора 3-го класса — прапорщика, 2-го класса — подпоручика, 1-го класса — поручика, заархитектору — капитана, архитектору — секунд-майора. В дальнейшем архитекторы могли награждаться военными чинами (Еропкин был полковником), но происходило это крайне редко. Отечественные архитекторы чаще всего доходили только до поручика.

6 апреля 1763 года Петр Егоров получает чин прапорщика (согласно «Табели о рангах» это был первый — 14-го класса — офицерский чин), а через год «по лучшему искусству» — помощника архитектора 1-го класса с выдвижением «в ранг подпоручика».

И все же продвижение Егорова по службе идет медленно. Несмотря на то, что во многих документах начала 1760-х гг. отмечается его «лучшее знание науки и практики», никакой речи о присуждении ему следующего звания — заархитектора — пока нет.

В сущности, такое положение было обычным для XVIII века. Михаил Земцов, выполняя обязанности главного архитектора, продолжал при этом оставаться «архитектурии гезелем» — помощником архитектора с окладом 180 рублей (Микетти за ту же работу получал 1500 рублей). Предполагалось, что человек незнатного происхождения, как бы ни был он талантлив, может вполне довольствоваться и малым чином, и скромным окладом. Земцову было в это время около сорока лет, он имел учеников, был автором известных проектов и по знаниям считался равным лучшим иностранным мастерам.

В 1766 году Петр Егоров начинает преподавать в архитектурной школе, сменив в этой должности своего бывшего учителя — С.А.Волкова. Помимо жалованья, соответствующего помощнику архитектора 1-го класса (300 рублей в год), ему назначают оклад как преподавателю архитектурной школы (160 рублей).

После открытия Академии художеств школа при Канцелярии от строений потеряла былое значение, но учеников в ней по-прежнему было много (в 1766 году — 45 человек). Назначение Егорова, вероятно, было связано с некоторыми преобразованиями, которые были проведены в архитектурной школе в 1766 году. Младших учеников в этом году было решено перевести в новое помещение — «в учрежденный для училища дом», расположенный в слободе Канцелярии от строений на Песках. Старших учеников оставили «при чертежном архиве»: «в чертежном же при Канцелярии архиве оставить только тех, кои в черчении планов, фасадов и профилей знание имеют». Младшим ученикам стал преподавать «архитектурный помощник» Сапожников, старшим — Егоров. 14 декабря 1766 года об этом назначении сообщается в специальном предписании Канцелярии от строений: «при том показании и обучении учеников быть архитектурии помощнику Петру Егорову...» Об этом пишет и сам Егоров в челобитной 1768 года: «ныне употребляюсь... при обучении архитектурной школы».

Как уже говорилось, старшие ученики занимались не только «копированием чертежей», под наблюдением преподавателя они постепенно переходили к «сочинению прожектов». Следовательно, Петр Егоров имел в это время уже определенный авторитет именно в работе по проектированию. Подтверждает это и краткая характеристика, которая была дана Егорову в Формулярном списке за 1767 год: «...В архитектурной науке хорошее знание имеет и против других... искуснее». В челобитной 1768 года Егоров пишет, что «употреблялся... в исправлениях разных чертежей». Это означает, что уже в первые годы его пребывания в Канцелярии от строений у него была замечена особая графическая одаренность, позволяющая использовать его для «исправления» (выполнения) чертежей. Говорит о многом и то, что Егорова сочли возможным поставить на место С.А.Волкова, который пользовался большим авторитетом.

1 января 1768 года Бецкой утверждает Петра Егорова «в ранг подпоручика». А через два месяца, 5 марта 1768 года, Егоров пишет челобитную на звание заархитектора:

«Бьет челом ведомства Канцелярии от строений Вашего Императорского Величества домов и садов архитектурии первого класса помощник Петр Егоров сын Егоров, а о чем, тому следуют пункты:

1

В службу Вашего Императорского Величества вступил я учеником в 755 году и обучен до того на своем коште арифметике, геометрии, полевой практике, от руки рисовать и частию масляными красками писать; и от того времени по 761 год никакого произвождения не имел; а потом производим был помощником в 761 году третьяго класса; в 763 ранг прапорщика; а протчие мои братья иные вступя обученые прямо поступали в помощники; а другие быв в классах имели поручичьи чины, а я и по определении никакого произвождения девять лет не имел и будучи в службе против классов поручикского чину не получил...

2

а в ту мою службу употреблялся в 756 году для снятия Петергофской генеральной ситуации, в исправлениях разных чертежей, при строениях девичьего монастыря, светлой в Первом саду галереи; послан был в Пернов для сочинения чертежей и сметы соборной церкви и ныне употребляюсь при разных поручаемых каменных по Канцелярии работах и при обучении архитектурной школы с таковой исправностью, как те должности у меня требовали, за что и аттестован заархитектором с жалованием по четыреста рублев в год.

И дабы Высочайшим Вашего Императорского Величества указом повелено было за службу мою награждением не оставить, к сему архитекторский аттестат и сочиненный мною чертеж при сем представляю».

К челобитной прилагался аттестат, в котором указывалось: «Мы, нижеподписавшиеся, ведомства Канцелярии от строений Ея Императорского Величества домов и садов архитектурии первого класса помощника Петра Егорова сим аттестуем, что оный в знании своего дела в архитектуре как в сочинении планов и фасадов, так и в практике знающ и поведения доброго и по усмотрению нашему заархитектора с рангом против состоящих по оной Канцелярии заархитекторов и с награждением жалованья по четыреста рублев в год быть достоин, в чем и подписуемся.

Архитектор *Семен* ***Волков***
Архитектор *Юрий* ***Фельтен***
Архитектор *Андрей* ***Мыльников***
Архитектор *Алексей* ***Квасов***».

Интересно отметить: Егоров в своей челобитной лишь сетует, что, будучи «в классах», то есть помощником архитектора 1-го класса, все еще не получил чин поручика, который соответствовал этому званию. Однако в аттестате считают, что он достоин большего — выдвигают его не только на звание заархитектора, но и в ранг капитана («с рангом против состоящих по оной Канцелярии заархитекторов»). Это подтверждается и решением Совета Канцелярии от строений от 19 марта 1768 года: «по мнению Канцелярии дабы противу протчих произведенных обиды не имел, должно наградить Егорова за знание науки по аттестату архитекторов заархитектором в ранг капитана».

Итак, в течение трех месяцев Егорова утверждают «подпорутчикским чином», в который он был «удостоен» еще в 1764 году, выдвигают на звание заархитектора и «в ранг капитана» (минуя поручика); кроме того, предлагают повысить жалованье — «по четыреста рублев».

Что послужило толчком к такому выдвижению?

Обращает на себя внимание одно обстоятельство — аттестат, выданный Егорову, подписан архитекторами, которые его очень хорошо знали: Семен Волков — его учитель; Юрий Фельтен появился в Канцелярии от строений в те же годы, что и Егоров (был зачислен в штат в 1756 году), не один раз они работали рядом — на строительстве Зимнего дворца, парадной галереи «у Первого саду», училища для мещанских девушек; Андрей Мыльников — старейший сотрудник Канцелярии от строений, ученик Михаила Земцова (как и Семен Волков); с Алексеем Квасовым они вместе учились в архитектурной школе.

Вероятно, все эти архитекторы, «учинив» Егорову экзамен и рассмотрев представленный им чертеж («сочиненный» специально для аттестации), настаивали на справедливом решении. Значительную роль здесь мог сыграть Алексей Квасов, который, возглавляя известную «Комиссию о каменном строении Санкт-Петербурга и Москвы», пользовался большим авторитетом. Положение Петра Егорова ему было близко не только потому, что они знали друг друга с молодых лет, но и потому, что он и сам еще совсем недавно, всего лишь четыре года назад, был «архитектурии помощником» (в мае 1764 года за сочиненный им план Петербурга архитектурный помощник 1-го класса Алексей Квасов получил сразу звание архитектора).

Решение Совета Канцелярии от строений о награждении Егорова «заархитектором в ранг капитана» было передано 29 марта 1768 года «в резолюцию» главному директору И.И.Бецкому. Однако им было вынесено несколько иное решение: назначить Егорова «по лучшему знанию науки и практики... заархитектором в ранг титулярного советника» (гражданский чин, равный военному — капитану).

Как видим, «ранг капитана» Егоров не получил. Мало этого, создается впечатление, что Бецкой отменил свое решение от 1 января 1768 года о награждении Егорова «подпорутчикским чином»: несмотря на то, что с января по март 1768 года во всех документах Егорова уже называли подпоручиком, в дальнейшем об этом больше нигде не упоминается.

В апреле 1768 года Егоров, наряду с другими архитекторами Канцелярии от строений, среди которых были С.А.Волков и Ж.Б.Валлен-Деламот, участвует в работе специальной экспертной «Комиссии по осмотру Зимнего дома» (требовалось выяснить причины повреждений, «оказавшихся в стене того дому от реки Невы»).

В 1763 году Растрелли, великий мастер уходящего в прошлое барокко, вынужден был попросить об отставке (Екатерина II была ревностной поклонницей новых веяний в искусстве). Решение Растрелли, по-видимому, было ускорено деспотическим характером Бецкого. Во всяком случае, объясняя императрице причины своего ухода со службы, он пишет, что его «крайне опечалила» перспектива «зависеть единственно от начальника Канцелярии строений». Осенью 1763 года прославленный зодчий, еще недавно «баловень двора и любимец знати», был «всемилостивейше» уволен. На склоне лет Растрелли с горечью писал: «Служба

архитектора в России изрядно тяжела... пуще того, архитектора здесь ценят только тогда, когда в нем нуждаются».

Растрелли ушел в отставку, но строительство Зимнего дворца еще не было закончено. Долгие годы, теперь уже под руководством Ж.Б.Валлен-Деламота и Ю.М.Фельтена, здесь продолжались работы по отделке интерьеров.

На строительстве Зимнего дворца находились многие сотрудники Канцелярии от строений. 9 октября 1768 года на постоянную работу «при Зимнем каменном дворце» был направлен и Петр Егоров. В документе о его назначении указывалось: «...При Зимнем каменном дворце... работы всегда производятся, причем там знающему дело быть должно, того ради означенной Канцелярии определить к тем упомянутым работам заархитектора Петра Егорова, по сему жалованье ему производить, более другими делами ево не обязывать». Об этом же назначении говорится и в Формулярном списке за 1768 год: «Заархитектор Петр Егоров... находится при Зимнем доме».

Итак, многие факты свидетельствуют, что Петр Егоров в эти годы пользуется определенным авторитетом: о нем положительно отзываются известные архитекторы (аттестат 1768 года); ему доверяют самостоятельные проекты (Екатерининская церковь в городе Пярну); направляют на ответственные строительства (Зимний дворец, училище для мещанских девушек, галерея «у Первого саду»); постоянно используют «в исправлениях разных чертежей»; он преподает старшим ученикам в архитектурной школе, участвует вместе с известными архитекторами в экспертизе («по осмотру Зимнего дворца»); при повышении в рангах и званиях о нем неизменно пишут: «в архитектурной науке хорошее знание имеет и против других... искуснее», «по лучшему знанию науки и практики», «в архитектурной науке как в сочинениях планов и фасадов, так и в практике знающ».

Реорганизация Канцелярии от строений

9 октября 1769 года вышел указ императрицы, по которому Канцелярия от строений «для лучшего порядка», объединившись с другими конторами (гоф-интендантской, Зимнего дворца, Петергофской и др.), стала называться Конторой строений Ея Императорского Величества домов и садов. Круг ее работ снова несколько расширился: помимо дворцового строительства, к ней перешло «сооружение монумента Государя императора Петра Первого и строение каменного берега». По новому штату Конторы строений, в «архитектурной команде» теперь полагалось иметь двух архитекторов, двух заархитекторов и четырех архитектурных помощников. В результате реорганизации в Конторе строений были оставлены: архитектор Ю.М.Фельтен и два заархитектора — П.Е.Егоров и И.Б.Фок (в 1772 году к ним присоединился заархитектор И.Ф.Дункер).

Как видим, второй полагающийся по штату архитектор в Конторе строений отсутствовал. Официально получалось, что все работы, которых стало больше, выполняет один Фельтен. Об этом с сочувствием упоминает в одном из писем главный директор Конторы строений И.И.Бецкой: «дел работ каждый день умножается... при всех же строениях один архитектор Фельтен, прежний каменный мастер».

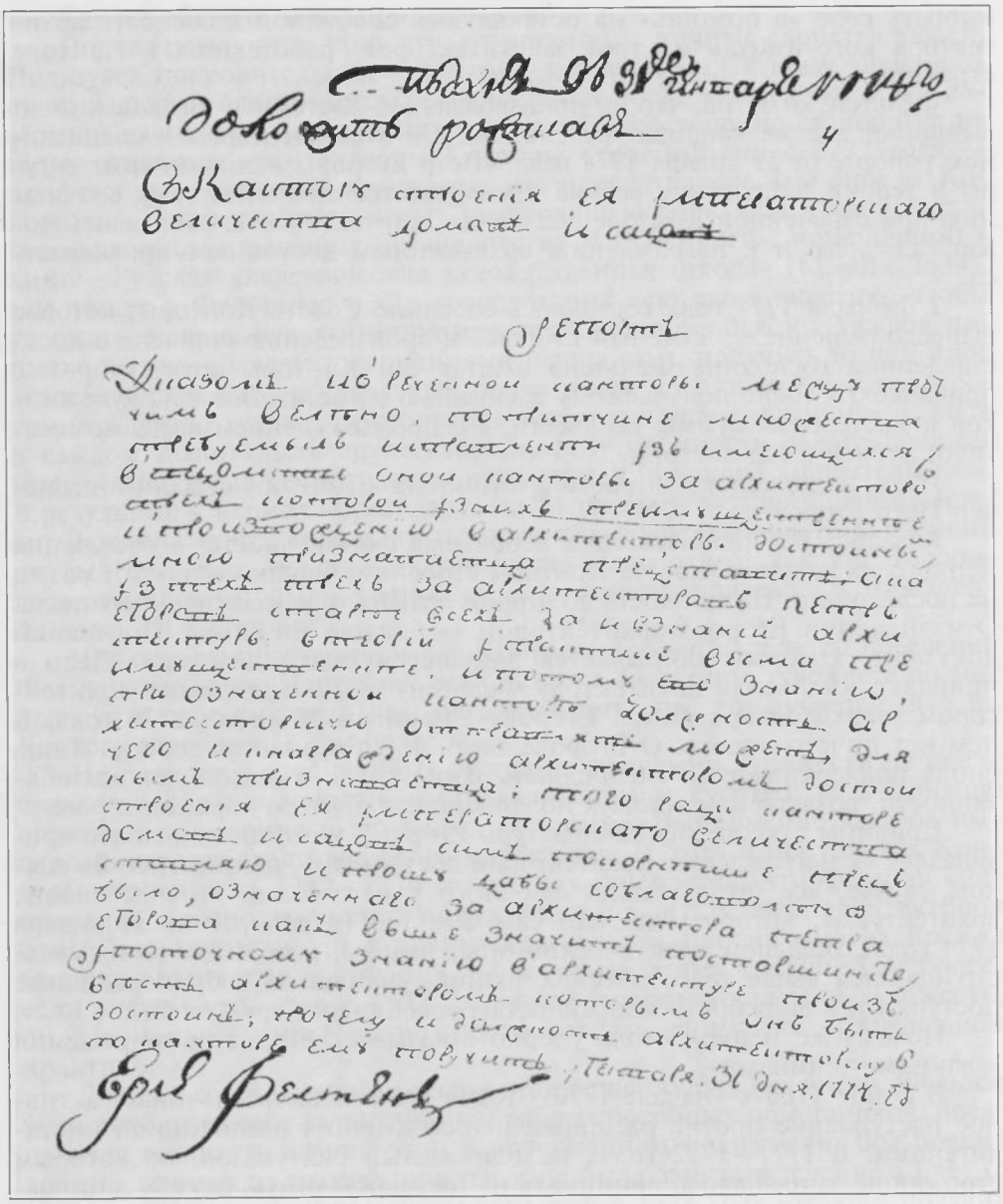
Сложившееся положение наводит Фельтена на мысль о прибавке ему жалованья за счет отсутствующего второго архитектора. По прошествии трех лет после реорганизации (6 сентября 1772 года) он обращается к императрице с челобитной: «По ведомству бывшей Канцелярии от строений при смотрении за строениями находились обер-архитектор один и архитекторов до шести, а менее четырех никогда не бывало, кои и жалованье получали более пяти тысяч рублей; строений же состояло тогда против нынешнего меньше и, хотя по штату Конторы строений... положено архитекторов двое, но состою и вместо всех означенных бывших архитекторов должность при многих излишних против прежнего строениях справляю один я, да и сверх дворцовых строений... нахожусь я при строении по Неве реке каменного берега, при котором были особые на жалованье от того строения». В заключение Фельтен просит, чтобы ему назначили оклад, положенный на двух архитекторов, — 1200 рублей (оклад архитектора был 600 рублей).

Вероятно, следует припомнить, кто же эти «бывшие архитекторы», которых «при многих излишних против прежнего строениях» сумел заменить один Фельтен?

Должность обер-архитектора была ликвидирована после отъезда Растрелли. Следовательно, под «обер-архитектором» мог подразумеваться только Растрелли, учитель Фельтена. По штату Канцелярии от строений за 1768 год числилось 9 архитекторов, которые действительно все вместе получали 5200 рублей (восемь — по 600 рублей, один — 400). Среди них были: Ж.Б.Валлен-Деламот, А.В.Квасов (старший), С.А.Волков, П.Патон, А.Мыльников — «лучшие в службе архитекторы», как о них говорили. Однако все они были уволены «по ненадобности». В списке выбывших из Канцелярии от строений сотрудников (на 1 ноября 1769 года) рядом с фамилией Ж.Б.Валлен-Деламота можно прочесть: «исключен по излишеству». О причинах, по которым никто из этих архитекторов, — даже такой выдающийся мастер, как Валлен-Деламот, — не был оставлен на вакантную должность второго архитектора, можно только строить предположения. Не менее сложно объяснить и то, почему Фельтен, говоря о собственных заслугах, находит возможным противопоставить им со столь явно выраженным оттенком недоброжелательности труд своего учителя (Растрелли) и товарищей по профессии.

Может быть, именно здесь уместно вспомнить еще один документ, подписанный Фельтеном, который приводит (и также не может найти ему объяснения) А.Л.Каганович в книге «Медный всадник» (М., 1975).

После отъезда Фальконе, автора прославленного памятника Петру I, установка монумента, — чисто техническая, организационная работа, — была поручена Фельтену. Однако, закончив эту работу, он обращается в Контору строений с «доношением», в котором просит заплатить ему такое же вознаграждение за труды, какое получал Фальконе: «в воздаяние понесенных мною за Фальконета трудов, выдать мне из монументной суммы остающиеся в оной определенные для него и мне недоданные по сту рублев на месяц по самое открытие монумента 1782 года августа 7-го числа». При этом он очень пространно описывает собственную деятельность, но лишь вскользь упоминает о Фальконе. Добавим, что после торжественного открытия прославленного памятника в списке награжденных среди первых был назван Фельтен (о Фальконе не вспомнили вовсе).



«Репорт» Ю.Фельтена о назначении П.Егорова на должность архитектора. 1774 г.

К челобитной Фельтена от 6 сентября 1772 года, в которой он просит о прибавке ему жалованья, отнеслись одобрительно. 30 декабря 1773 года Бецкой подписывает решение: «производить ему, Фельтену, положенное на двух архитекторов жалованье по 1200 рублей». Однако, опасаясь, как бы при такой непомерной нагрузке служба для Фельтена «не могла бы обратиться в несносную», Бецкой предлагает ему

выбрать себе «в помощь» на остающуюся свободной должность архитектора кого-нибудь из трех заархитекторов, работавших в Конторе строений.

Фельтен, отметив, что «к произвождению достойны» Егоров и Фок, выдвигает все же кандидатуру Егорова. Об этом он пишет в специальном рапорте от 31 января 1774 года: «Петр Егоров... в знании архитектуры в теории и практике весьма преимущественнее и по тому его знанию при означенной Конторе должность архитекторскую отправлять может, для чего и к награждению архитектором достойным признается...»

1 февраля 1774 года состоялось собрание Совета Конторы, которое вынесло решение: «...Реченый Егоров... к произведению согласно с представлением господина Фельтена в штат сей Конторы архитектором с прибавкою к ныне получаемому жалованью из оставшихся на художников и мастеровых суммы по двести, а с произвождением всего по шестисот рублей в год достоин».

Итак, на должность второго архитектора в Контору строений назначен Петр Егоров.

Казалось бы, осталась одна небольшая формальность — резолюция Бецкого на решение Совета Конторы строений. Однако и на этот раз ее не последовало. Потребность во втором архитекторе неожиданно отпала. О назначении Егорова архитектором — больше ни слова. Последний документ, которым закрывается длившееся почти два года «Дело о прибавке жалованья архитектору Фельтену и о награждении архитектором заархитектора Петра Егорова», написан 29 марта 1774 года. В нем нет ничего нового. О Егорове здесь не упоминается совсем. Лишь снова подчеркивается, что Фельтен один успешно выполняет все обязанности, возлагаемые на двух полагающихся по штату архитекторов!

Причины отклонения кандидатуры Егорова, который только что признавался «к награждению архитектором достойным», неизвестны. Во всяком случае, все предпосылки для этого у него были: «точное знание архитектуры», которое отмечает сам Фельтен (в рапорте от 31 января 1774 года), большой практический опыт работы, который в те годы часто ценился выше теоретических знаний, «наивсегда добропорядочные поступки и в должности исправность», «особливое» трудолюбие.

Почему же Бецкой столь упорно отказывает Егорову в повышении «званиями и чинами»?

В конце 1760-х—начале 1770-х годов правительство начинает активное наступление против расширяющегося влияния разночинной интеллигенции. В 1771—1772 годах выходит целый ряд указов, по которым строжайше запрещалось принимать на государственную службу лиц, вышедших из подушного оклада. Одновременно было приказано в кратчайшие сроки проверить и «объяснить происхождение» всех канцелярских служащих. Многих, у кого оно оказывалось «неугодным», увольняли, а тех, кто оставался, продвигать по службе не рекомендовалось. Зная, как пристрастно относился Бецкой к происхождению сотрудников, Фельтен, выдвигая кандидатуру Егорова, не мог не предвидеть отрицательный результат. Тем более — в 1774 году, в разгар восстания Пугачева, в котором активное участие принимали народы Поволжья.

Но ведь и Фок, в биографии которого все было вполне благополучно, тоже не получил звание архитектора.

Как же объяснить все происшедшее?

Подчас решающую роль играют некоторые личные свойства людей. Пользуясь покровительством Бецкого, который был к нему «неизменно милостив и благорасположен», Фельтен после ухода в отставку Растрелли начинает быстро делать карьеру. Он постепенно становится не только главным архитектором Конторы строений, но с 1772 года — профессором Академии художеств, где после трагической гибели Кокоринова также начинает играть руководящую роль. С.П.Яремич в статье «Художества в период президентства И.И.Бецкого», помещенной в книге «Русская академическая художественная школа» (М.—Л., 1934), так пишет о Фельтене: «...Он сосредоточил всю свою энергию, чтобы удержать в своих руках инициативу, враждебно относясь к каждой попытке людей, обладающих знаниями и талантом, получить то или иное академическое звание, дававшее право нести те или иные обязанности». Академию художеств он рассматривал как «свою вотчину» и, видя в каждом талантливом архитекторе «угрозу прочности своего положения», «действовал деспотически и не терпел никакого вмешательства». В результате в период «президентства Бецкого» и активной деятельности Фельтена почти никто из талантливых архитекторов того времени не был связан с Академией художеств. Мало этого, как уже говорилось, вынуждены были уйти и те, кто там преподавал (Ж.Б.Валлен-Деламот, И.Е.Старов).

Нет оснований думать, что в Конторе строений характер поведения Фельтена менялся. Напротив, если даже на Академию художеств он мог позволить себе смотреть как «на свою вотчину», то, думается, что на Контору строений — тем более.

Но если уход талантливых людей из Академии художеств не представлял особой опасности — страдало лишь искусство, то в Конторе строений положение было несколько иным. Выполнение заказов императрицы требовало высокого мастерства. И хотя в протоколах Конторы строений за 1772—1774 гг. упорно отмечается, что Фельтен «исправляет должность вместо положенных по штату двух архитекторов один безостановочно и с преимущественным против многих прежде бывших архитекторов трудом», — поверить этому трудно. Тем более, если учесть, что, став с 1772 года профессором Академии художеств, он все меньше имеет возможности уделять внимание строительной практике.

Догадаться об истинном положении вещей очень несложно. Фельтен умел подбирать себе талантливых и работоспособных помощников, предпочитая оставлять их при этом в подчиненном положении. Вот почему должность второго архитектора так и не была занята в течение 10 лет (с 1769 по 1779 годы). Лишь после того, как в 1778 году Фельтен получил высокий чин коллежского советника, стал членом Совета Конторы и занял новую должность — «инспектора над мастеровыми» (его положению уже ничто не угрожало), вторым архитектором был назначен молодой Иван Дункер (род. в 1751 г.), сын известного «резного мастера» Франца Дункера, работавшего в Академии наук и пользовавшегося очень большим влиянием (последнее обстоятельство, вероятно, и сыграло здесь решающую роль).

По знаниям и опыту Иван Дункер никак не мог превосходить ни Егорова, ни Фока. Сам Фельтен в 1795 году, через много лет, отозвался

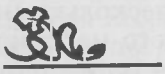
о нем довольно сдержанно: отметил лишь его «познания в практике». Характерно и следующее, став архитектором, Дункер получает оклад 450 рублей, а не 600, как полагалось по штатному расписанию.

И в Академии художеств, и в Конторе строений Фельтен более всего стремился к сохранению руководящего положения. Вместе с тем он вовсе не хотел, употребляя выражение Бецкого, превратить свою должность в Конторе строений «в несносную». Без сомнения, в течение 15 лет, с 1769 по 1784, вплоть до ухода Фельтена в отставку, основная нагрузка ложилась на Петра Егорова и Ивана Фока.

Пришлось остановиться здесь несколько подробнее на характеристике некоторых личных качеств Фельтена, так как именно в них кроется разгадка многих труднообъяснимых событий, которые произойдут в дальнейшем.

Чтобы понять горечь обид, уже не первый раз несправедливо наносимых Егорову, следует припомнить то значение, которое имели в XVIII веке «чины, ранги и звания». Только ими человеческое достоинство в какой-то степени ограждалось от каждодневных унижений, только ими, в сущности, человек был просто защищен. Очень выразительно о значении чинов сказал историк С.М.Соловьев: «...В описываемое время в России значительный чин был тот же револьвер, необходимый для известной безопасности».

14 февраля 1774 года Контора строений рассмотрела челобитную Петра Егорова «об увольнении его для своих необходимых нужд в Москву и Вязьму на двадцать девять дней». Отпуск Контора строений своим сотрудникам предоставляла лишь в очень редких, исключительных случаях. Однако просьба Егорова была сразу удовлетворена.



«ПО ЛУЧШЕМУ ЗНАНИЮ НАУКИ И ПРАКТИКИ...»

Иордань

В ведении Конторы строений находилась Иордань — специальный павильон, сооружаемый на Неве к рождественским праздникам. При осмотре 7 декабря 1769 года выяснилось, что старая Иордань «пришла в такую рухлость, что сделанные в ней части одна другую поддерживать не в состоянии». В связи с этим Контора строений поручила Фельтену и Егорову (каждый должен был работать самостоятельно) «сделать прожекты, какой фигурою оную Иордань с протчими при ней местами впредь иметь, дабы она пристойный, божественный и величавый вид представляла». В XVIII веке было принято поручать выполнение проекта двум (а иногда и больше) архитекторам — выбирался обычно тот проект, который признавали «за лучший».

Задание, порученное Фельтену и Егорову, было ответственным, так как на праздновании «водоосвящения» всегда «всевысочайше присутствовала» императрица.

8 декабря 1774 года Фельтен и Егоров представили на рассмотрение в Контору строений два проекта Иордани, один из которых, с галереей, принадлежал Фельтену, другой — Егорову. Об этом сообщается Бецкому в специальном документе: «Той Иордани два прожекта представлены, сочиненный один — господином Фельтеном, а другой заархитектором Егоровым, в том числе один со зделанием при оной Иордани... галереи, а другой без оных».

Сметы по тому и другому проектам составлял Петр Егоров.

До нашего времени сохранилось три чертежа Иордани. Один из них (с галереей), как уже указывалось, принадлежит Фельтену, два других, очень близких по манере исполнения, вполне соответствуют графике Егорова, известной по другим его работам (надписи сверху чертежей и на масштабной линейке сделаны другим человеком, по-видимому, позднее). Оба варианта Иордани, выполненные Егоровым, являются подлинными чертежами XVIII века и хранятся в Музее истории Санкт-Петербурга (ГМИ СПб, № 4932, 4933). Они выполнены на высоком профессиональном уровне и свидетельствуют о графическом мастерстве архитектора.

У этих чертежей есть общие черты: оба варианта имеют вид ротонды, поставленной на небольшое возвышение со ступенями, и завершаются полуциркульным куполом сходного рисунка с крестом; декорированы коринфскими гладкими колоннами, а по карнизу украшены «сухариками».

Но есть в чертежах и существенные различия. В первом варианте (с планом) Иордань украшена провисающими гирляндами с медальоном в центре. В нишах между колоннами помещены изображения святых. Второй вариант (с обозначением буквы «С» наверху) производит впечатление более зрелого произведения, имеет строгий, совершенный и законченный рисунок, соответствующий русскому классицизму последней четверти XVIII века.

Интересно сопоставить чертежи Иордани и иконостасов Рождественской церкви, проекты которых были сделаны Егоровым гораздо позднее — в 1780 году. Это сделать легко, так как чертежи иконостасов также хранятся в Музее истории Санкт-Петербурга (№ 4807, 4808). Они выполнены изящно. Как на чертежах Иордани, так и на иконостасах некоторые детали слегка подкрашены синей краской, хотя сами они однотонны; очень сходна манера отмывки и прорисовки деталей.

Чертежи Иордани (1769—1774) представляют собой немалый историко-художественный интерес. Они экспонировались на Исторической выставке архитектуры в 1911 году, на которой предположительно рассматривались (поскольку их автор был в то время неизвестен) как работы архитектора Антонио Ринальди. Л.Рудницкий в книге «Историческая выставка архитектуры. 1911 год» (СПб, 1912) пишет: «Ринальди, может быть, принадлежит несколько прелестных проектов Иордани». Об этих же чертежах с похвалой упоминает И.Э.Грабарь в «Истории русского искусства» (М., 1912): «...Наконец есть еще недурной проект для Иордани на Неве».

Дома адмиралов Г.А.Спиридова и А.Н.Сенявина

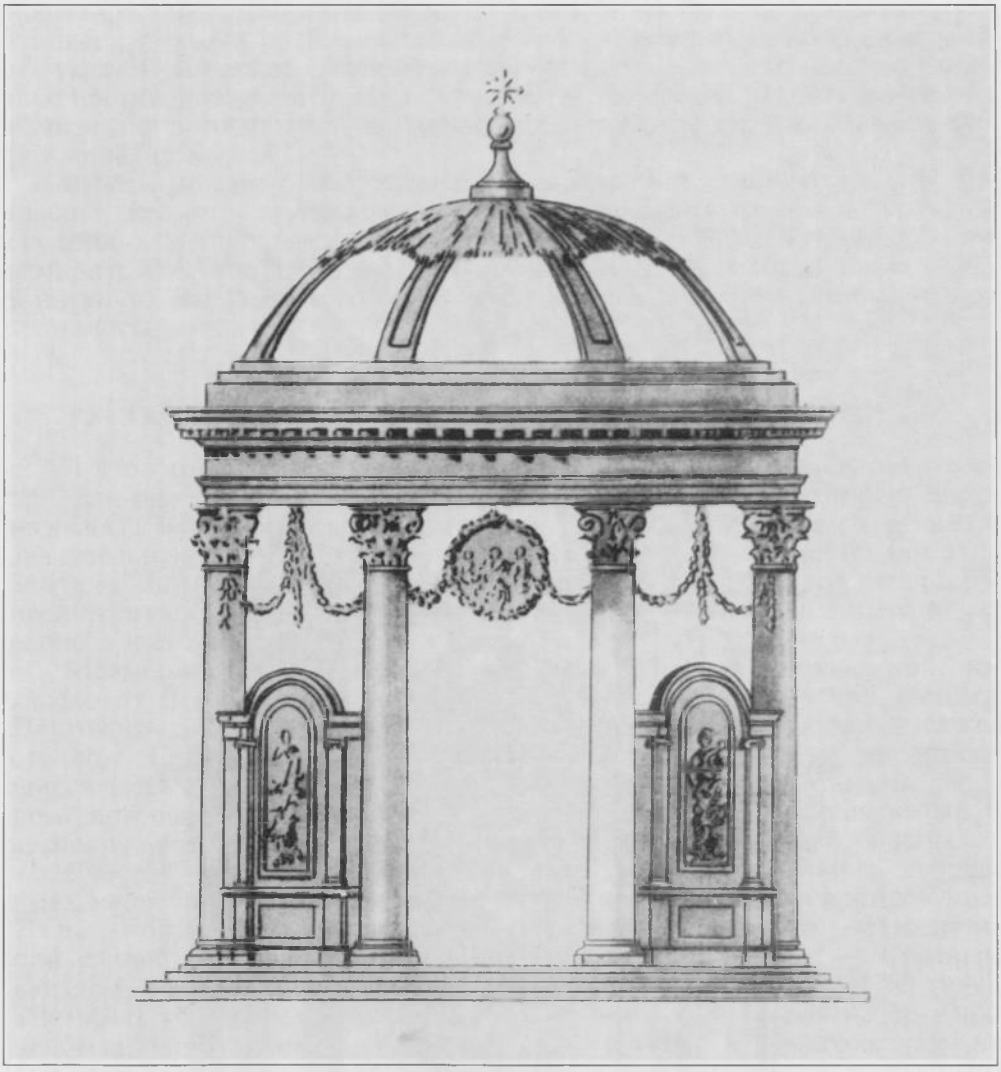
В ночь на 23 мая 1771 года на Васильевском острове вспыхнул сильный пожар, уничтоживший почти все здания, расположенные между 7-й и 20-й линиями. Среди пострадавших оказались и дома адмиралов Г.А.Спиридова и А.Н.Сенявина.

Г.А.Спиридов — выдающийся флотоводец, участник Русско-турецкой войны (1768—1774), герой знаменитого Чесменского сражения, о котором он в июне 1770 г. сообщил в Петербург: «Честь Всероссийскому флоту! С 25 на 26 июня неприятельский военный турецкий флот атаковали, разбили, разломали, сожгли, в небо пустили, потопили и в пепел обратили... а сами стали в архипелаге господствующими».

Прославлен был и адмирал А.Н.Сенявин (сын известного моряка петровского времени — Н.А.Сенявина). Один из основателей Черноморского флота, он, как и Спиридов, был участником Русско-турецкой войны 1768—1774 гг.

По указу императрицы, восстановление пострадавших от пожара домов адмиралов казна брала на себя. Конторе строений было приказано «к работе приступить немедля, все работы производить со всякою поспешностью и из самых хороших и здоровых материалов». Повреждения от пожара оказались столь значительными, что фактически дома адмиралов, как и сообщается в документах, следовало «вновь построить». Эту работу Контора строений поручает Петру Егорову.

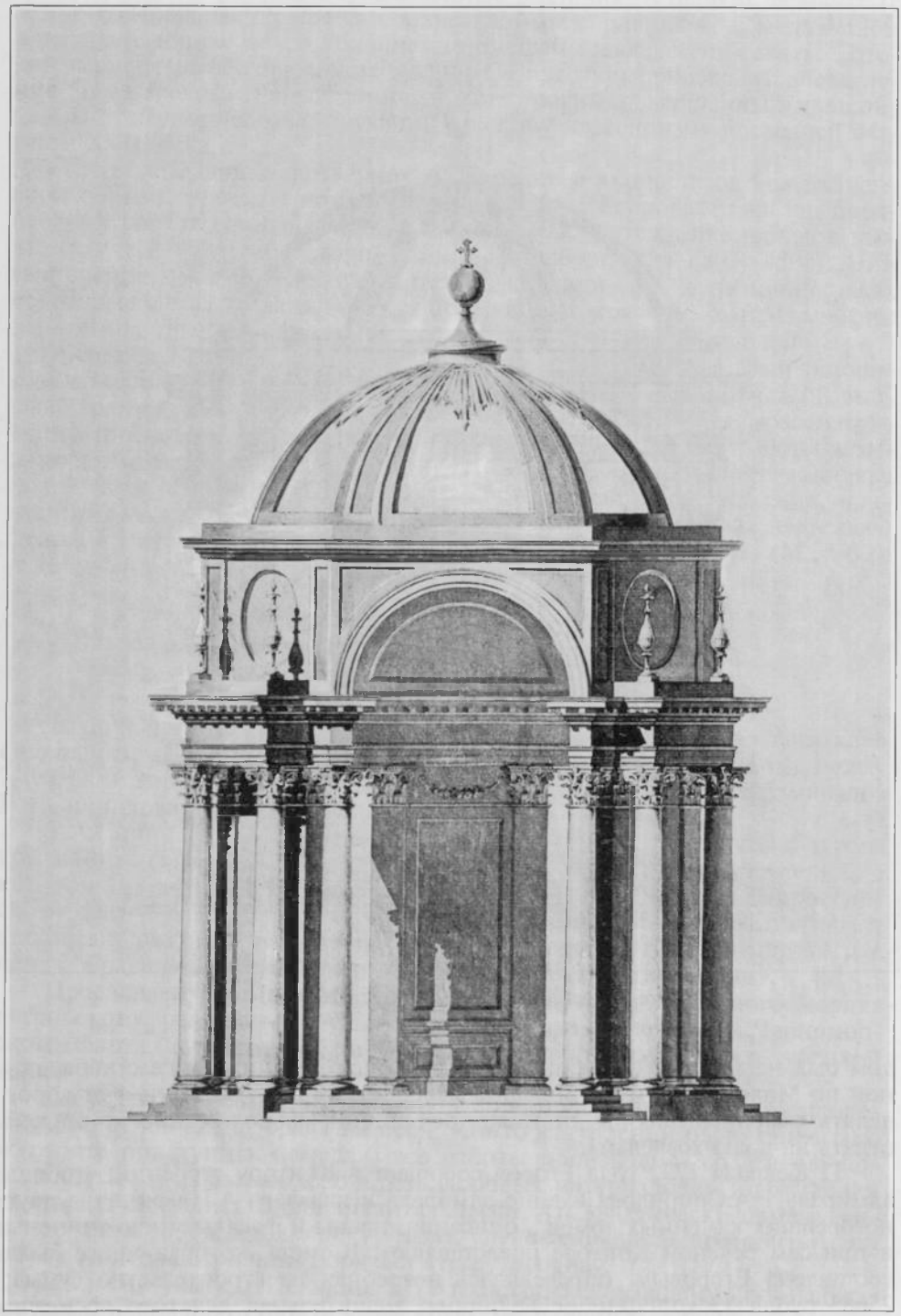
Согласно указу от 26 июня 1771 года, последовавшему после пожара, дома полагалось строить «каменные, несплошные, однако же, чтобы



Проект Иордани. Первый вариант. 1769—1774 гг.

дом был не меньше по улице 6 сажен длиною, вышиною же с набережной по Малой Неве и по Большой перспективной в 4 сажени и от ворот делать каменные заборы, не ниже трех аршин; расположение же этажей отдать на волю хозяевам».

12 февраля 1772 года Егоров сообщает в Контору строений: «господ адмирала Г.А.Спиридова и вице-адмирала и кавалера А.Н.Сенявина двух погоревших каменных домов... описания, планы и фасады мною учинены и при сем реченой Конторе представляю». В смете, которая также была составлена Егоровым, определялась потребная на строительство сумма: 25683 рубля 73 копейки. Ее величина, значительная для того времени, подтверждает, что дома фактически были построены заново: созданы



Проект Иордани. Второй вариант. 1774 г.

новые фасады, надстроены верхние этажи (дома были двухэтажные, каменные), к дому Сенявина сделан мезонин. Кроме того, по специальному указу И.И.Бецкого, был проведен целый комплекс работ по усилению противопожарной защиты (в частности, построен брандмауэр — стена из огнеупорного материала, разделяющая смежные строения в противопожарных целях).

Работы по строительству домов адмиралов Г.А.Спиридова и А.Н.Сенявина, несмотря на указ императрицы проводить их «со всякою поспешностью», продолжались около трех лет: с 1771 по 1773 годы. Дом адмирала Г.А.Спиридова был расположен на 13-й, А.Н.Сенявина — на 9-й линиях Васильевского острова. До нашего времени эти дома не сохранились.

«Находился при строении Мраморного дома...»

В 1768 году Екатерина II задумала построить «здание благодарности», как она сама его называла, — Мраморный дворец, который предназначала в подарок своему фавориту, графу Г.Г.Орлову, сыгравшему значительную роль в дворцовом перевороте, возведшем ее на престол. Замысел императрицы был необычен: фасады дворца и его интерьеры предполагалось отделать естественным камнем — мрамором и гранитом (отсюда и его название).

Мраморный дворец начал строиться на Дворцовой набережной, недалеко от Летнего сада, на месте существовавшего здесь при Петре I Почтового двора. Дворцовая набережная считалась парадным фасадом столицы. Согласно градостроительному плану А.В.Квасова, все строящиеся здесь здания должны были создаваться «в линию» с Зимним дворцом, которым она начиналась, составлять с ним единый ансамбль и «особливо соответствовать... славному по той реке каменному берегу».

Участок, который отвели под строительство Мраморного дворца, имел неправильную форму, что значительно затрудняло планирование. С севера он был ограничен Дворцовой набережной, с юга — Миллионной улицей, с запада Бестужевским переулком, с востока — Красным каналом, соединявшим реку Мойку с Невой (был засыпан в 1780 году). Трудность участка заключалась в том, что линия Дворцовой набережной не была параллельна Милионной улице, а берег Красного канала не был параллелен Бестужевскому переулку. Главный фасад (восточный) выходил на набережную Красного канала.

По своему месторасположению Мраморный дворец не только входил в ансамбль Дворцовой набережной, но и должен был композиционно завершать ее облик (участок от Красного канала до Летнего сада в тот период еще не был застроен).

Проектные чертежи Мраморного дворца не обнаружены (кроме чертежа парадной мраморной лестницы, который не подписан). Никаких упоминаний об архитекторе, авторе дворца, нет ни в архивных, ни в литературных источниках того времени.

Существует легенда, что первоначальный рисунок Мраморного дворца был набросан самой императрицей. Известный поэт XVIII века А.П.Сумароков в «Обозрении царствования и свойств Екатерины Великия» писал: «Дворец Мраморный построен по плану императрицы». Под-

робное изложение этой легенды можно прочесть и в статье В.Орлова «Мраморный дворец», написанной к столетнему юбилею дворца («Русская старина», 1885, май), и в фундаментальном труде А.И.Успенского «Императорские дворцы» (СПб, 1913). Вспоминает о ней также В.Г.Барановский в «Архитектурной энциклопедии» (СПб, 1903): «Константиновский Мраморный дворец в Санкт-Петербурге построен в 1769—1785 гг. по эскизу императрицы Екатерины II...»

Екатерина II очень любила строить. И.Э.Грабарь пишет: «Любя все художества, Екатерина питала особенную страсть к архитектуре». Впадая, по ее собственному выражению, «в строительное неистовство», императрица могла часами беседовать с архитекторами обо всех деталях своих многочисленных построек. При этом она нередко набрасывала рисунки будущих сооружений, чертила планы. «Собственноручные чертежи Ея Императорского Величества» можно найти в бумагах многих архитекторов, работавших на дворцовом строительстве. Так что для появления легенды, связанной с созданием Мраморного дворца, — а ему императрица придавала особенное значение, — были некоторые основания.

Руководство строительством Мраморного дворца было поручено полковнику артиллерии (с 1769 года — генерал-майору) М.И.Мордвинову, человеку просвещенному, директору артиллерийской и инженерной школы (его портрет в 1778 году написал Д.Г.Левицкий). Мордвинов был хорошо известен как опытный инженер-строитель. Под его руководством строились Аничковский (арх. М.Земцов) и Чесменский (арх. Ю.Фельтен) дворцы, дорога от Петербурга до Царского Села и др.

В период, когда строительством Мраморного дворца руководил Мордвинов (с 1768 по 1782 гг.), аккуратно и подробно велись счетные книги, куда заносились все расходы с точным указанием, за что и сколько уплачено. По этим, как тогда говорили, «щетам» (хранятся в ЦГАДА) можно проследить за ходом строительства дворца вплоть до отдельных деталей.

«Щета» Мордвинова начинаются 15 апреля 1768 года. В этот день из Кабинета императрицы на строительство Мраморного дворца было отпущено 10000 рублей. Через две недели, 1 мая 1768 года, сообщается, что «столярного цеху мастеру Иогану Кнору» заказаны модели из липового дерева — «строющемуся дому и каналам» (канализационной системы. — *Э.К.*). Стоимость этих моделей была определена в 685 рублей.

Автор чертежа, по которому мастер Кнор должен был сделать модели, как уже говорилось, неизвестен. Ни один архитектор в первые месяцы строительства Мраморного дворца в документах не упоминается.

Проходит пять месяцев. 24 сентября 1768 года М.И.Мордвинов обращается к главному директору Канцелярии от строений И.И.Бецкому с просьбой: «Потребен мне в ведение моего казенного строения архитектор, а как при Канцелярии Ея Императорского Величества домов и садов знающих сие искусство людей находится довольное число, того ради Ваше высокопревосходительство прошу дозволения к порученному мне строению направить... заархитектора Петра Егорова...»

Мордвинов получает быстрый ответ, что работать на строительстве Петру Егорову «дозволено».

С какой целью был приглашен на строительство Егоров?

Чертеж Мраморного дворца выполнен. По этому чертежу мастер Кнор уже заканчивает работу над моделями. Строительством руководит

Мраморный дворец. 1768—1785 гг. Фотография 1963 г.

опытный инженер-строитель Мордвинов. Так чем же должен заниматься Егоров?

В «щете» Мордвинова (от 2 февраля 1769 года) об этом говорится совершенно конкретно: Егоров должен выполнять обязанности, «какие до знания архитектурии принадлежать будут». Собственно, об этом говорит и письмо Мордвинова к Бецкому, он пишет совершенно определенно: «потребен мне в ведение моего казенного строения архитектор». Обращает на себя внимание, что из «знающих сие искусство» архитекторов (в 1768 году в Канцелярии от строений работало 9 архитекторов и 8 заархитекторов) он просит прислать на строительство Мраморного дворца именно Егорова. Хочется отметить здесь еще одно обстоятельство: находясь на строительстве Мраморного дворца (1768—1785), Егоров продолжал оставаться сотрудником Канцелярии от строений. Таким образом, все эти годы ему платили следующее жалованье: при Канцелярии от строений — 400 рублей, как преподавателю архитектурной школы — 160 рублей, на строительстве Мраморного дворца — 500 рублей (с 1771 года). Следовательно, в течение 14 лет (с 1771 по 1785 гг.) Егоров получает в год 1060 рублей. Такое высокое жалованье отечественным специалистам платили в те времена лишь в очень редких случаях (напомним, что оклад архитектора был 600 рублей).

Итак, все приведенные факты свидетельствуют об одном: в конце 1760-х годов Егоров был хорошо известен как специалист высокой квалификации. И осенью 1768 года на строительство Мраморного дворца он мог быть приглашен только с определенной целью — для работы над проектом (в сущности, никакой другой работы на строительстве в этот период еще и не было).

В «щетах» Мордвинова указано, что Егоров начал работать на строительстве Мраморного дворца с 1 октября 1768 года. И в этом же месяце, как свидетельствуют те же «щета» Мордвинова, начинаются изменения в проекте.

К этому времени, как уже упоминалось, мастер Кнор почти закончил работу над моделями, заказанными ему 1 мая 1768 года: «столярного цеху мастер Иоган Кнор, который договорился зделать ево работными

людьми строющемуся дому и каналам из липового дерева модели ценою за 685 рублев, из которых моделей он, Кнор, каналам окончил совсем, а дому до половины...» («щет» от 25 октября 1768 года). Однако изменения, внесенные в проект осенью 1768 года, оказались слишком значительными: «...Оному дому зделано с одной стороны прибавка и через то последовала в разделении и во всех фасадах перемена, так что ничего к новой модели, как от каналов, так и от дому употребить невозможно» («щет» от 25 октября 1768 года).

В результате, расплатившись с Кнором за уже проделанную работу, 21 октября 1768 года ему заказывают три совершенно новых модели («дома с каналами», «большой лестницы с подъездом» и «зала для жуидепома» — игры в мяч), которые он должен выполнить «точно против данных ему планов и фасадов»: «Столярного цеху мастер Иоган Кнор... обязался зделать строющемуся дому модель из липового дерева самою чистою столярною работою точно против данных ему планов и фасадов всем наружным и внутренним сторонам с показанием на фасадах украшениев, кроме внутреннего разделения покоев, показав под тем домом каналы с бассейнами и нужниками и трубами для помп, обозначя все фундаменты и берега Невы реки и канала (Красного канала. — *Э.К.*), и те модели делать так, чтоб сажень была в один вершок, подлежащие же к той модели капители, вазы, фестоны и прочие назначенные на фасадах украшения зделать из свинца, сверх же сего обязался он большой лестницы с подъездом особливую модель, чтоб сажень была в два аршина со всеми украшениями и сводами... и залу для жуидепома со всеми к той игре принадлежностями по той же мере, как и лестницу» («щет» от 31 декабря 1770 года).

Общая стоимость новых моделей, заказанных 21 октября 1768 года, была определена в 725 рублей. На этот раз, заключая договор с Кнором, сочли необходимым сделать оговорку: «...а ежели при делании оных моделей последуют какие небольшие переправки, то особливой платы за те переправки не требовать».

Однако «переправки» продолжались еще в течение двух лет: «при делании оных моделей против планов и фасадов были частые и весьма важные перемены» («щет» от 31 декабря 1770 года).

В итоге, несмотря на то, что по договору от 21 октября 1768 года Иоган Кнор не должен был требовать «особливой платы за те переправки», он вынужден обратиться со специальным «доношением», в котором просит, чтобы ему заплатили только за «перемены» в двух моделях — «дома с каналами» и «парадной лестницы с подъездом» — «сверх договору 1075 рублев» (относительно же модели «зала для жуидепома» он считал, что следует «договориться вновь»): «как он, Кнор, доношением представил, что при делании оных моделей против планов и фасадов были частые и весьма важные перемены, так что с большого двора на всех сторонах переменен весь фасад, а на парадной лестнице, которая тоже уже была совсем сделана, положено быть куполу для часов; в разсуждении чего он тем доношением и просит, чтоб заплатить ему за те перемены сверх договору 1075 рублев» («щет» от 31 декабря 1770 года).

В связи с «доношением» Кнора была созвана специальная комиссия столярных мастеров, которая отметила следующее: «перемены» были столь значительны («с большого двора, а особливо при парадной лестнице переменен совсем фасад»), что Кнор в их ходе вынужден был снова (вторично) оставить уже готовую модель дома («зделанные фасады по

первым рисункам совсем оставлены») и приступить к изготовлению новой; что же касается модели парадной лестницы, «которая по первым рисункам была у него тоже совсем окончена», то ее пришлось значительно переделать («на особливой модели парадной лестницы зделан им для постановления над оною лестницею часов сверх договору купол» — «щет» от 31 декабря 1770 года).

В результате, признав справедливость требований Кнора, мастера постановили: выдать ему «вместе с договорной ценою» (725 рублей) за «делание моделей дому с каналами и парадной лестницы» 1663 рубля. Если прибавить к этому 400 рублей, которые Кнор получил несколько позже (в 1771 году) за выполненную им «из липового дерева столярною работою со всеми украшениями» модель «зала для жуидепома», то получится весьма значительная сумма — 2063 рубля. Сама ее величина подтверждает, что изменения в проекте действительно были «весьма важные».

Итак, в течение трех лет (1768—1770) идет работа над проектом Мраморного дворца. О значительности и сложности этой работы свидетельствуют «щета» Мордвинова, в которых дважды (25 октября 1768 и 31 декабря 1770 гг.) говорится об изменениях «во всех фасадах дворца». В результате этих изменений («перемен») мастер Иоган Кнор вынужден дважды оставлять уже почти готовые модели «дома с каналами» (Мраморного дворца) и приступить к работе заново. Кардинальные изменения «сверх договору» были сделаны также в моделях парадной лестницы и зала для игры в мяч.

Кто вносил эти изменения в проект? Никаких сведений об этом не сохранилось (творческой работе в XVIII веке большого значения не придавалось). Единственным архитектором, имя которого постоянно упоминается во всех документах, связанных со строительством Мраморного дворца в эти годы, был Петр Егоров. Не следует забывать еще об одном обстоятельстве: архитектор, которому поручалось в те времена руководство строительством, очень редко оставался слепым исполнителем чужого замысла: специфика строительства была такова, что ему неизбежно приходилось относиться к работе творчески.

Чем были вызваны столь значительные изменения в проекте?

Об этом также нет никаких определенных сведений. Возможно, что они были связаны с трудностями участка, на котором дворец строился.

В июле 1770 года императрица в сопровождении свиты побывала на строительстве Мраморного дворца с определенной целью — «для смотрения модели строющегося дома». Следовательно, летом этого года модель Мраморного дворца была готова. С окончанием изготовления модели завершилась, в основном, и работа над проектом сооружения. В соответствии с моделью выполнялись обычно все необходимые рабочие чертежи и шаблоны.

Строительство Мраморного дворца — с самого начала и до конца — пользовалось постоянным вниманием императрицы. Ничто не делалось и не менялось без ее ведома. Она неоднократно посещала его, каждый раз щедро награждая всех его участников. Несмотря на начавшуюся в 1768 году Русско-турецкую войну, требовавшую колоссальных расходов, с затратами на строительство дворца не считались (деньги шли из «Кабинета Ея Величества» по специальным указам императрицы). «За каменьями для Мраморного дворца» была направлена на Урал специальная экспедиция.

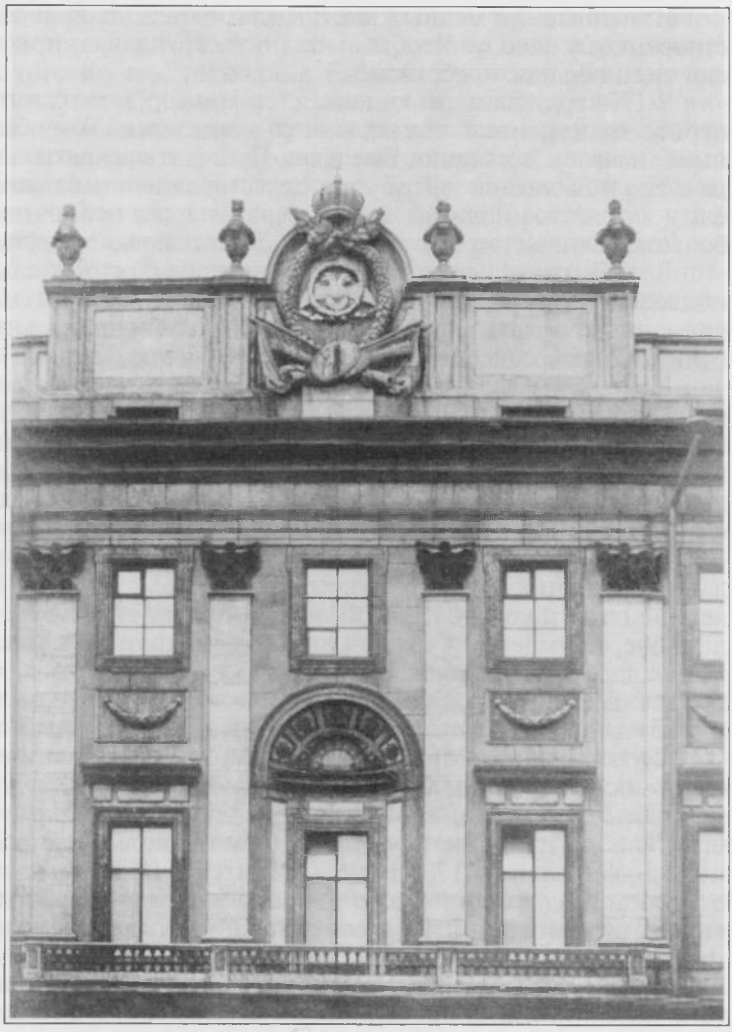
Весь 1768 год проходили подготовительные работы: вынимали зем-

Мраморный дворец. Фрагмент Восточного фасада. Фотография 1963 г.

лю под фундамент, забивали сваи, привозили «дикий камень» (гранит) и кирпич для строительства. Забивка свай проходила силами «фузилеров» (пехотинцев) под командованием молодого капитана артиллерии П.А.Ганнибала (родного брата деда А.С.Пушкина — О.А.Ганнибала).

10 октября 1769 года состоялась торжественная закладка здания.

На строительстве Мраморного дворца трудилось огромное количество людей — мастеров самых различных специальностей. Их постоянно не хватало. Учиться зачастую приходилось прямо здесь, на строительстве. В одном из «щетов» Мордвинова указывается, что «выдано книгопродавцу Вейбрехту за покупку у него для обучения находящихся при строении учеников одну Виньолову архитектурную книгу» (речь идет о книге Джакомо Виньолы «Правило пяти ордеров архитектуры»).



Мраморный дворец. Фрагмент южного фасада. Фотография 1963 г.

С первых лет строительства дворца были организованы мастерские — кузнечные, слесарные, по обработке гранита и мрамора. С помощью специальных подъемных механизмов производился подъем облицовочных плит и колонн на стены здания. В ходе строительства была сделана специальная машина для полировки гранита, а кузнечный мастер Тимофей Наживин «сочинил машину» для шлифовки мрамора. Таким образом, на этом строительстве, которое длилось долгие годы, возможно, впервые была осуществлена механизация наиболее трудоемких работ.

В 1770 году императрица выразила желание покрыть здание дворца медными листами. 10 августа 1772 года мастер Андрей Мейер сделал деревянную модель «для кровли строющемуся дому». Интересно отметить, что и в этом случае «в прожекте воспоследовали некоторые перемены» — Мейеру пришлось модель переделывать.

Изготовление медных листов для кровли дворца было поручено Сестрорецкому заводу. Чтобы выполнить этот заказ, при нем была построена специальная «фабрика».

В 1774 году началась отделка стен мрамором и гранитом. Однако в этот период ход строительства несколько замедлился. Тому были разные причины. С началом восстания Емельяна Пугачева прекратилась доставка мрамора с Урала. Большой ущерб строительству причинило наводнение 1777 года: были затоплены подвалы и весь первый этаж, испорчено и унесено водой большое количество заготовленных строительных материалов.

В 1779 году, через 11 лет после начала строительства, дворец был подведен под кровлю из железных полос, покрытых медью (до нашего времени не сохранилась). Начинается интенсивная внутренняя отделка, отличавшаяся совершенно необычным великолепием.

Интерьеры дворца поражали красотой и роскошью: полы — «из разноцветного заморского дерева» и слоновой кости, фаянсовые печи, наборной работы двери. В золоченые бронзовые рамы второго, парадного этажа были вставлены зеркальные шлифованные стекла. Прекрасную отделку дворца дополняли живописные плафоны, мраморные барельефы, скульптуры, картины, бронза, фарфор, роскошная мебель.

В 1783 году М.И.Мордвинов скончался. Его обязанности были переданы полковнику Федору Буксгевдену — родственнику Г.Г.Орлова. В последние годы такой подробной отчетности по строительству, как при Мордвинове, не ведется. Сохранились только краткие записи и доклады. Так, из доклада Буксгевдена в начале 1785 года известно, что в Мраморном дворце все еще продолжаются многочисленные отделочные работы — штукатурные, малярные, скульптурные, живописные и пр.

Строительство Мраморного дворца с завершением отделочных работ было закончено в мае 1785 года. В том же году было составлено подробное «Описание Мраморного дворца, покоям, их уборам и вещам, также службам с приложением планов, поднесенное от полковника Буксгевдена в 1785 году» (хранится в ЦГИА). Этот труд представляет собой полное описание дворца, включая первоначальный вариант внутренней отделки, что особенно ценно, так как она почти не сохранилась. К описанию приложены поэтажные планы.

«Описание Мраморного дворца» было переплетено в сафьян с золотым тиснением и поднесено императрице, которая после смерти Г.Г.Орлова, так и не дождавшегося окончания строительства (он умер в 1783 году), купила дворец у его наследников.

Все участники строительства Мраморного дворца были «всемилостивейше пожалованы» наградами. Петру Егорову «за знание, прилежность и усердие» и «как весьма достойному человеку» было выдано 800 рублей. Кроме того, он был рекомендован «к награждению чином». В связи с последним обстоятельством Егорову были выданы два аналогичных по содержанию аттестата, подписанных Федором Буксгевденом и Фридрихом фон Раллем. В аттестате Фридриха Ралля, ставшего в ноябре 1785 года управляющим Мраморным дворцом, говорится: «Дан сей аттестат господину коллежскому асессору и заархитектору Петру Егорову в том, что он по требованию бывшего при строении Мраморного дома артиллерии полковника, что после был генерал-инженером, Михайлы Ивановича Мордвинова в 1768 году, получа от главного своего директора господина действительного тайного советника и кавалера Ивана Ивановича Бецкого

позволение, приняв возложенную на него должность, то есть практическое показание и смотрение за всеми по тому строению производящимися работами и сверх того по его, господина Егорова прожекту, Ея Императорским Величеством апробованному, строились принадлежащие к оному дому каменные службы под евож присмотром, и как при первом, так и при последнем строениях он, Егоров, имея довольное в том знание, как верного и рачительного человека долг обязывает, неусыпное оказал рачение и прилежность, за что самое ему, ... как весьма достойному человеку, всемилостивейше пожаловано Ея Императорским Величеством награждение восемьсот рублей; а как ныне оное Мраморное строение приведено уже совсем во окончание, то не имея в нем, Егорове, более надобности, за долг поставляю за его знание, прилежность и усердие, достойную приписав похвалу, рекомендовать и к награждению чином...»

3 апреля 1786 года решением Правительствующего Сената «за долговременную и беспорочную службу, за знание и прилежность в должности», а более всего — за успешное завершение продолжавшегося около 18 лет трудного строительства Мраморного дворца Егоров был «утвержден в надворные советники» (гражданский чин, равный военному — подполковник).

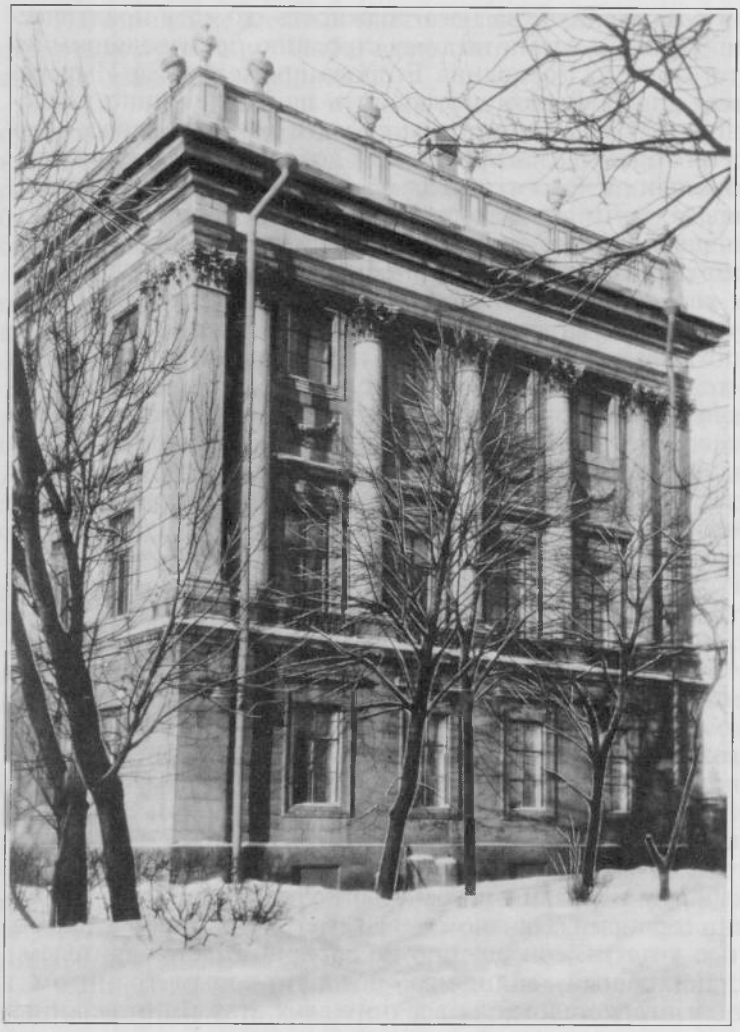
«Дворец сей единственный в своем роде...»

Красота Мраморного дворца поражала современников. Академик И.Г.Георги писал о нем в 1794 году: «Дворец сей единственный в своем роде, неприкосновенен ни к какому зданию...» С восхищением рассказывает о Мраморном дворце Екатерина II в письме к своему постоянному корреспонденту барону Ф.М.Гримму: «Трудно найти дом более красивый, с большим вкусом и более меблированный, более удобный и роскошный».

Дворец имеет форму неправильного четырехугольника с неравными и непараллельными сторонами. Однако эта асимметричность, обусловленная неправильностью участка, совершенно не воспринимается зрителем.

Первый этаж, цокольный, облицован розовато-серым гранитом и служит своеобразным пьедесталом для верхних двух этажей, отделанных светло-серым гранитом и цветным мрамором.

Как уже говорилось, главный (восточный) фасад Мраморного дворца должен был выходить на набережную Красного канала. Однако в 1779 году Красный канал был засыпан, а на его месте решено было построить Служебный дом, соединенный с дворцом (со стороны набережной и улицы Халтурина) оградой. В результате восточный фасад потерял былое значение — стал выходить во двор, а фасады, которые первоначально рассматривались как боковые, стали главными, определяющими облик здания. Эти фасады (северный и южный), выходящие на Дворцовую набережную и улицу Халтурина, имеют строгий классический рисунок и близки по своему решению. На всем протяжении стены стройные гладкие пилястры коринфского ордера, бледно-розовый мрамор которых четко выделяется на сером фоне гранитной стены, мерно чередуются с оконными проемами, обрамленными скромными наличниками без всяких украшений. Центральная часть с балко-



Мраморный дворец. Фрагмент восточного фасада. Ризалит. Фотография 1963 г.

ном на кронштейнах подчеркнута нишей с полуциркульным завершением (в нише помещена балконная дверь) и повышением аттика. Над окнами второго, парадного этажа — панно из серого мрамора с резными, белого мрамора, гирляндами. На высоком аттике, скрывающем крышу, по осям пилястр поставлены вазы, исполненные по двум моделям.

Западный фасад, выходящий в Мраморный переулок, также решен очень лаконично. Центральная часть выделена двумя спаренными пилястрами. Асимметрично, на расстоянии трех оконных осей от набережной расположен проезд в виде большой арки с воротами.

Несмотря на простоту композиции и почти полное отсутствие декоративных деталей, эти фасады производят сильное впечатление именно сдержанностью своей архитектуры, прекрасно найденными про-

порциями, тонко подобранным сочетанием различных оттенков мрамора, придающим облицовке дворца особенное своеобразие и благородство.

Несколько иначе выглядит расположенный в глубине парадного двора восточный фасад. Его центральная часть выделена трехчетвертными колоннами коринфского ордера, объединяющими второй и третий этажи, и полуциркульными окнами большого размера. Над большим центральным окном — полуциркульный сандрик с барочными завитками; над двумя другими, также полуциркульными окнами меньшего размера — военные арматуры (работы Ф.Шубина), вырезанные из мрамора и расположенные в филенках.

Проходящий над центральной частью аттик несколько повышен и украшен скульптурами работы Ф.Шубина и вазами. Над аттиком поставлена прямоугольная часовая башня, увенчанная барочным фронтоном. В отличие от классически строгого, подчеркнуто лаконичного рисунка уличных фасадов, здесь еще встречаются декоративные детали, напоминающие барочную архитектуру середины XVIII века.

Интересно отметить, что первоначально между выступами (ризалитами) восточного фасада была поставлена ограда (по правилам застройки столицы, введенным еще в петровские времена, она полагалась перед парадным двором — курдонером). О ней упоминает в 1794 году И.Г.Георги: «...Дворец сей... имеет к восточной стороне две короткие, вперед выдающиеся и неравные пристройки, составляющие двор, огражденный железною решеткою перед главным входом...»

Ограда восточного фасада Мраморного дворца отделяла его парадный двор от набережной Красного канала. Она была каменной, облицованной аналогично Мраморному дворцу розовым гранитом. В ее центре располагались большие, украшенные бронзовыми золочеными розетками металлические ворота, служившие входом в парадный двор. По сторонам от ворот, в каменной стенке ограды были сделаны декоративные ниши и оконные проемы — также с металлическими решетками.

После того как был засыпан Красный канал и построен Служебный дом, восточный фасад, а вместе с ним и его ограда потеряли свое композиционное значение. В 1845—1850 годах, когда А.П.Брюллов перестраивал Служебный дом, ограда восточного фасада Мраморного дворца была разобрана.

Фасады Мраморного дворца сохранились неизменными до настоящего времени, чего нельзя сказать об интерьерах, которые неоднократно перестраивались. По сохранившимся документам можно составить о них довольно полное представление.

Внутренняя отделка дворца отличалась необыкновенной роскошью и носила совершенно определенный барочный характер. И.Э.Грабарь, останавливаясь на архитектуре Мраморного дворца, писал: «...Дух барокко прямо царствует внутри и на великолепной лестнице, и в убранстве покоев...»

Интересные сведения об отделке Мраморного дворца можно почерпнуть из книги И.Г.Георги о Петербурге. Согласно его описанию, на первом этаже Мраморного дворца помещались домовая кухня и «гостиные покои», в средний и верхний — вела богатая парадная лестница из серого мрамора с нишами для статуй и ваз. Богатством и совершенно ошеломляющей роскошью отличался парадный, второй этаж: «Средний

этаж великолепен изящным вкусом и разнообразием предметов пленяет всякого любопытного зрителя». На этом этаже находились знаменитый мраморный зал, парадная столовая, картинная галерея, комната «по турецкому вкусу», зал для игры в мяч, греческая и русская бани. Комнаты третьего этажа были отделаны скромнее.

Помещения дворца украшали работы прославленных скульпторов — Ф.Шубина и М.Козловского, а также известных живописцев того времени — С.Торелли, И.Акимова, Ф.Данилова, Г.Молчанова. После многих перестроек интерьеров Мраморного дворца свою первоначальную отделку сохранили лишь парадная лестница и первый ярус стен мраморного зала с барельефами работы Ф.Шубина и М.Козловского.

Мраморный дворец принадлежит к выдающимся памятникам архитектуры раннего русского классицизма.

Служебный дом и ограда Мраморного дворца

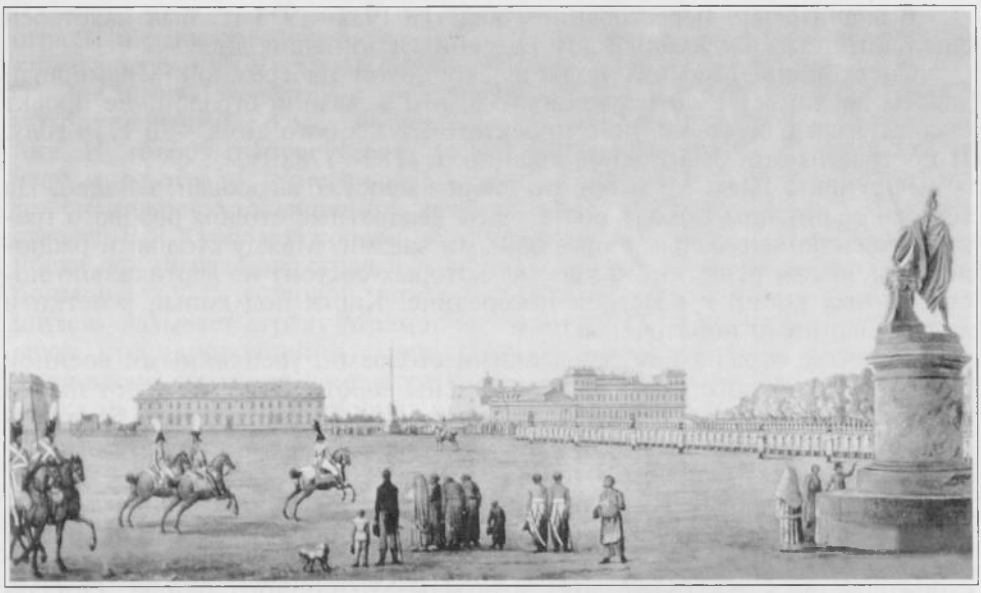
Служебный дом Мраморного дворца (1780—1788) был создан по проекту Петра Егорова. В аттестатах, выданных ему Буксгевденом и Раллем, говорится: «...Сверх того по его, господина Егорова, прожекту Ея Императорским Величеством апробованному, строились принадлежащие к оному дому (Мраморному дворцу. — *Э.К.*) каменные службы».

Служебный дом занимает такое же ответственное место в ансамбле набережных Невы и Марсова поля, как и Мраморный дворец. Его северный фасад обращен к Дворцовой набережной, южный — к Марсову полю, западный — в сад при Мраморном дворце, восточный — к тому участку Марсова поля, где сейчас расположена Суворовская площадь.

В 1845—1850 годах Служебный дом Мраморного дворца был значительно перестроен архитектором А.П.Брюлловым. Поэтому о его первоначальном облике можно лишь в какой-то мере судить по сохранившимся в литературе того времени описаниям, а также по картинам и гравюрам конца XVIII—начала XIX вв. (Ф.Я.Алексеева, Б.Патерсена, И.Г.Майра, А.И.Иванова и др.).

Это было большое каменное двухэтажное здание, имеющее в плане вид четырехугольника. Академик И.Г. Георги писал в 1794 году: «Принадлежащий к Мраморному дворцу большой в два яруса каменный дом стоит в виде четвероугольника на берегу Невы в одну линию с дворцом на восточной стороне оного». На картине известного художника Ф.Я.Алексеева «Вид Дворцовой набережной от Петропавловской крепости» (это единственное изображение Мраморного дворца и Служебного дома, выполненное в цвете всего лишь через несколько лет после постройки) можно увидеть северный фасад Служебного дома Мраморного дворца.

Центральная часть и боковые крылья с пилястрами слегка выделены ризалитами. Первый этаж рустован. Окна первого этажа полуциркульные и большие по размерам, второго — прямоугольные и меньших размеров. Фриз украшен орнаментом простого рисунка. Центральная часть подчеркнута портиком с четырьмя коринфскими колоннами, несущими балкон. По сторонам фасад украшен во всю высоту здания гладкими пилястрами коринфского ордера. Над карнизом установлен аттик, по-



Служебный дом Мраморного дворца.
Южный фасад (слева от Румянцевского обелиска). 1780—1788 гг.

вышающийся над портиком и пилястрами, на котором по осям колонн и пилястр расположены декоративные вазы.

Южный фасад, выходящий на Марсово поле, близок по решению северному (его можно видеть на гравюре А.И.Иванова «Вид Царицына луга от Верхнего сада». 1814 г.).

Восточный фасад, выходящий на нынешнюю Суворовскую площадь, очень близок остальным. Тот же рисунок окон и фриза. По сторонам, выступающим легкими ризалитами, расположены пилястры коринфского ордера. Эти стороны завершены декоративными фронтонами, выделенными на несколько повышенном в этой части аттике. По осям пилястр аттик украшен декоративными вазами. Восточный фасад виден на гравюре И.Г.Майра «Царицын луг» (конец XVIII в.) и картине Г.Г.Чернецова «Парад на Марсовом поле» (начало XIX в.).

Перестраивая Служебный дом Мраморного дворца, А.П.Брюллов сильно исказил его облик (первый вариант проекта перестройки у А.П.Брюллова был иным, но его отклонил Николай I). Д.А.Кючарианц в книге «Антонио Ринальди» (Л., 1976) пишет: «Облик этого здания (Служебного дома. — *Э.К.*) значительно ухудшился после перестройки его в 1870-х годах А.П.Брюлловым. Брюллов насытил его маловыразительными деталями, надстроил и окончательно закрыл вид на Мраморный дворец».

Первоначально Служебный дом отличался большей архитектурной целостностью и единством с Мраморным дворцом. Как пишет Д.А.Кючарианц: «Облик Служебного дома, созданного П.Егоровым, более соответствовал композиции Мраморного дворца и характеру участка». Современники восхищались Служебным домом так же, как и Мраморным дворцом. И.Г.Георги писал о Служебном доме, что здания «столь привлекательные... бывают весьма редко».

В значительно перестроенном виде (в 1932—1933 гг. был надстроен еще один этаж) Служебный дом сохранился до наших дней.

Со стороны Марсова поля и Дворцовой набережной Мраморный дворец соединяется со Служебным домом железной оградой. Ее проект был задуман одновременно с проектом Служебного дома — в 1779 году. И построены они были одновременно: в 1780—1788 гг.

Рисунок ограды Мраморного дворца прост, благороден, изящен. На темном гранитном цоколе поставлены квадратные столбы розового гранита, увенчанные белыми мраморными вазами. Между столбами расположены звенья решетки, каждое из которых состоит из вертикально поставленных копий с розеткой посередине. Кисти под копья, розетки и листья над ними позолочены.

В центре ограды между высокими столбами, увенчанными военной арматурой из белого мрамора, поставлены ворота. Створки ворот имеют тот же рисунок, что и звенья решетки, только сверху и по бокам их огибает волютообразный орнамент. Завершаются ворота волютами и завитками, покрытыми позолотой.

Ни чертежи ограды Мраморного дворца, ни ее деревянная модель, выполненная перед началом строительства, не обнаружены. В архивных документах ее автор нигде не указан (в 1779 году, когда было задумано строительство Служебного дома и ограды Мраморного дворца, Ринальди уехал в Италию; он был болен и сомнительно, чтобы в эти годы мог заниматься работой над проектом ограды Мраморного дворца).

Многие факты говорят о том, что создателем ограды Мраморного дворца мог быть только Петр Егоров. Прежде всего обращает на себя внимание совершенно определенное стилистическое сходство оград Мраморного дворца и Летнего сада (в 1779 году Егоров уже заканчивал строительство ограды Летнего сада). Р.Д.Люлина в статье «Петр Егоров — создатель ограды Летнего сада» («Вестник Ленинградского университета», 1950. № 1. С. 97—108), считая, что ограда Мраморного дворца «исполнена по проекту Егорова», пишет об этом: «Если сравнить ограды Летнего сада и Мраморного дворца, то можно заметить между ними очень много общего. Основу решетки Мраморного дворца также составляет ряд копий. Посредине они украшены золочеными розетками, также помещенными в центре рамки-кольца (сейчас розетки частично сохранились на ограде со стороны Марсова поля). Эти розетки соединены между собой шариками, напоминающими горизонтальные перемычки, соединяющие розетки на ограде Летнего сада. Общее есть и в рисунке ворот. Они завершены двумя сходящимися волютами. Если сравнить самый ранний проектный чертеж ворот Летнего сада с воротами Мраморного дворца, то ясно видно сходство в верхнем украшении створок. Ворота Мраморного дворца сверху и по бокам огибает волютообразный рисунок, и аналогичный орнамент был помещен и на первоначальном проекте ворот Летнего сада, где он затем был заменен меандром. Явное сходство ограды Мраморного дворца с оградой Летнего сада является еще одним доказательством в пользу авторства Петра Егорова».

Профессор Г.Г.Гримм в своем отзыве на работу Р.Д.Люлиной поддерживает ее вывод: «Показанное сравнительным анализом сходство ограды Мраморного дворца с оградой Летнего сада очень убедительно» (Г.Г.Гримм. Отзыв о дипломной работе студентки исторического факультета ЛГУ им. А.А.Жданова тов. Р.Д.Люлиной на тему «Художественные

ограды и решетки Ленинграда». Кафедра искусствоведения, исторический факультет ЛГУ).

В Санкт-Петербурге много прекрасных оград. С их изображениями выходят альбомы, о них пишут специальные книги, статьи, исследования. И, говоря о них, всегда вспоминают не только прославленную во всем мире ограду Летнего сада, но и ограду Мраморного дворца. В книге, специально посвященной решеткам Ленинграда, известный искусствовед В.Я.Курбатов, говоря об «исключительной художественной ценности ленинградских оград и в первую очередь — созданных во второй половине XVIII и первой четверти XIX века», среди «наиболее выдающихся» называет ограду Мраморного дворца. Он пишет: «Обычно забывают, что одновременно с решеткой Летнего сада в Петербурге были поставлены не менее замечательные решетки Мраморного дворца, Госбанка и Таврического дворца...» (Г.Гермонт и В.Курбатов. Решетки Ленинграда и его окрестностей. Л., 1938).

Был ли Егоров «помощником Ринальди»?

Мраморный дворец считается вершиной творчества Антонио Ринальди — итальянского архитектора, приехавшего в Россию в 1751 году. Однако в истории создания прославленного дворца остается много неясного. Вплоть до начала XX века его автором упорно назывался другой итальянский архитектор — Джакомо Кваренги. Это утверждение, в корне ошибочное (Кваренги приехал в Россию только в 1779 году, когда строительство дворца уже завершалось), переходило, тем не менее, из одной книги в другую, не встречая каких-либо возражений. Об этом можно прочесть у И.И.Пушкарева в «Описании Санкт-Петербурга...» (СПб, 1842), в известном путеводителе А.Греча «Весь Петербург в кармане» (СПб, 1851) и даже в книге В.Сухадрева «Петербург и его достопримечательности» (СПб, 1903), вышедшей к 200-летнему юбилею столицы.

Откуда родилось такое утверждение? В архивных документах Мраморный дворец часто назывался «каменный дом на Миллионной-Луговой». Кваренги в 1783 году строил дом Зимнего дворца, носящий такое же название. По-видимому, это и послужило одной из причин для ошибочного утверждения.

В 1885 году в пятом номере журнала «Русская старина» появилась большая статья В.Орлова «Мраморный дворец». Написанная на основе известных в то время архивных и литературных источников, к которым автор подошел критически, работа В.Орлова дает большой познавательный материал и сохраняет значение до нашего времени. Именно в ней впервые называется имя архитектора Ринальди как «действительного строителя Мраморного дворца и составителя его проекта».

Однако и авторство Ринальди вызывало у исследователей сомнение: слишком мало соответствовал строгий классический рисунок наружных фасадов дворца другим работам архитектора, осуществленным в предшествующий период. На это еще в 1912 году в «Истории русского искусства» указывал И.Э.Грабарь. Продолжая и в дальнейшем сомне-

ваться в авторстве Ринальди, Грабарь в большой статье, помещенной в сборнике «Неизвестные и предполагаемые постройки В.И.Баженова» (М., 1951), выдвинул предположение о творческом участии в создании Мраморного дворца В.И.Баженова (однако это предположение, не имея веских доказательств, не было поддержано).

В 1950 году Р.Д.Люлина в статье «Петр Егоров — создатель ограды Летнего сада» впервые называет П.Е.Егорова как соавтора Антонио Ринальди: «Создателем Мраморного дворца является наряду с Ринальди, считающимся автором проекта, также и Петр Егоров, возведший здание в натуре. Степень авторского участия каждого из них в создании прекрасной архитектуры Мраморного дворца должна быть выяснена дальнейшими исследованиями». Профессор Г.Г.Гримм в своем отзыве на работу Р.Д.Люлиной писал, что ее предположения «убедительно и разносторонне аргументированы». В «Истории русской архитектуры» (М., 1951) Петр Егоров был назван «помощником» Ринальди в создании Мраморного дворца. Н.В.Попова в «Исторической справке», составленной в 1951—1954 гг. на основании изучения архивных и литературных источников в связи с реставрацией дворца, возможными авторами также называет А.Ринальди и П.Егорова (СНРПМ, рукопись).

Почему же появилось столько различных мнений? К этому были некоторые причины, идущие еще со времен создания дворца.

Как уже говорилось, проектные чертежи Мраморного дворца не обнаружены. Единственный чертеж (парадной мраморной лестницы), дошедший до нас, не подписан. В архивных и литературных источниках XVIII века ни один архитектор ни разу не назван как автор Мраморного дворца. И, наконец, строгий классический рисунок наружных фасадов дворца мало соответствует изысканной «грации и нежной прелести» предшествующих построек Ринальди (именно на это неоднократно обращалось внимание исследователей).

Как доказывается авторство, если не сохранились подписанные проектные чертежи и не обнаружено никаких конкретных свидетельств ни в архивных, ни в литературных источниках? Историки искусства утверждают: лишь комплексное исследование, совокупность всех данных — архивных, литературных, аналитических — дают наиболее близкий к действительности результат.

Каковы же основные доказательства, которые приводятся, начиная со статьи В.Орлова до наших дней, в подтверждение авторства Антонио Ринальди?

Ринальди был архитектором «Кабинета Ея Величества». Следовательно, именно ему императрица должна была поручить свою личную постройку — Мраморный дворец (тем более, что деньги на его строительство также шли из Кабинета императрицы). В архивных документах, связанных со строительством Мраморного дворца и, в частности, в «щетах» Мордвинова имя Ринальди неоднократно встречается. Сохранилась записка Екатерины II, в которой она, возмущаясь действиями «коллежского асессора Гампеля», руководившего меблировкой дворца, сама называет имя Ринальди: «как Гампелю лучше чего знать, нежели Ринальди» (эту записку В.Орлов считает самым веским доводом, который, как он пишет, «не оставляет ничуть сомневаться» в авторстве Ринальди). На парадной лестнице Мраморного дворца помещен барельефный портрет Ринальди. И, наконец, основной аргумент — стилистический анализ са-

Ограда Мраморного дворца. 1779—1788 гг. Фотография 1963 г.

мого памятника: сопоставление Мраморного дворца с другими произведениями зодчего говорит о совершенно определенном тождестве архитектурных приемов.

Однако эти доводы далеко не всегда звучат убедительно.

Антонио Ринальди был любимым архитектором Екатерины II. Он строил для нее еще в те времена, когда она была великой княгиней. Конечно, именно ему она, казалось бы, должна была в первую очередь доверить свое новое строительство, которому придавала такое большое значение.

Но почему же никто из современников ни в XVIII, ни в первой половине XIX веков не вспоминает его имя в связи с созданием Мраморного дворца? Это тем более удивительно, что Антонио Ринальди был очень известным архитектором, а Мраморный дворец, вызывая неизменное восхищение, упоминается во всех работах того времени, рассказывающих о достопримечательностях «столичного города Санкт-Петербурга». Однако ни в подробнейшем «Описании Мраморного дворца...» (1785 г.), ни в книге И.Г.Георги, посвященной Петербургу (1794 г.), о Ринальди — ни слова. Якоб Штелин в своих «Воспоминаниях об архитектуре в России» (опубликованы в 1978 году в альманахе «Белые ночи»), материалы которых относятся к 1750—1760 годам и имеют ценность первоисточника, пишет следующее: «Закладка Мраморного дома на Неве у так называемого Красного канала по чертежу поручена Ее Величеством инженеру Мордвинову». Почему же, упоминая здесь о чертеже, он не называет его автором Ринальди? Вряд ли это можно объяснить случайностью. Ведь в этих же «Воспоминаниях», буквально через несколько строчек, Штелин посвящает Ринальди целый раздел, где перечисляет его работы именно за 1760-е годы. Не забывает же он сообщить, что

Ринальди «выполнил чертежи для великолепной новой Исаакиевской церкви». А ведь строительство третьего Исаакиевского собора началось в 1768 году — в том же году, что и строительство Мраморного дворца.

Таким образом, никаких прямых указаний на то, что Ринальди был автором проекта Мраморного дворца, в литературных источниках не сохранилось.

Нет их и в архивных документах. Впервые имя Ринальди в «щетах» М.И.Мордвинова появляется лишь 11 октября 1771 года (работа над чертежами и моделями к этому времени уже закончилась; строительство Мраморного дворца идет уже около четырех лет). С этого времени оно начинает встречаться довольно часто. Но в связи с чем? По рисункам Ринальди создаются паркеты, камины, бронзовые украшения к дверям, Федот Шубин выполняет для парадной лестницы «против данного архитектором Ринальдием рисунка» статую, «представляющую утро», мастер резного дела Франц Дункер «исправил по показанию архитектора Ринальди» лепную работу в зале для игры в мяч. Дважды сообщается, что Ринальди выписывал из Италии мрамор для строительства. Вот и все. Иначе говоря, в «щетах» Мордвинова «рисунки Ринальди» упоминаются только в связи с интерьерами дворца. Собственно, об этом свидетельствует и записка Екатерины II. Она адресована неизвестному лицу и не имеет даты. Приблизительно ее можно отнести к 1781—1782 гг., когда дворец меблировался под руководством Гампеля (не раньше 1781 года, т. к. в 1779—1780 годах Ринальди был в Италии, но и не позднее 1783, т. к. в ней упоминается Мордвинов, умерший в 1783 году). Поскольку записка Екатерины II считается одним из самых веских аргументов, приводим ее несколько подробнее: «С крайним удивлением слышу я, что в Мраморном доме Михаил Иванович Мордвинов дает Гампелю волю ломать стены и двери перекладывать, как тот вздумает, спроси, в каких комнатах такая ломка произошла, и скажи Михаилу Ивановичу, чтоб он ничто не ломал в том доме, не доложась мне. Привези ко мне план с означением той безрассудной ломки. Как Гампелю лучше чего знать, нежели Ринальди?»

Эта записка лишь подтверждает участие Ринальди в создании интерьеров. Напомним, что наиболее сильной стороной творчества Ринальди считается (того же мнения придерживались и современники) его работа с интерьерами. Г.Г.Гримм в статье о Ринальди, помещенной в шестом томе «Истории русского искусства» (М., 1961), писал: «Исключительное дарование Ринальди-декоратора, его тонкий вкус и неистощимая изобретательность, несмотря на известную архаичность обработки его интерьеров, доставили ему признание современников».

Интерьеры Мраморного дворца поражали изысканным вкусом, совершенно необычным великолепием, красотой, богатством. Может быть, именно в связи с этими блестящими работами, вызывающими всеобщее восхищение, и был помещен на парадной лестнице портрет Ринальди?

И, наконец, главное: сравнительный стилистический анализ подтверждает безусловное участие Ринальди в создании Мраморного дворца, но прежде всего — в интерьерах. Ведь при этом в основном сопоставляются архитектурные элементы интерьеров (и в очень незначительной степени — восточного фасада). Однако именно архитектуре наружных фасадов дворца (северного, южного, западного) с их «ярко выра-

женной классической тенденцией» не соответствует «нарядное искусство Ринальди», его «тяготение к барочным формам» (И.Э.Грабарь). Именно они неоднократно вызывали недоумение исследователей, заставляли говорить о «двойственности» и «контрастах» в архитектуре Мраморного дворца. Еще в 1912 году И.Э.Грабарь писал: «В этом серьезном, строгом и даже суровом здании трудно узнать игривую руку строителя Катальной горки в Ораниенбауме. Здесь все взвешено, обдумана каждая мелочь, выисканы пропорции и снаружи уже мало отзвуков барокко». На это же указывали и другие исследователи. В.Я.Курбатов в книге о Петербурге (СПб, 1913) пишет: «В этом сооружении (Мраморном дворце. — *Э.К.*) нет и следа растреллиевской пышности. Пилястры и колонны равномерно чередуются с окнами, и вся композиция исполнена спокойной, уверенной грации». Г.Г.Гримм в шестом томе «Истории русского искусства» пишет о Ринальди: «Сопоставление ранних построек Ринальди с более поздними показывает, с каким трудом давался ему переход к строгим классическим приемам, которые уже широко применяли в те годы ведущие мастера русской архитектуры».

Думается, далеко не случайно имена Баженова и Кваренги — архитекторов, которые считаются самыми яркими представителями русского классицизма в XVIII веке, — так упорно связывали с созданием Мраморного дворца.

Итак, стилистический анализ и архивные документы убедительно подтверждают участие Ринальди только в создании интерьеров (и отчасти — восточного фасада) дворца. Так, может быть, в создании Мраморного дворца принимал творческое участие еще один архитектор?

Вспомним первые годы строительства Мраморного дворца. В мае 1768 года мастер Кнор приступает к изготовлению модели «дома с каналами» по чертежу, автор которого неизвестен. Однако уже через несколько месяцев начинается кардинальная переработка проекта («против планов и фасадов были частые и весьма важные перемены»), которая продолжалась около трех лет (1768—1770). И эти «перемены» были настолько значительны, что, как мы помним, мастер Кнор дважды вынужден был оставлять почти готовые модели Мраморного дворца и приступать к изготовлению новых.

Кто же вносил эти «частые и весьма важные перемены» в проект? В период с 1768 по 1770 годы, когда они происходили, Ринальди был крайне загружен: он выполняет проекты Исаакиевского собора (1768 г.) и церкви Вознесения (1768—1769), продолжает работать на строительстве Гатчинского дворца (1766—1781), а также в Ораниенбауме (сейчас — Ломоносов), где достраивает павильон Катальной горки (1762—1774) и заканчивает внутреннюю отделку в Китайском дворце (1768); кроме того, в 1770 году ему поручено срочное выполнение проекта оформления зала на тему «Времена года» к маскараду в Зимнем дворце (об этом проекте И.Э.Грабарь писал: «В Эрмитаже есть его (Ринальди. — *Э.К.*) подписной проект убранства большого зала для какого-то торжества на тему «Времена года». Здесь ясно видно тяготение мастера к барочным формам, во многом напоминающим декорации Ораниенбаума»).

Вряд ли при такой загруженности Ринальди имел возможность целиком отдаться той сложной и трудной работе над проектом, которая, как мы знаем, велась в 1768—1770 годы «при Мраморном доме». Не это ли обстоятельство и заставило Мордвинова обратиться в Канцелярию

от строений со специальной просьбой: «...Потребен мне в ведение моего казенного строения архитектор». Среди «знающих сие искусство» архитекторов Мордвинов просит прислать к нему на строительство именно Егорова. Какие же работы ему следовало выполнять? На этот вопрос Мордвинов отвечает в «щете» от 2 февраля 1769 года: «...Какие до знания архитектурии принадлежать будут». Но такой работой, требующей «знания архитектурии» (в 1768—1770 гг.), могла быть только работа над проектом.

Не следует забывать, что в XVIII веке авторству проекта не придавалось большого значения. Читая о строительстве того или иного сооружения, то и дело сталкиваешься с тем, что проект создавался одним архитектором, другой вносил в него поправки, а третий переделывал все заново. И.Э.Грабарь пишет по этому поводу: «Примеров, напоминающих это странное для нашего времени коллективное творчество, в XVIII веке можно найти множество».

Труд художника не уважали. Его талант использовали, красотой его произведения могли восхищаться, но имя его самого мало кого интересовало. Поражает, как редко в мемуарах, письмах, документах того времени говорится об авторе архитектурного проекта. Самые просвещенные вельможи, строя свои дворцы, могут подробно писать о меблировке, отделке, даже о проекте, но об его авторе так и не вспомнить. Предполагалось, что творческая работа не требует особой подготовленности и, собственно говоря, ее может при желании выполнить каждый. Так, богач П.А.Демидов в письме к И.И.Бецкому, рассчитывая, по-видимому, на полное его понимание, считает возможным утверждать, что цена проекту Баженова — «горсть семечек», и сам он, Демидов, если бы захотел, то «чертеж лучше бы сделал».

Так что работе Егорова над проектом в 1768—1770 годах особенного значения могло и не придаваться.

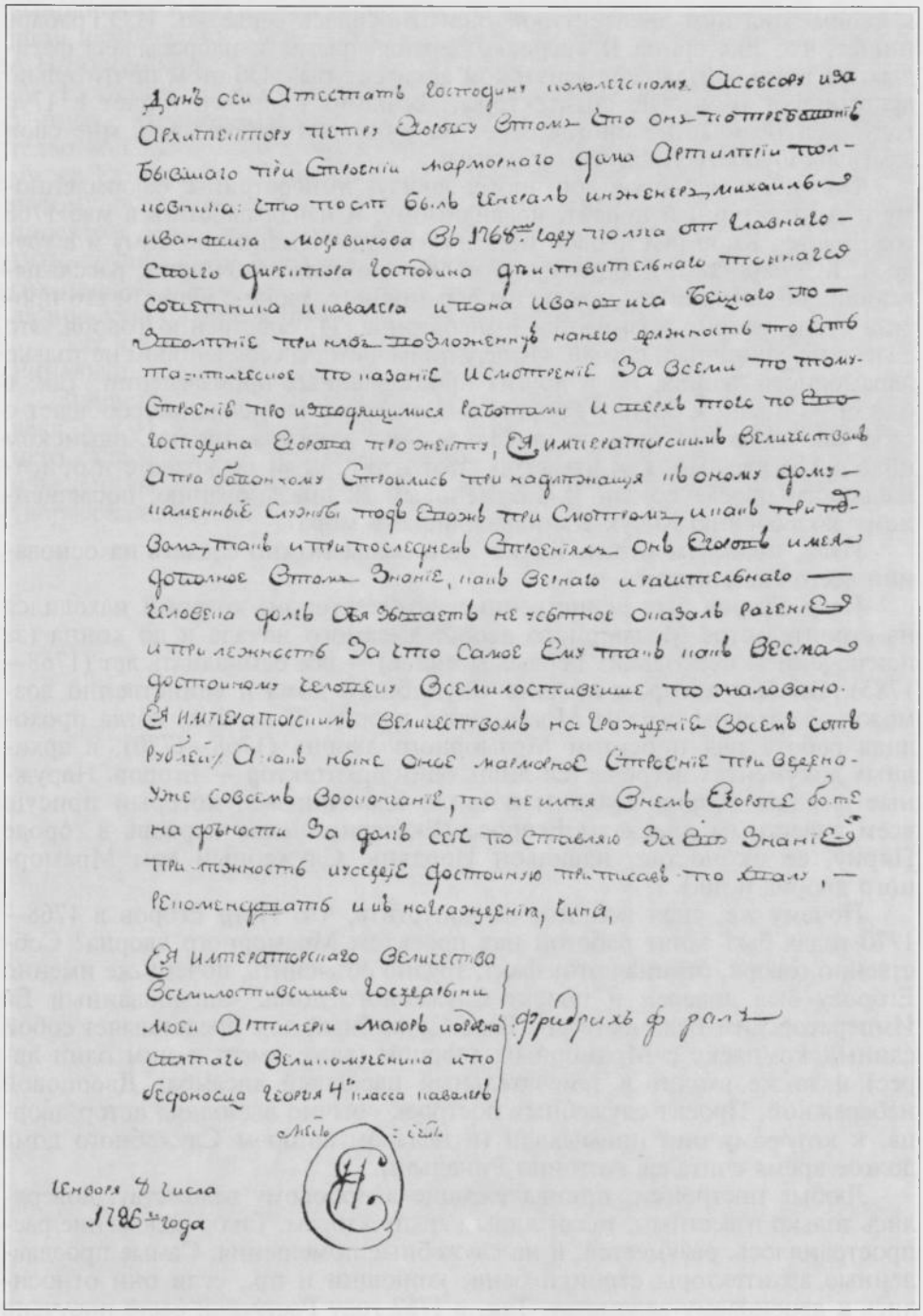
Однако здесь можно было бы привести одно веское возражение: ведь в аттестате, который Егоров получил в 1785 году, ясно сказано, что на строительстве Мраморного дворца он осуществлял «практическое показание и смотрение за всеми по тому строению производящимися работами».

Выражение «имел смотрение над строением» в XVIII веке часто подразумевало и творческую работу. Вспомним челобитную Фельтена от 6 сентября 1772 года. Он пишет: «...По ведомству бывшей Канцелярии от строений при смотрении за строениями находилось обер-архитектор (Растрелли. — *Э.К.*) один и архитекторов до шести и более...» В пятом томе «Истории русского искусства» (М., 1961) как раз по этому поводу говорится: «Даже о Растрелли, когда по его проекту строился дворец Кантемира, писали, что он имел «смотрение над каменным строением».

Но существует еще одно обстоятельство, не упомянув которое, трудно понять многое.

Почему нигде в архивных и литературных источниках XVIII века ни один архитектор не упоминается как автор Мраморного дворца? Даже учитывая неуважение к творческому труду, которое существовало в то время, это не может не вызывать недоумения.

Как ни курьезно звучит подобное утверждение в наши дни, возможно, здесь существует очень простое объяснение: автором проекта Мраморного дворца императрица считала себя. Еще раз напомним, что



Аттестат П.Егорова, выданный Ф. Раллем.
Январь 1786 г.

к своим занятиям архитектурой она относилась серьезно. И.Э.Грабарь пишет, что Екатерина II «нередко чертила планы и набрасывала фасады», не шутя считая себя «знатоком архитектуры». Об этом почтительно вспоминают и многие архитекторы. Джакомо Кваренги пишет в 1790 году: «Ея Величество иногда берет на себя труд набрасывать мне свои замыслы и собственноручные эскизы».

По такому «собственноручному эскизу» императрицы, оформленному в архитектурный проект, по-видимому, и начал работать в мае 1768 года мастер Кнор над первой моделью дворца. Именно поэтому и в труде А.П.Сумарокова, и в других дореволюционных источниках, рассказывающих об истории строительства Мраморного дворца, автором его проекта столь упорно называется императрица. И, собственно говоря, это далеко не единичный случай. Императрица считала себя автором не только Мраморного дворца, но и других прославленных произведений. Так, в одном из писем к барону Гримму она совершенно искренне сообщает о себе как об авторе проекта увеселительных сооружений на Ходынском поле в Москве. Но, как известно, этот необычный по красоте и оригинальности проект создан В.И.Баженовым (к празднованию, посвященному заключению Кучук-Кайнарджийского мира).

Итак, подведем итоги. Какие же выводы можно сделать на основании всего сказанного?

Петр Егоров был единственным архитектором, который находился на строительстве Мраморного дворца с самого начала и до конца (за исключением нескольких первых месяцев) — все семнадцать лет (1768—1785). Он был автором проекта Служебного дома и единственно возможным автором ограды Мраморного дворца. В период, когда проходила работа над проектом Мраморного дворца (1768—1770), в архивных документах встречается лишь один архитектор — Егоров. Наружные фасады дворца созданы в стиле классицизма, который присущ всем известным проектам Егорова (Екатерининская церковь в городе Пярну, ее иконостас, павильон Иордань, Служебный дом Мраморного дворца и др.).

Почему же, зная все это, не допустить, что Петр Егоров в 1768—1770 годах был занят работой над проектом Мраморного дворца? Собственно говоря, отрицая этот факт, трудно объяснить, почему же именно Егорову был доверен и проект Служебного дома, «апробованный Ея Императорским Величеством». Ведь Служебный дом представляет собой единый комплекс с Мраморным дворцом (даже имеет с ним один адрес) и также входит в замечательный парадный ансамбль Дворцовой набережной. Проект служебных построек обычно выполнял автор дворца, к которому они примыкали (и недаром автором Служебного дома долгое время считался Антонио Ринальди).

Любые постройки, принадлежащие дворцовому ведомству, доверялись только известным, талантливым архитекторам. Такое положение распространялось, разумеется, и на служебные помещения. Самые прославленные архитекторы строили бани, конюшни и пр., если они относились к дворцовому ведомству. Так, в 1762 году Растрелли было поручено сочинить проект дворцовых конюшен, сараев для карет и дровяного двора — служебных построек, примыкающих к Зимнему дворцу. Подобных примеров можно было бы привести множество. Мраморный дворец и его Служебный дом имели настолько большое значение, что даже для

выполнения в них самых незначительных «переделок и починок» в будущем назначались такие прославленные архитекторы, как И.Е.Старов, А.Н.Воронихин, А.П.Брюллов.

Екатерина II вникала в любую, самую незначительную мелочь, связанную с Мраморным дворцом. В 1779 году, когда задумано было строительство Служебного дома, Ринальди уехал на два года в Италию. Почему же Екатерина II поручила его проект Егорову? Скорее всего, только потому, что Егоров был ей известен как архитектор, работавший над проектом Мраморного дворца в 1768—1770 годы. Если этого не допустить, трудно понять, каким образом, имея в своем распоряжении многих прославленных архитекторов, императрица именно Егорову доверила проектирование и строительство Служебного дома.

Так почему же Петр Егоров не может быть назван «помощником Ринальди» в создании Мраморного дворца?

Думается, далеко не случайно такой тонкий знаток архитектуры XVIII века, как И.Э.Грабарь, приписывал и Мраморный дворец, и ограду Летнего сада одному архитектору, считая, что они принадлежат к тем произведениям, которые отличает «один почерк», «единая архитектурная творческая мысль».

ОГРАДА ЛЕТНЕГО САДА

«В том Первом саду от Невы реки решетку сделать...»

Набережная у Летнего сада, участок «второй дистанции» (от Красного канала до реки Фонтанки), сооружалась в период с 1765 по 1770 годы. Берег на этом участке был создан искусственно — на сваях с подсыпкой грунта (расширен примерно на 50 метров). До строительства набережной Летний сад подходил прямо к Неве — к нему можно было подъезжать на шлюпках, теперь же здесь появилась проезжая дорога. Это создавало определенное неудобство, особенно если учесть, что с 1755 года Летний сад, потеряв былое значение царской резиденции, стал городским — в нем разрешалось гулять («в пристойных одеждах») всем петербургским жителям.

По-видимому, именно в связи со всеми этими обстоятельствами летом 1770 года императрица «изустно указать соизволила» поставить на берегу Невы «у Первого саду... железную решетку с воротами на каменном фундаменте с столбами и цоколем дикого камня».

Поскольку и Летний сад, и набережные были в ведении Конторы строений, ей и было поручено сооружение ограды. 7 июня 1770 года выходит «приказ» Конторы строений: «заархитектору Фоку и ранга подпорутчикского Вуншу сделать прожект, каким наилучшим образом в том Первом саду от Невы реки решетку сделать надлежит, учиня надобным к тому материалам смету, и представить в Контору немедленно».

Итак, Контора строений поручает выполнить проект ограды Летнего сада заархитектору Фоку и подпоручику Вуншу.

Иван Борисович Фок (1741—1807) был старшим сыном мастера «императорских садов» Бернгарда Фока, приехавшего в Россию из Голландии. В 1755 году, еще будучи подростком, Иван Фок начал учиться «на своем коште» у Растрелли: «находился пять лет для вспоможения без жалованья при обер-архитекторе графе де Растрелли». В январе 1760 года он был зачислен в штат Канцелярии от строений. Иван Фок был превосходным графиком. В документах о нем постоянно пишут: «в рисовании чертежей имеет достаточное искусство». По его проектам строились Конюшенный и Экипажный дворы на берегу Екатерининского канала (сейчас канал Грибоедова). В 1760—1770-е годы Фок постоянно работал «при Зимнем доме», где продолжалась отделка интерьеров. Известны сохранившиеся до наших дней планы помещений Зимнего дворца (Оперного дома и др.), выполненные Фоком.

Интересно, что имя Фока связано с изготовлением металлических решеток для Зимнего дворца. Ему принадлежат проекты оград для церкви Симеония и Анны и Итальянского дворца на Фонтанке. К сожалению, эти ограды до наших дней не сохранились. Как видим, Иван Фок имел опыт именно по строительству оград. И поручение ему проекта ограды Летнего сада было далеко не случайным.

Даниил Михайлович Вунш (ум. в 1780 г.) был сыном портного, приехавшего в Россию из Германии. В «малолетстве» учился у архитектора и механика Карла фон Фростенберга. В Контору строений поступил в 1765 году «для механических и плотничных работ», но уже через несколько лет в документах о нем начинают писать как об инженере-архитекторе (в Формулярном списке за 1768 год он назван «архитектурии и механического дела прапорщик»). Чаще всего имя Вунша встречается в связи с возведением и перестройкой петербургских мостов (Конюшенного, Аничкова, «у Летнего саду» и др.).

Через три месяца после «приказа» Конторы строений, в сентябре 1770 года, проект ограды Летнего сада был готов. Автором его следует считать Ивана Фока, т.к. Вунш, по-видимому, был привлечен к работе только как специалист, определивший техническую сторону проекта. Смету к проекту Фока составил архитектор Ю.М.Фельтен (10 сентября 1770 г.).

Чертеж Фока не обнаружен. Но некоторое представление о нем можно получить по смете Фельтена и другим документам, относящимся к этому периоду (1770—1771). По первоначальному замыслу, ограда Летнего сада должна была соединять Летние дворцы Петра I и Екатерины I. Летний дворец Екатерины I (его часто называли также «вторым Летним дворцом», «новыми Летними палатами») стоял на углу Лебяжьего канала и Невы параллельно Летнему дворцу Петра I, расположенному на углу Фонтанки и Невы.

Согласно смете, составленной Фельтеном по чертежу Фока, ограда должна была иметь 14 колонн («столбов»), 12 звеньев решетки и 1 ворота. Колонны вначале предполагалось делать мраморными (для этой цели требовался голубой мрамор с белыми прожилками), ограду, по предложению Бецкого, — чугунной (в дальнейшем мрамор был заменен гранитом, тем самым, из которого была сооружена набережная Невы, а ограду решено было ковать из «четверогранного» железа). Звенья решетки и колонны имели медные украшения (на колоннах — провисающие цветочные гирлянды). Верхнего украшения на воротах еще не было.

Смета была составлена на сумму 10915* рублей.

Проект Фока был утвержден императрицей — «апробован Ея Величеством». Никаких изменений в нем делать не предполагалось. Строительство ограды собирались начать весной 1771 года. Об этом сообщается в «предложении» Бецкого, поступившем в Контору строений 10 сентября 1770 года:

«Ея Императорское Величество изустно указать мне соизволила по берегу Невы реки у Первого саду зделать по апробованному Ея Величеством чертежу железную решетку с воротами на каменном фундаменте с столбами и цоколем дикого камня из суммы берегового строения. Во исполнение того имянного Ея Императорского Величества Высочайшего указа имеет упомянутая Контора по тому чертежу и учиненной

* В других документах 10914 руб.

архитектором Фельтеном смете (кои при сем прилагаются) оную решетку зделать и потребные материалы и прочее стараться ныне заблаговременно заготовлять, дабы будущею весною в самое дело тои решетки вступить можно было».

29 сентября 1770 года Контора строений обратилась к Фельтену с требованием дать некоторые дополнительные разъяснения к смете, «какие именно ко исправлению той решетки сортов железо и камень, какой длины, ширины, толстоты надобны, какой сделать должно модели из бумаги или досок». Рапорт Фельтена с ответом на этот запрос поступил в Контору строений только через три месяца — 11 января 1771 года. К этому времени уже была готова деревянная модель ограды Летнего сада, выполненная по чертежу Ивана Фока. Именно по этой готовой деревянной модели Фельтен и составил свое «описание» с определением сортов железа («четверогранного вершкового») и размеров всех каменных частей будущей ограды («столбов», цоколя между «столбами», капителей и пр.).

Судя по «описанию», представленному Фельтеном в рапорте от 11 января 1771 года, в модели по сравнению с чертежом произошли некоторые изменения: в нем уже говорится не о 14, как было в чертеже, а о 15 «столбах» («столбов по модели пятнадцать») — протяженность ограды несколько увеличилась.

Однако из этого же документа можно узнать о более существенных изменениях, которые предполагалось сделать в проекте ограды Летнего сада в январе 1771 года. Фельтен пишет: «...А ежели на всю дистанцию, на которой с одной стороны естли каменный дом (дворец Екатерины I. — *Э.К.*) сломан будет, то надобно еще вдобавку оной столбов осьмнадцать штук...» Иными словами, если решено будет поставить ограду «на всю дистанцию», от реки Фонтанки до Лебяжьего канала (разобрав дворец Екатерины I), то протяженность всей ограды меняется уже значительно: количество «столбов» в этом случае следует увеличить с 15 до 33.

Весной 1771 года по чертежу Фока и деревянной модели начинаются торги «на камень» (заготовку камня) и «металлические работы» (изготовление звеньев решетки, ворот и медных украшений — «к решетке и столбам»). Всего за период с 1771 по 1772 гг. торги проходили трижды: с 9 февраля по 4 мая 1771 года — на поставку камня, с 17 марта по 25 августа 1771 года и с 27 июля по 14 августа 1772 года — на металлические работы. Вызовы к торгам публиковались в «Санкт-Петербургских ведомостях». Так, 19 апреля 1771 года был сделан вызов желающих «исправить кузнечною и слесарною работою» железную решетку «с тремя воротами». Поскольку в этой публикации речь идет уже о троих воротах, больших и малых, то, по-видимому, весной 1771 года было принято окончательное решение: разобрать дворец Екатерины I и поставить ограду Летнего сада «на всю дистанцию» — от реки Фонтанки до Лебяжьего канала. В результате этого решения в проект Фока пришлось внести коррективы: увеличить число колонн (вместо 14 поставить 33) и ворот (вместо одних — трое).

Ворота, одни большие и двое малых, предполагалось расположить соответственно трем главным аллеям Летнего сада. Композиционным центром ограды стали большие ворота — их решили поставить напротив центральной аллеи и завершить украшением.

Чертеж верхнего украшения к большим воротам Контора строений предписала выполнить Фельтену: «какому отливному украшению быть должно, чему б и представил чертеж». Однако этот чертеж Фельтен не выполнил, — во всяком случае, никаких сведений о его существовании не обнаружено.

Несмотря на некоторую незавершенность (без чертежа верхнего украшения к большим воротам), проект Фока оставался в силе в течение двух лет: с 10 сентября 1770 года по 14 августа 1772 года. Об этом можно говорить с такой точностью, потому что последние торги на металлические работы, проходившие по чертежу Фока и деревянной модели, закончились, как уже упоминалось, 14 августа 1772 года.

Контора строений приостановила вызовы к торгам почти на пять месяцев (до 8 января 1773 года) по определенной причине: осенью 1772 года началась переработка проекта Фока.

Фок к работе над проектом ограды Летнего сада (вплоть до 1778 года) больше не привлекался. Фельтен не мог уделить должного внимания проекту в связи с крайней загруженностью как в Конторе строений (об этом подробно рассказывается в «Деле о прибавке жалованья архитектору Фельтену», начатому как раз 6 сентября 1772 года), так и в Академии художеств (24 сентября 1772 года он был «произведен в профессоры архитектуры»).

По распоряжению Конторы строений «приставлен к делу той решетки» был Петр Егоров.

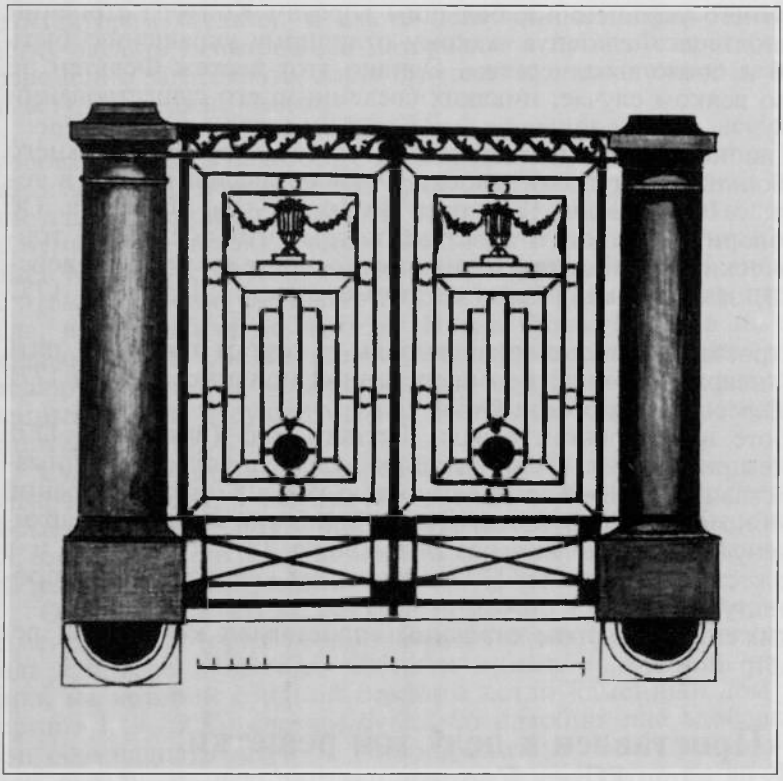
«Приставлен к делу той решетки Петр Егоров...»

В архивных документах, относящихся к строительству ограды Летнего сада, имя Петра Егорова впервые появляется 6 сентября 1772 года. В этот день в Контору строений поступил рапорт, в котором сообщалось, что, «по данным заархитектора Петра Егорова», камень, доставленный к строительству ограды купцом Михаилом Колчиным, «оказался сходственным требованиям на столбы».

Итак, осенью 1772 года Петр Егоров приступает к переработке проекта Фока.

До нашего времени сохранилось 11 листов с чертежами ограды Летнего сада, позволяющих проследить, как постепенно в процессе проектирования и строительства менялся, совершенствовался, формировался ее облик. Благодаря этим чертежам, можно судить о различных вариантах проекта, к которым в разное время приходил архитектор. Но самое главное — эти чертежи в сочетании с тем фактическим материалом, который дают архивные документы, отчетливо свидетельствуют, что автором окончательного варианта проекта был Петр Егоров (шесть из этих чертежей хранятся в ЦГИА, четыре — в ГМИ СПб, один — в ГНИМА).

И.Э.Грабарь говорил, что в XVIII веке «каждый архитектор, даже из числа второстепенных, имел свой собственный почерк», «персональный стиль», благодаря чему любой чертеж этого времени, — включая и тот случай, когда он не подписан, — приобретает ценность документа.



Чертеж малых ворот ограды Летнего сада. 1772 г.

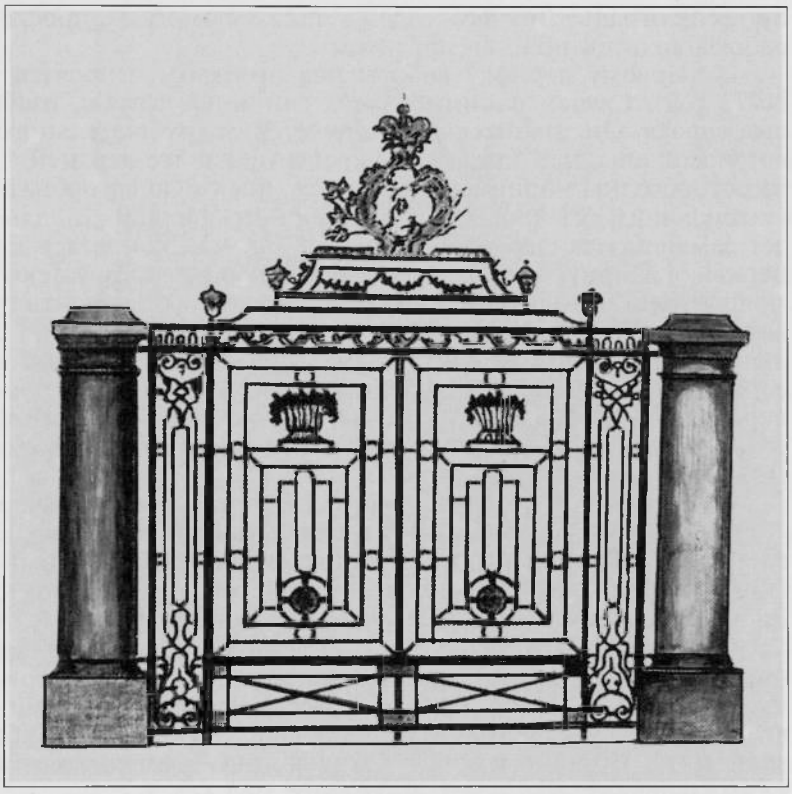
Графический почерк архитекторов, которые считаются причастными к проектированию ограды: Ю.М.Фельтена, П.Е.Егорова и И.Б.Фока, — хорошо известен по их достоверным чертежам.

Среди 11 чертежей ограды 9 выполнены в совершенно определенной графической манере (два из них подписаны Фельтеном). Остальные (их также два) выполнены графическим почерком, значительно отличающимся от всех других.

Кто был автором этих чертежей?

Графический почерк Фельтена хорошо известен по его достоверным чертежам (проект восстановления колокольни Петропавловского собора, фасад южного корпуса Эрмитажа, фасад манежа при Зимнем дворце и др.). Однако по своей графической манере он не соответствует ни одному из сохранившихся чертежей ограды Летнего сада. М.Ф.Коршунова в статье «Графическое наследие Ю.М.Фельтена», помещенной в сборнике «Памятники культуры» (М., 1976), пишет: «Изучая наследие Фельтена, казалось бы, логично было искать оригинальные листы архитектора среди чертежей, связанных с наиболее известной его работой — оградой Летнего сада. Их сохранилось 11. В двух случаях чертежи имеют даже собственный автограф архитектора, утвердившего образец ворот. Внимательный просмотр материала не подтверждает личное участие Фельтена в исполнении сохранившихся листов».

Итак, ни один из сохранившихся 11 чертежей ограды не соответ-



Чертеж больших ворот ограды Летнего сада. 1772 г.

ствует графической манере Фельтена, даже из тех, которые имеют его личную подпись.

Два чертежа (варианты верхнего украшения на большие и малые ворота) выполнены И.Б.Фоком. Это подтверждается и графическим анализом, и архивными документами. Однако эти чертежи не были приняты к исполнению. Остальные 9 чертежей ограды Летнего сада выполнены в графической манере Петра Егорова, которая известна по его подлинным чертежам (павильон Иордань, иконостасы церквей — Екатерининской и Рождественской и др.).

Графический почерк Егорова очень своеобразен и живописен (вспомним, что он учился в юности живописи). Р.Д.Люлина так описывает чертежи ограды Летнего сада, выполненные Егоровым: «Остальные девять чертежей отличаются мягкостью, живописностью, характерной для работ Петра Егорова. Они выполнены в свободной манере, но многие детали только прорисованы акварелью. В монохромных чертежах главные декоративные элементы (например, скульптуры) слегка подцвечены. Самой характерной чертой егоровских чертежей является некоторая приглушенность красок (все тона бледные, неяркие) и очень индивидуальная техника отмывки — тоже бледная, со слегка намеченными пятнами теней. Именно эти чертежи, в которых явственно читается индивидуальная манера Егорова, свидетельствуют о том, что ему принадлежит решающая роль в создании окончательного

проекта ограды Летнего сада, а также помогают проследить за ходом работы архитектора над проектом».

К первому периоду работы над проектом относятся пять чертежей (1772 год). Самым ранним из них считается **чертеж, изображающий малые ворота**. Он значительно отличается от окончательного решения: над воротами еще нет никакого украшения; в их верхней части помещен волютообразный орнамент (очень сходный с волютообразным рисунком, украшающим створки ворот Мраморного дворца). В дальнейшем он будет заменен меандром — таким же, как на иконостасе Екатерининской церкви в Пярну; многие элементы створок ворот имеют еще рисунок, значительно отличающийся от окончательного варианта (у корзин более вытянутая форма, они наполнены мелкими цветами и по сторонам украшены провисающими цветочными гирляндами, которые в последующих вариантах проекта будут убраны; иное расположение имеют кольца и перемычки, связывающие рамы, из которых составлены створки ворот, — они размещены ближе к середине, причем перемычки и кольца еще соединены вместе).

Масштаб на чертеже и подписи к нему сделаны почерком Егорова.

Следующим чертежом можно считать **один из первых вариантов больших ворот**, которые были задуманы как композиционный центр ограды. Они выглядят более нарядно и в отличие от малых завершены украшением. Рисунок створок ворот по сравнению с предыдущим чертежом несколько изменился: корзины стали шире, уже не имеют гирлянд, и цветов в них больше; кольца, связывающие рамы, пока расположены по-старому, но теперь уже не одно, а оба соединены перемычками (в окончательном варианте эти перемычки на больших воротах будут убраны). Поставленные по сторонам ворот узкие панно с вытянутыми по вертикали узорами делают их значительно шире малых.

Надвратное украшение на этом чертеже не имеет ничего общего с окончательным решением. Здесь еще много элементов барокко: пышный вензель Екатерины II, увенчанный короной и обрамленный венком с асимметрично расположенными листьями, некоторая перегруженность украшениями и пр.

К первоначальному периоду работы над проектом относится и **чертеж малых ворот с прилегающими звеньями решеток**. Рисунок створок малых ворот на этом чертеже уже близок к окончательному: снова изменилась форма корзин; кольца, связывающие рамы створок, приближены к их верхнему и нижнему краям, а перемычки перенесены в центр ворот (благодаря этому, казалось бы, незначительному изменению створки ворот получили более вытянутые пропорции, их основной рисунок яснее выделился). Однако орнамент в верхней части ворот еще волютообразный, корзины — без цветов, надвратного украшения нет.

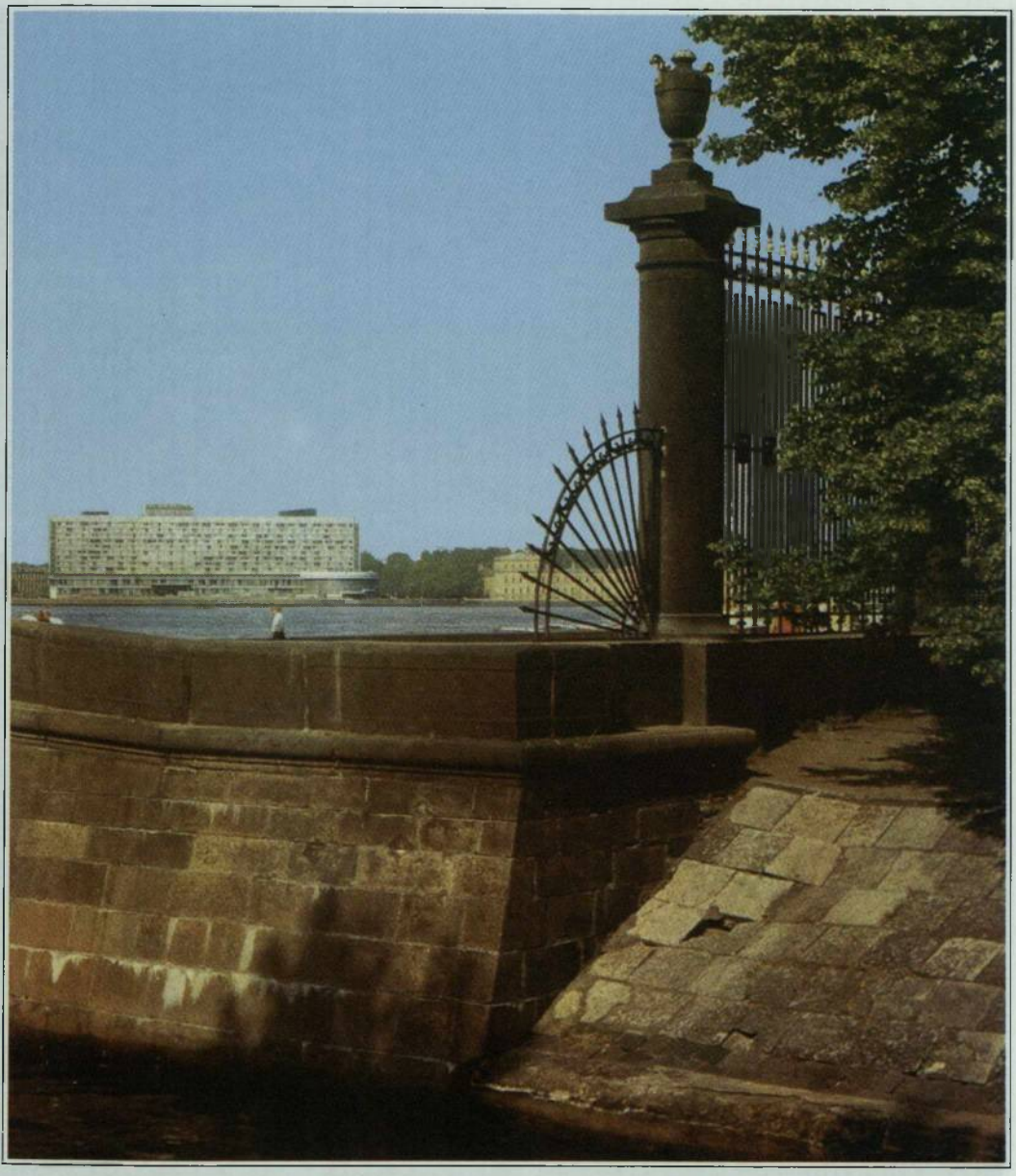
На этом чертеже мы впервые видим два звена решеток, поставленных между дорическими колоннами, украшенными провисающими гирляндами из цветов. В окончательном варианте гирлянды на колоннах будут убраны, а звенья станут длиннее (увеличится количество копий и розеток). Чертеж очень красив, он исполнен в совершенно особенной технике, напоминающей гравюру.

По-видимому, в этот период Егоровым были выполнены и два рабочих чертежа с изображением створок больших ворот. На одном из них показаны обе створки ворот, на другом — только левая.

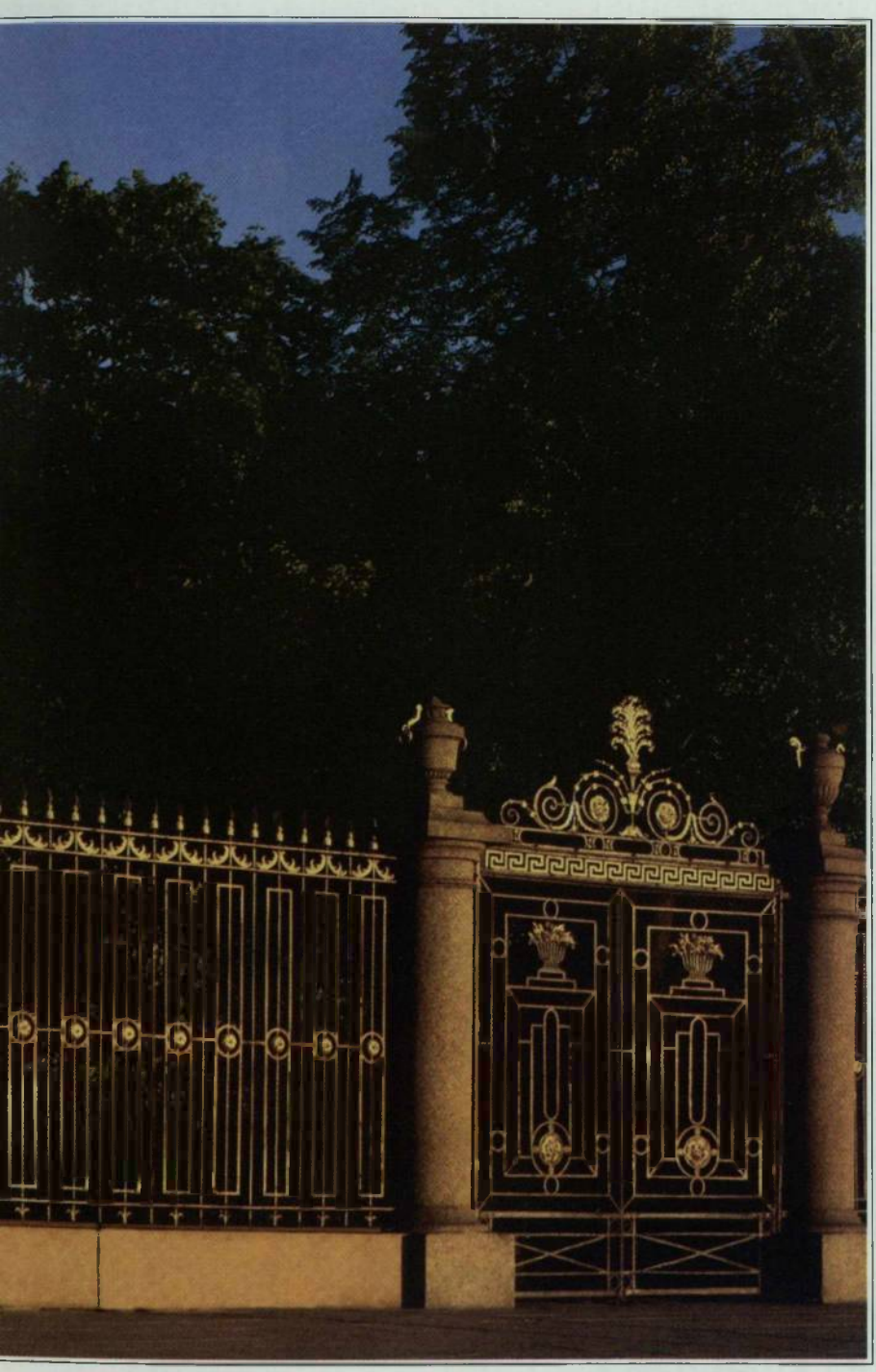
Н.В.Овчинников. Портрет архитектора П.Е.Егорова. 1999 г.

Фрагмент ворот ограды Летнего сада.

Мраморный дворец.



Летний сад. Вид на Неву.



Летний сад.

Т.Квеллинус. Нимфа Летнего сада.

Дж. Дзордзони. Красота.

Памятник П.Е.Егорову. г.Чебоксары.
Скульптор Ф.Мадуров. Архитектор Ю.Новоселов.

Как видим, эти чертежи еще далеки от окончательного решения. Однако они интересны тем, что дают полное представление **о первом варианте проекта ограды Летнего сада**, который выполнил Петр Егоров (в нем должны были сохраниться еще элементы чертежа Фока). Именно на этом основании Р.Д.Люлина (еще в 1964 году), а за ней и М.Ф.Коршунова (в 1982 году) предполагают, что Фок в своей работе над чертежом воспользовался образцами решеток, помещенными в альбоме Д.Маро: первоначальный облик ограды во многом сходен с изображением, которое можно увидеть на одном из листов этого увража (подобными альбомами зодчие того времени широко пользовались как архитектурными пособиями при создании тех и иных проектов).

Итак, каким же был первый вариант проекта, представленный Егоровым?

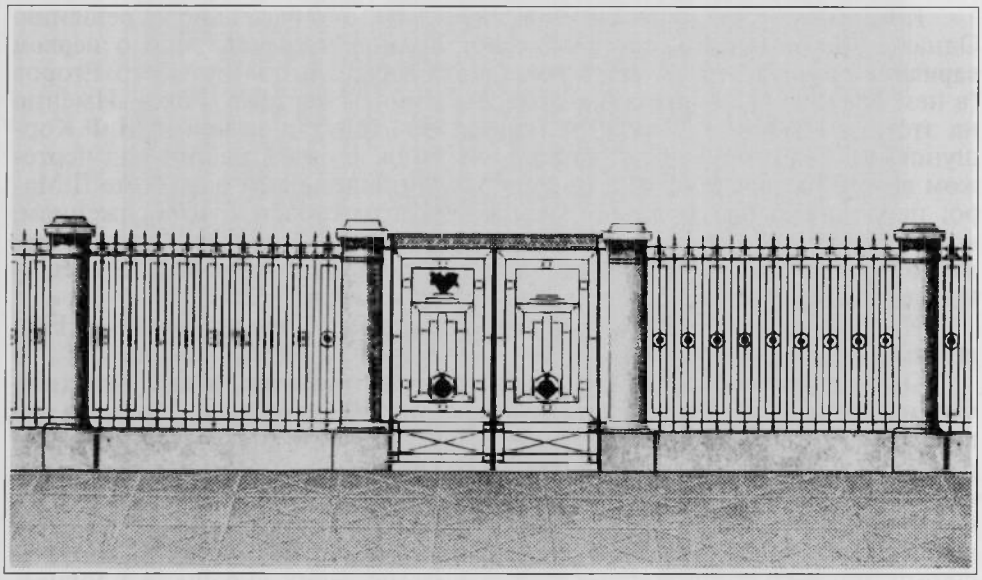
Ограда имела 33 колонны, украшенные провисающими цветочными гирляндами и еще не завершенными вазами и урнами. Звеньев решетки — 29, и каждое из них еще было короче, чем в окончательном решении (состояло из 15 копий и 8 розеток). Рисунок створок ворот также еще во многих существенных деталях не соответствовал тому, который был осуществлен в натуре: в их верхней части был размещен волютообразный орнамент, корзины имели совсем другую, вытянутую форму, их наполняли мелкие цветы, а стороны их украшали провисающие цветочные гирлянды; иное размещение имели кольца и перемычки и пр. Нарядные большие ворота завершались пышным вензелем Екатерины II, увенчанным короной. На малых воротах верхние украшения еще не предполагались.

Как видим, все компоненты первого варианта проекта Егорова (а, следовательно, и Фока) еще не соответствуют окончательному решению. Работа над проектом, в сущности, была вся впереди.

В ноябре 1772 года на Мастерском дворе Конторы строений по чертежам Егорова и под его наблюдением «санкт-петербургский купец» Игнатий Денисов сделал новую железную модель ограды. Об этом можно прочесть в протоколе Конторы строений от 20 ноября 1772 года: «На Мастерском дворе зделана будущей по берегу Невы реки у Первого саду железной решетки пробная как вышиною, так и толстотою вполы против того, как ей в натуре быть должно, железная, шириною в пять четвертей аршина, а весом в ней четыре пуда четыре фунта...»

Контора строений поручает Петру Егорову вычислить по этой модели, сколько потребуется железа для выполнения ограды в натуре. В тот же день (20 ноября 1772 года) Контора строений получает ответ: «На вышеписанный запрос оной Конторы сим объявляю, что на дело вышеозначенной решетки за исключением тридцати трех столбов и трех ворот потребно железа три тысячи двести двадцать пудов» (новая железная модель позволила значительно уточнить количество железа, потребного для выполнения ограды в натуре: в рапорте Фельтена от 11 января 1771 года железа для ограды «на всю дистанцию» требовалось 2300 пудов).

В декабре 1772 года Егоров выполняет новый чертеж ворот ограды (с учетом всех исправлений). Этот чертеж не обнаружен, но о нем можно прочесть в «предложении» Бецкого от 8 декабря 1772 года. Возвращая в Контору строений чертеж ворот, переданный ему «на апробацию», он пишет: «К предстоящему торгу в исправлении, что у Первого саду



Чертеж малых ворот с прилегающими звеньями решеток. 1772 г.

железной решетки к тому присовокупить и исправление ворот по чертежу, который при сем прилагаю».

В начале 1773 года Контора строений предполагала начать новые торги на металлические работы. В течение всей осени 1772 года идет интенсивная подготовка к этим торгам: на Мастерском дворе сделана новая железная модель, по ней определено количество железа, необходимого для изготовления ограды в натуре, готовятся чертежи.

В декабре 1772 года Петр Егоров представил **второй вариант проекта ограды Летнего сада**, по которому и предполагалось приступить к торгам. Существенные коррективы в этом варианте проекта были внесены лишь в рисунок ворот. Егоров отказался от верхнего украшения к большим воротам (пышного вензеля Екатерины II), убрал волютообразный орнамент и провисающие цветочные гирлянды, расположенные по сторонам корзин в верхней части створок ворот, придал окончательную форму корзинам, поставил на места кольца и перемычки.

Однако и в этом варианте проекта еще не соответствуют окончательному решению ни протяженность ограды (количество колонн — 33), ни рисунок колонн (они украшены провисающими цветочными гирляндами и еще не имеют завершений — ваз и урн), ни рисунок звеньев (15 копий и 8 розеток), ни некоторые детали рисунка створок ворот. На более поздние сроки отложена работа над верхними украшениями к большим и малым воротам.

Второй вариант проекта ограды Летнего сада прошел «апробацию» в Конторе строений, после чего решено было приступить к торгам.

8 января 1773 года начались новые торги на металлические работы. Они продолжались более полугода: с 8 января по 17 июля 1773 года. Из протокола Конторы строений от 26 июля 1773 года можно узнать об их результате — заключении контракта с купцом Игнатием Денисовым (тем

самым, который выполнил железную модель ограды): «...Для постановления по берегу Невы реки у Первого саду железной решетки и к ней трое ворот створчатые каждые о двух половинах кузнечною и слесарною работою во всем по апробованным чертежам (с которых копии ему Денисову дать за подписанием и печатью оной Конторы) на сколько сажен по тем чертежам назначено, зделать ему Денисову на своих в Туле заводах, от вышеписанного числа впредь в два года самою чистою и твердою работою и конечно добротою не хуже имеющейся во оной Конторе (так же за подписанием и печатью сей Конторы и ево Денисова) сделанной железной же пробной, но толстотою железа против той пробной вдвое...»

Принимать работу тульских мастеров должен был Петр Егоров: «...Принимать же ту решетку и ворота за свидетельством в доброте и чистоте работы, а также как они против чертежей и пробной решетки сделаны заархитектору Егорову».

Итак, 17 июля 1773 года Контора строений заключила контракт с купцом Денисовым, по которому он обязался выковать решетку «во всем по апробованным чертежам» (второму варианту проекта Егорова) и в соответствии с новой железной моделью («не хуже имеющейся во оной Конторе... сделанной железной же пробной»). Однако, как уже говорилось, эти чертежи не соответствовали окончательному решению. Следовательно, выковать решетку в том варианте, который нам известен, Денисов по ним не мог.

И, действительно, эти чертежи Денисов не получает. 26 июля 1773 года, через несколько дней после заключения контракта, Контора строений «приказывает» Егорову снова начать работу над чертежами: «...А как на каком расстоянии для крепления оной решетки столбы поставить и какой широты между теми столбами звенья решетки делаться должны заархитектору Егорову от Присутствия (Совета Конторы. — *Э.К.*) приказано сделать сходственный с апробованными той решетки и воротами чертежами на всю дистанцию как должно решетке с воротами и столбами и цоколем быть акуратный чертеж».

Иными словами, Егорову следовало внести исправления в рисунок звеньев решетки — уточнить их размер («какой широты между теми столбами звенья решетки делаться должны») и выполнить чертеж ограды «на всю дистанцию».

Итак, в июле 1773 года Егоров начинает работу над **третьим вариантом проекта ограды Летнего сада**. Эта работа проходит в два этапа: в июле—октябре 1773 и в июне 1775 годов. В июле—октябре 1773 года Егоров, выполняя чертеж «на всю дистанцию как должно решетке с воротами и столбами и цоколем быть», вновь корректирует весь рисунок ограды: увеличивает длину каждого звена решетки (меняет число копий с 15 до 17, розеток с 8 до 9 — тем самым увеличивает и длину всей ограды); убирает с колонн провисающие цветочные гирлянды; вновь уточняет рисунок створок ворот (заменяет волютообразный орнамент меандром, украшает корзины цветами — большими распустившимися розами); в июне 1775 года он снова увеличивает протяженность ограды (меняет количество колонн и звеньев решетки: вместо 29 звеньев решает поставить 32, вместо 33 колонн — 36). Как видим, в этом варианте проекта пропорции всей ограды меняются дважды: в июле — октябре 1773 года и в июне 1775 года.

Третий вариант проекта, выполненный Егоровым в 1773—1775 годах, соответствует окончательному решению (но еще без завершений колонн и ворот), именно по нему ограда Летнего сада и была выкована на тульских заводах купца Денисова.

В протоколе от 26 июля 1773 года, в котором Контора строений предписывала Егорову выполнить чертеж ограды «на всю дистанцию» с учетом всех исправлений (третий вариант проекта), указывалось, что как только этот чертеж будет готов, его следует представить «на апробацию господину надворному советнику и архитектору Фельтену». Только в том случае, если Фельтен найдет, что чертеж Егорова «исправно сочинен будет», его можно было передать для дальнейшего рассмотрения в Контору строений: «а ему господину Фельтену по рассмотрении тот чертеж, буде оный исправно сочинен будет, с надписанием, что по оному работу производить должно, представить в Контору немедленно...»

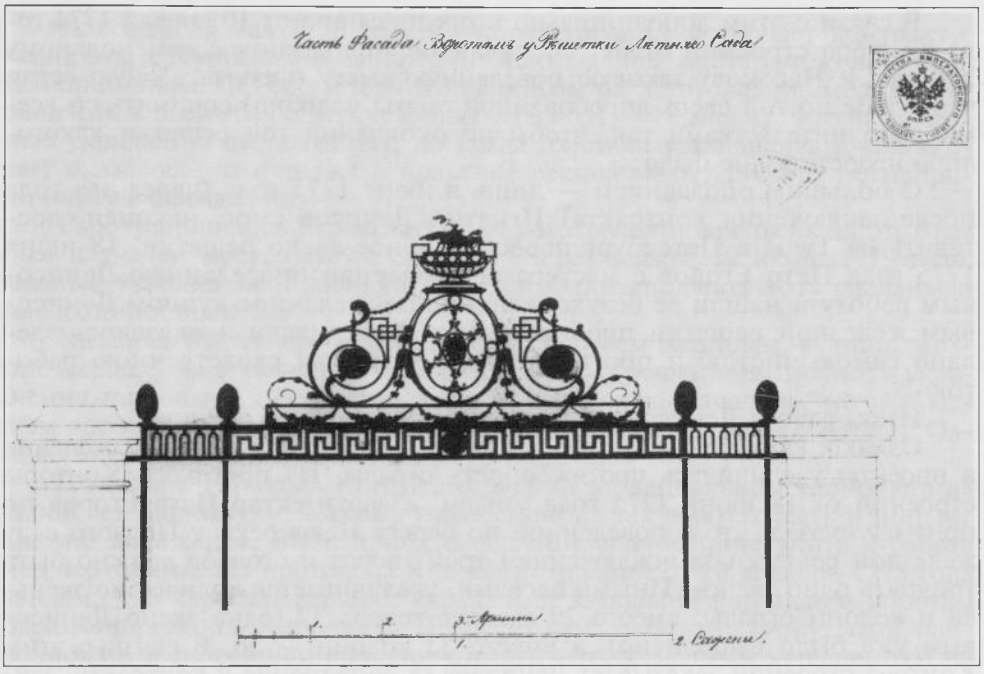
В Конторе строений был безукоризненно четкий порядок прохождения бумаг по инстанциям. Так, стоящие ниже рангом архитекторы обязаны были передавать выполненные ими чертежи на «апробацию» (утверждение) главному архитектору — в данном случае Фельтену (с 1784 года — Старову), который, поставив «по рассмотрении» свою подпись, передавал их в сопровождении специальных «репортов» Совету Конторы. Заключительным этапом была «резолюция», которую «предлагал» Совету Конторы директор — Бецкой (вот почему документы, имеющие его подпись, всегда идут под заглавием «предложение»).

В октябре 1773 года Егоров заканчивает продолжавшуюся четыре месяца работу над чертежами (третий вариант проекта). Об этом можно узнать из рапорта Фельтена от 21 октября 1773 года: «Во исполнение данного мне из оной Конторы указа, как должно по берегу Невы реки у Первого саду железную решетку и трое ворот сделать, учиненные за-архитектором Егоровым шесть чертежей мною рассматриваны и при сем во оную Контору представляются, по которым и работу производить должно».

Для того, чтобы выполнить работу, купцу Денисову достаточно было получить два рабочих чертежа — звена решетки и створок ворот (в исправленном варианте).

Два чертежа «за подписанием» архитектора Фельтена ему и были выданы. Читаем об этом в протоколе Конторы строений от 23 октября 1773 года: «Санкт-петербургскому купцу Игнатию Денисову отданы для зделания по заключенному с ним в оной Конторе контракту и постановлению: по берегу Невы реки у Первого саду между решетки Железных трех ворот два за подписанием господина надворного советника и архитектора Фельтена чертежа и медные следующие к той решетке пробные кисть, репей (розетка. — *Э.К.*), шниркуль (завитки растений, расположенные между верхними перекладинами звена решетки. — *Э.К.*) за подписанием же и печатью оной Конторы».

Денисов «оных два чертежа и медные три штуки взял и расписался» («медные три штуки» ему были выданы с тем, чтобы в каждом звене решетки он мог сделать «для укрепления медного украшения дыры и винты»). По этим чертежам он брался выковать «всю ту решетку и трое ворот», исключая «медную и чеканную работы» (без украшений к воротам и звеньям решетки) в течение двух лет «на своих в Туле состоящих заводах». Первое пробное звено решетки он обещал представить «на ап-



Чертеж верхнего украшения на большие ворота. 1778 г.
Принят к исполнению и осуществлен в натуре.

робацию» в Контору строений не позже декабря 1773 года. Однако выполнить это обещание ему не удалось.

1 октября 1774 года в Контору строений от Денисова поступает «покорнейшее доношение», в котором он перечисляет причины задержки работ: казенное железо, выданное ему Конторой строений, оказалось недоброкачественным, а железо, выписанное им из Сибири, не смогли доставить в связи с восстанием Емельяна Пугачева — «за известными случаями нынешнего разбойника Пугачева доставить железо в Тулу было неможно».

Между тем все это время путиловские каменотесы (родом из села Путилова, расположенного в окрестностях Петербурга) под руководством замечательного «каменных дел мастера» Тимофея Насонова обрабатывали гранит, предназначенный на «столбы и цоколь» ограды.

10 апреля 1774 года Петру Егорову и Тимофею Насонову было поручено «сочинить акуратную смету», включив туда работы по обработке гранита: «во что полировка того камня станет». В смете, которую около четырех лет назад составил Фельтен (10 сентября 1770 года), «теска и полировка дикого камня» еще не предусматривались. Требовала эта смета (а также и «описание», представленное Фельтеном в рапорте от 11 января 1771 года) некоторых других корректив, связанных со многими изменениями в проекте, происшедшими за это время. Так, например, увеличение длины звеньев решетки меняло не только количество «потребного железа», но и размеры каменных частей ограды (в частности, цоколя между «столбами»).

В связи с этим дополнительно к предписанию от 10 апреля 1774 года Контора строений отдает специальное «приказание»: «именованому Егорову и Насонову таковую повеленную смету (включа в оную естли что и еще по той сверх апробованной сметы надобно) сочинить со всеми дополнительствами так, чтобы по окончании той решетки какого-либо недостатку не было...»

С большим опозданием — лишь в июне 1775 года (через два года после заключения контракта) Игнатий Денисов смог, наконец, доставить из Тулы в Петербург первое пробное звено решетки. 18 июня 1775 года Петр Егоров с мастерами проверили проделанную Денисовым работу и нашли ее безукоризненной: «зделанное купцом Денисовым железной решетки пробное звено осматривали и оказалось зделано самою чистою и против чертежа и модели сходственною работою».

Итак, работа Денисова получила самую высокую оценку.

Однако, как уже указывалось, в июне 1775 года произошло изменение в проекте: увеличилась протяженность ограды. Из протокола Конторы строений от 18 июня 1775 года узнаем: «Заархитектор Петр Егоров по призыву сказал, что в повеленной по берегу Невы реки у Первого саду железной решетки за исключением троих ворот и столбов должно быть тридцать одно звено». Иными словами, увеличивается количество звеньев и колонн ограды: вместо 29 звеньев теперь 32 (одно звено Денисовым уже было выполнено), а вместо 33 колонн — 36. В связи с этим Контора строений заказывает Денисову (в дополнение к контракту, заключенному в июле 1773 года) выковать уже не 29 звеньев, как это было первоначально, а столько, сколько указывает Егоров.

В этом же году начали бить сваи под фундамент ограды Летнего сада.

В течение трех лет, с 1775 по 1777 годы, Денисов доставил в Петербург все 32 звена решетки, одни большие и двое малых ворот. Он же «собирал, устанавливал и укреплял» звенья и ворота «на места». Работу тульских мастеров постоянно проверял Петр Егоров, и каждый раз она признавалась им «порядочной, прочной и против чертежа и модели сходственной».

Ограда была сделана великолепно, что еще раз подтвердило прославленное мастерство тульских кузнецов.

В 1778 году были установлены все 36 гранитных колонн ограды, между ними — 32 железных звена, одни большие и двое малых ворот.

Итак, закончился первый этап строительства ограды Летнего сада (1770—1778).

«Сделать чертеж медным украшениям на ворота...»

В конце 1770-х годов решили приступить к изготовлению медных литых украшений к звеньям ограды. Осенью 1777 года Петр Егоров с «мастером меднаго дела» Наумом Семеновым составили смету и список необходимых материалов, чтобы начать работу. 25 ноября 1777 года Егоров сообщает в Контору строений, сколько нужно к решетке «шниркулей, копий и репьев». В «Санкт-Петербургских ведомостях» снова начинают публиковаться вызовы к торгам.

Наконец 29 мая 1778 года Контора строений заключает контракт с «санкт-петербургскими медного и золотых дел мастерами» Я.Тумом, К.Форшманом, Ф.Георги и Ф.Шперлингом на изготовление медных украшений к звеньям решетки. Ровно через год — 18 мая 1779 года — медные украшения были готовы, но когда их стали устанавливать «на места», оказалось, что «репья в практике весьма малы, так что по неприличному в фасаде виду».

Работу пришлось переделать. Для изготовления «репьев» на этот раз был назначен мастер Наум Семенов. Через месяц, 19 июня 1779 года, медные украшения к звеньям решетки были «под позолоту сделаны и на места поставлены».

Казалось бы, теперь осталось сделать совсем немногое — лишь верхние украшения к большим и малым воротам (решение выполнить украшения не только к большим, как это было первоначально, но и к малым воротам было принято Конторой строений в ноябре 1778 года). Однако эта работа затянулась на долгие годы.

В декабре 1778 года Контора строений в специальном «доношении» сообщает Бецкому: «...Какому украшению на тех воротах быть и поныне еще не положено». Было принято решение срочно приступить к работе над чертежами. Из протокола Конторы строений от 10 декабря 1778 года узнаем, что чертежи верхних украшений к большим и малым воротам было «приказано» выполнить Петру Егорову и Ивану Фоку: «как наивозможно в скорейшем времени сделать чертеж медным украшениям на ворота и на рассмотрение господину коллежскому советнику и архитектору Фельтену представить и который им за лучший признан будет для зделания затем подать при репорте в Контору».

К заключительному этапу работы над проектом ограды Летнего сада относятся шесть чертежей 1778—1784 гг., представляющих собой различные варианты верхних украшений к большим и малым воротам. Четыре чертежа относятся к 1778 году. Два из них выполнены в графической манере, отличающейся от всех других сохранившихся чертежей ограды Летнего сада. Они сделаны уверенной рукой, четко, решительно, жестко. Как пишет Р.Д.Люлина, «в каждой детали чувствуется материал, из которого она сделана в натуре: твердость и объемность гранита, прочность железа, гибкая мягкость золоченой меди». Все эти особенности, а также почерк, которым сделана подпись на масштабной линейке, соответствуют графическому и рукописному почерку Ивана Фока, известному по другим работам и автографам этого архитектора. Подтверждают этот вывод и архивные документы.

Чертежи, выполненные Иваном Фоком, представляют собой варианты украшений на большие и малые ворота.

Рассмотрим вначале чертеж, который показывает **завершение больших ворот**. Он предельно прост: на ажурном трехступенчатом возвышении установлены два перекрещивающихся венка с веткой. Над боковыми панно, по сторонам створок ворот, поставлены шишки (по две с каждой стороны). На колоннах вазы с высокими ручками, украшенные провисающими гирляндами.

Следующий чертеж Фока представляет собой **два варианта украшений на малые ворота** (один сделан на основном листе, другой на клапане, прикрепленном к этому листу). И тот и другой варианты имеют сходную общую композицию: в центре поставлен овал с розеткой посредине,

ограниченный по сторонам волютами. Но в одном случае над овалом установлена ваза с цветами и фруктами, в другом — венок с перевязанными в пучок стеблями.

Ни один из вариантов надвратных украшений, предложенных Фоком, не был принят к исполнению.

К 1778 году относятся и два чертежа, выполненные Петром Егоровым. Они совершенно аналогичны по рисунку и представляют собой варианты украшений над большими воротами.

Чертеж выполнен в свободной и живописной манере, присущей Егорову. С первого взгляда он несколько напоминает одно из завершений для малых ворот, которое было выполнено Фоком: в центре надвратного украшения поставлен большой центральный овал с розеткой посередине, над которым помещалась корзина с цветами; по сторонам овала расположены волюты с растительными завитками.

По-видимому, отказавшись от первоначального варианта украшения над воротами (вензель Екатерины II), решили сделать рисунок более близким к тематике сада — корзины с фруктами, цветами, венки и пр. Отсюда некоторое сходство чертежей Егорова и Фока, но оно — только тематическое. Чертеж Егорова выполнен совсем иначе. Как пишет Р.Д.Люлина, «по своей композиции, в архитектоническом отношении, он несомненно превосходит оба варианта завершений, сделанных Фоком».

Именно этот вариант украшений к большим воротам, предложенный Егоровым, был принят к исполнению и осуществлен в натуре.

Что касается чертежа украшений к малым воротам, то здесь к окончательному решению Егоров, по-видимому, пришел далеко не сразу. Во всяком случае вариант украшений к малым воротам, предложенный им, можно увидеть на двух чертежах, относящихся к более позднему периоду — 1783—1784 годам.

Один из них (1783 года) изображает **большие и малые ворота с двумя отрезками звеньев ограды**. Над большими воротами украшение, знакомое нам по чертежу 1778 года, над малыми — совершенно новый вариант завершения: стройная пальметта, возвышающаяся над изящными растительными волютами. На колоннах, по сторонам ворот ограды, поставлены урны. В окончательном варианте будут поставлены, чередуясь, вазы и урны, украшенные золочеными ручками и кольцами. Несколько иным будет рисунок пальметки и волют.

Чертежи надвратных украшений к большим и малым воротам, выполненные Егоровым, были сочтены «за лучшие» и приняты к исполнению далеко не случайно. Они несомненно превосходят по своей композиции, изяществу, какой-то особенной прелести и поэтичности все варианты, предложенные Фоком.

Следующий чертеж Егорова — последний из тех, которые сохранились до нашего времени. Он относится к 1783—1784 годам и изображает **большие и малые ворота с двумя звеньями ограды**. На колоннах уже поставлены вазы и урны окончательного рисунка (однако на тех колоннах, которые примыкают к воротам, все еще поставлены только урны). Украшение над малыми воротами, представленное здесь в двух видах — на основном листе и на клапане, — получило дальнейшую разработку: пальметта стала более стройной, нежели на предыдущем чертеже, волюты имеют меньшее количество акантовых листьев, и это делает их изящнее. Но все же и чертеж 1783—1784 годов еще не совсем соответствует окон-

чательному решению. Стремление к совершенству — то свойство, которым наделен каждый истинный художник, не оставляет Егорова. В дальнейшем он внесет коррективы и в этот последний из известных нам чертежей: сделает еще более стройной и изящной пальметту, добавит витки к волютам, уточнит расположение ваз и урн на колоннах, примыкающих к воротам (поставит их поочередно).

И все это — не мелочи, все это важно, ибо без этого не было бы и той изумительной соразмерности и гармонии, которые столь характерны для ограды Летнего сада. Здесь каждая, казалось бы, незначительная деталь имеет свое место, играет свою определенную роль: убери ее — и все будет разрушено. «Краса, достоинство, изящество и тому подобное — такие свойства, что, если отнять, убавить или изменить в них что-либо, они тотчас же искажаются и гибнут», — писал итальянский ученый, знаменитый архитектор и теоретик классицизма Леон Баттиста Альберти.

За исключением этих незначительных изменений, внесенных позже, два последних чертежа можно считать окончательными.

Итак, работа над чертежами верхних украшений к большим и малым воротам, продолжавшаяся шесть лет (1778—1784 годы), пришла к завершению.

24 мая 1784 года Контора строений заключает контракт с мастерами Я.Тумом, К.Форшманом и Ф.Шперлингом. Они брались изготовить «во всем по апробованным чертежам верхние украшения» «на одни большие и двое малых ворот медные с позолотою через огонь червонным золотом».

Мастер резного дела Франц Дункер сделал бумажные модели верхних украшений к воротам. И работа началась.

10 октября 1784 года главным архитектором и инспектором над мастеровыми Конторы строений становится И.Е.Старов (Фельтен ушел в отставку). Теперь И.Е.Старов так же, как раньше Фельтен, наблюдает и контролирует работу по строительству ограды Летнего сада.

Украшения к воротам «отливались из меди с позолотою» в течение года. Работа мастеров проходила под постоянным контролем Петра Егорова. Так, 4 ноября 1784 года он докладывает в Контору строений: «30 октября был у мастеров и по осмотру оказалось, что на двои малые ворота из меди украшения отлиты, кроме корзинок, по отливанию которых формы приготовлены и в зделанное слесарною работою железо на место приправлено и с того украшения ими через огонь голландским червонным золотом вызолочена средняя большая кудреватая штука наподобие дерева, репьев больших три пары, алагрек один на большие ворота вызолочен же, другой на малые ворота с прочими изготовленными штуками золочением производить начато».

6 августа 1785 года верхние украшения были укреплены над большими и малыми воротами.

Решение об увенчании колонн ограды вазами и урнами, отсутствующими на первоначальных чертежах, было принято только в 1783 году. Сначала предполагалось поставить на колонны только вазы. На Мастерском дворе были сделаны две деревянные модели ваз. После того, как одна из них прошла «апробацию», последовал указ Бецкого: «Для постановления против Первого Ея Императорского Величества саду при железной решетке на колонны вазов по сделанным на Мастерском дворе токарною работою деревянным двум пробам против апробованной

одной потребное тех вазов число зделать из дикого морского камня путиловскими каменщиками». Однако через некоторое время последовал другой указ Бецкого, по которому на колоннах должны были быть поставлены поочередно вазы и урны. 28 марта 1783 года на Мастерском дворе были сделаны четыре деревянные модели — по ним и началось тесание ваз и урн.

С декабря 1783 по март 1784 года путиловскими мастерами под руководством Тимофея Насонова были вытесаны из гранита 18 ваз и столько же урн — соответственно количеству колонн ограды, на которых они должны были быть установлены.

24 мая 1784 года Контора строений снова договаривается с мастерами — Я.Тумом, К. Форшманом и Ф. Шперлингом. На этот раз — об изготовлении медных украшений (колец и ручек) к вазам и урнам. 28 июля 1785 года «медные штуки с кольцами и ручки» к вазам и урнам приказано было «вызолотить». Егорову поручили составить смету на позолоту.

Документы «о доделках золотых дел мастеров», подписанные Егоровым, продолжают встречаться еще в течение года. Золочение деталей ваз и урн, установленных на колонны, закончилось только в июле 1786 года.

Итак, «медные украшения» укреплены к звеньям решетки и воротам, на широкие капители колонн поставлены, чередуясь, вазы и урны. Закончилась вторая половина строительства ограды Летнего сада, продолжавшаяся восемь лет (1778—1786 годы).

«Лучшая в мире»

Строительство ограды Летнего сада продолжалось в общей сложности 16 лет (1770—1786). И почти все эти годы (1772—1786) здесь проработал Петр Егоров. В чем же заключалась его работа? Носила ли она творческий характер?

Этот вопрос не случаен. Как мы помним, осенью 1772 года Егоров был «приставлен к делу той решетки» для переработки проекта Фока. Отсюда естественно предположить: была ли работа Егорова самостоятельной, не сводилась ли она лишь к некоторым малосущественным коррективам, внесенным в чужой замысел?

Как уже неоднократно указывалось, чертеж Фока не обнаружен, поэтому судить о нем трудно. На основании тех документов, которые известны (за 1770—1772 гг.), с уверенностью можно сказать лишь следующее: по проекту Фока (с коррективами, внесенными в него в 1771 году) ограда Летнего сада имела 33 колонны, обрамленные провисающими цветочными гирляндами (металлическими), и трое ворот — одни большие и двое малых, без верхних украшений.

В начале осени 1772 года Егоров представил свой первый вариант проекта ограды Летнего сада (сюда вошли и элементы чертежа Фока). Сравнив его с окончательным решением, можно получить полное представление о тех изменениях, которые внес Егоров в свой первый вариант проекта (следовательно, и в проект Фока).

Согласно первому варианту проекта Егорова, так же, как и по проекту Фока, ограда имела 33 колонны, украшенные провисающими цветочными гирляндами, — в окончательном решении Егоров ставит 36 колонн, завер-

шая их поочередно изысканными вазами и урнами (провисающие цветочные гирлянды с колонн убирает); звеньев решетки было 29 — в окончательном решении их становится 32, причем каждое из них Егоров делает длиннее (увеличивает количество копий с 15 до 17, розеток — с 8 до 9). Говоря об изменениях, внесенных Егоровым в протяженность звеньев решетки, Р.Д.Люлина отмечает: «Благодаря этой исключительно удачной творческой находке, звенья удлинились и тем самым изменились пропорции всей ограды. Она стала более стройной и соразмерной».

Кардинальные изменения вносит Егоров в рисунок створок ворот (о рисунке створок можно судить по первому варианту проекта Егорова): заменяет волютообразный орнамент меандром; убирает с корзин провисающие с их обеих сторон цветочные гирлянды; придав корзинам совершенно иную форму (они стали значительно шире и ниже), наполняет их, вместо прежних цветов, большими распустившимися розами; лишь после долгих поисков ставит на места кольца и перемычки (приближает кольца, связывающие рамы створок, к их верхнему и нижнему краям, а перемычки у малых ворот переносит в центр, у больших — убирает совсем). В результате рисунок створок ворот становится более ясным, гармоничным и четким.

На чертеже Фока ворота не имели верхних украшений. В первом варианте проекта Егорова верхние украшения имели только большие ворота (вензель Екатерины II). Отказавшись от этого варианта, в окончательном решении Егоров ставит верхние украшения не только над большими, но и над малыми воротами. Большие ворота он завершает корзиной с цветами, поставленной на центральный овал, ограниченный с двух сторон волютами, малые — стройной пальметтой, возвышающейся над изящными растительными волютами. В рисунке надвратных украшений, выполненных Егоровым, столько притягательного очарования, грации, прелести, что он удостоился отдельной характеристики: «Завершение ворот по легкости и изяществу волют, простоте рисунка пальметток и общей грациозности далеко превосходит все, что дало западное искусство ковки» (В.Я.Курбатов).

Стремясь к более строгим, ясным, классическим линиям, Егоров отказывается от всех элементов барокко, которые еще присутствовали в первом варианте его проекта (пышного вензеля Екатерины II, провисающих цветочных гирлянд на колоннах и у корзин в створках ворот, волютообразного орнамента). В поисках «наилучших пропорций», большей соразмерности, ясности и гармонии он не один раз переделывает, совершенствует, уточняет весь рисунок ограды, дважды меняет ее протяженность (увеличив сначала размер каждого звена, а затем — количество колонн) и наконец, лишь на заключительном этапе, после шести лет напряженной работы над чертежами, завершает ворота изумительными по легкости, прелести и изяществу украшениями, а колонны — изысканными вазами и урнами.

Так постепенно, год за годом, в течение многих лет (работа над проектом, в сущности, не прекращалась с 1772 по 1784 гг.) Егоров полностью перерабатывает свой собственный первый вариант проекта вместе со всеми элементами чертежа Фока, которые должны были туда войти. В результате этой переработки ни один из компонентов, составляющих рисунок ограды, не остался без кардинальных изменений. Можно вполне обоснованно утверждать: не только от проекта Фока

(незаконченного, заимствованного, по утверждению как Р.Д.Люлиной, так и М.Ф.Коршуновой, из альбома Д.Маро), но и от первого варианта проекта самого Егорова, собственно говоря, ничего не сохранилось. Трудно удержаться, чтобы не вспомнить здесь известные слова И.Э.Грабаря: «Едва ли было когда-либо создано что-нибудь прекрасное без отступлений от первоначального проекта».

Совершенная красота ограды Летнего сада, ее превосходно найденные пропорции, строгие изящные простые линии, «прелесть деталей», та изумительная волшебная соразмерность, когда «все части, вместе взятые, доставляют глазам смотрящих некую сладостную гармонию» (Андреа Палладио), — все это родилось отнюдь не сразу, а было результатом серьезного многолетнего творческого труда.

Как неоднократно отмечалось специалистами, ограда несет на себе «отпечаток абсолютной цельности и единства приемов» (С.П.Яремич). Такое произведение могло быть создано лишь творческой мыслью одного архитектора, имевшего возможность выполнить всю работу от начала и до конца. Но таким архитектором мог быть только Петр Егоров. Именно он выполнил окончательный вариант проекта ограды Летнего сада, по которому она была осуществлена в натуре, именно он руководил ее строительством, осуществляя авторский надзор.

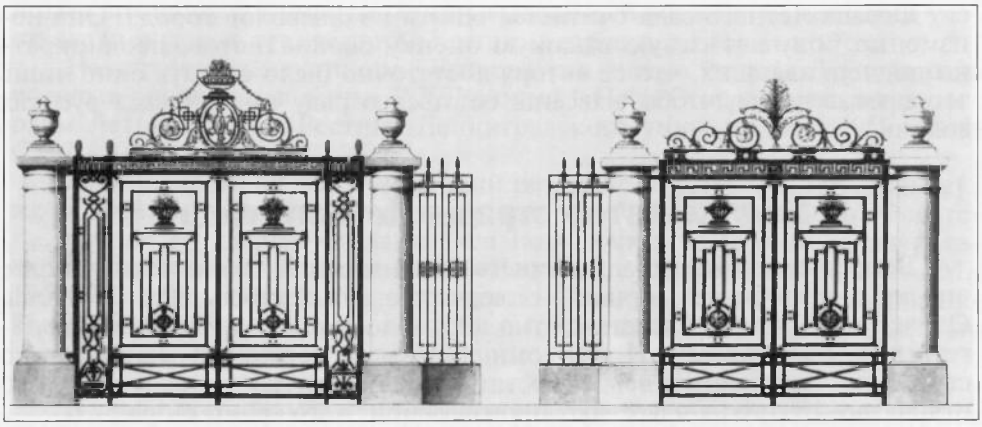
Итак, внимательный анализ архивных документов и графических материалов безоговорочно свидетельствует: единственным автором ограды Летнего сада был архитектор Петр Егорович Егоров.

В создании ограды принимали участие лучшие мастера того времени. Все «каменные работы» были выполнены путиловскими каменотесами под руководством Тимофея Насонова — выдающегося мастера, получившего впоследствии за свое искусство звание архитектора. Медные украшения делались по моделям прославленного «резного мастера» Франца Дункера. И, наконец, железные звенья решетки и ворота — поистине ювелирная работа! — были выполнены знаменитыми тульскими кузнецами под руководством Игнатия Денисова.

До нашего времени ограда Летнего сада дошла в несколько измененном виде. Как мы помним, первоначально она имела трое ворот, и они располагались соответственно трем главным аллеям сада. 4 апреля 1866 года на набережной, как раз напротив больших ворот ограды, было совершено покушение Д.В.Каракозова на Александра II. В память «чудесного избавления государя от смерти» большие ворота были убраны, а на их место поставлена безвкусная, обезобразившая ограду часовня. При этом двое малых ворот были сняты со своих прежних мест и поставлены по бокам часовни. В 1930 году было решено восстановить ограду в первоначальном виде. Часовню разобрали, но, к сожалению, большие ворота восстановить не удалось, поэтому вместо них поставили еще одно, дополнительное, звено решетки.

В настоящее время со стороны Лебяжьего канала и реки Фонтанки ограда заканчивается укороченными решетками в виде сгруппированных веером копий. Они были выполнены в 1830 году по проекту архитектора Л.И.Шарлеманя.

Ограда имеет строгий, простой и вместе с тем изящный рисунок. Поставленные на высоком каменном цоколе мощные пепельно-розовые гранитные колонны, увенчанные грациозными вазами и урнами, мерно чередуются с легкими, прозрачными звеньями металлической решетки.



Чертеж больших и малых ворот ограды Летнего сада с двумя отрезками звеньев. 1783 г. Принят к исполнению и осуществлен в натуре.

Каждое звено состоит из вертикальных копий, пересекающих вытянутые прямоугольники с розеткой посередине. В центре ограды поставлены двое малых ворот. Их рисунок прост и гармоничен: створки, состоящие из вставленных друг в друга рам, украшены вверху корзиной с цветами — крупными распустившимися розами, внизу, параллельно ей,— розетками. Они завершаются меандром и стройной пальметтой, возвышающейся над туго закрученными растительными волютами.

Ограда покоряет простотой, гармонией и какой-то чарующей поэтической прелестью. Ее рисунок удивительно сочетается и с Летним садом, и с набережными Невы: тонкое прозрачное кружево решетки подчеркивает таинственное очарование старинного Летнего сада, а мощные гранитные колонны, четкие прямые линии естественно вписываются в суровый и величественный пейзаж набережных Невы.

Ограда Летнего сада считается выдающимся памятником русской классической архитектуры последней четверти XVIII века. Ее совершенная красота вот уже третье столетие не перестает вызывать чувство восхищения. О ней слагают стихи, рассказывают удивительные истории.

Стала хрестоматийной история о чудаке-англичанине, приехавшем в Петербург с единственной целью — самому убедиться в «чрезвычайной красоте решетки Летнего сада». Рассказав ее в 1816 году, писатель, художник и путешественник П.П.Свиньин замечает: «Поступок, конечно, странный, но не менее того должно согласиться, что великолепная решетка сия заслуживает особого внимания: изящество рисунка, качество материалов, сии блестящие колонны, украшенные по верхам гранитными вазами и урнами, яркая позолота стрел и колец, одним словом, все вместе делают решетку сию единственною прекраснейшею в Европе».

С неменьшим восторгом отзывается об ограде Летнего сада известный поэт пушкинской поры, большой любитель искусств К.Н.Батюшков: «Взгляните на решетку Летнего сада, которая отражается зеленью высоких лип, вязов и дубов! Какая легкость и стройность в ее рисунке! Я видел славную решетку Тюльерийского замка, отягченную, раздавленную, так сказать, украшениями, пиками, касками, трофеями. Она безобразна в сравнении с этой!»

Ограда Летнего сада считается одним из символов города. Она неизменно получает самую высокую оценку специалистов, неоднократно подчеркивавших, что ее автору достаточно было создать одно лишь это произведение, чтобы навсегда остаться в ряду выдающихся русских зодчих.

Кто же автор ограды Летнего сада?

Вопрос об авторе ограды Летнего сада имеет давнюю историю. Более ста лет она считалась вершиной творчества архитектора Ю.М.Фельтена. Однако его авторство неоднократно вызывало сомнения у многих авторитетных исследователей. И эти сомнения имели серьезное основание: по своим художественным особенностям ограда Летнего сада слишком явно отличалась от других известных произведений этого архитектора.

В 1934 году С.П.Яремич, недоумевая, «как создалось такое абсурдное положение», утверждал: «...Традиция крепко связала имя Фельтена с постройкой второго Эрмитажа, знаменитой гранитной облицовкой набережной Невы и единственной в своем роде решеткой Летнего сада... Можно сказать категорически, что традиция эта не имеет под собой реальной почвы». Считая, что произведение «столь высокого стиля» не характерно для творчества Фельтена, С.П.Яремич выдвигает на его место Ж.Б.Валлен-Деламота.

Через несколько лет, в 1938 году, В.Я.Курбатов утверждает: «...Из возможных авторов решетки Летнего сада на первом месте остается Фельтен, согласно давно утвердившемуся мнению, ничем серьезно не опровергнутому; далее идут Ринальди и Баженов, а последнее место занимает Деламот».

В 1951 году И. Э. Грабарь высказал предположение, что проект ограды принадлежит В.И.Баженову: «...Я считаю неправильным приписывание Фельтену знаменитой решетки Летнего сада и проекта дома принца Ольденбургского на Дворцовой набережной. Эти произведения целиком выдают руку Баженова».

В 1960 году в ряду «претендентов» на авторство ограды Летнего сада появилось имя архитектора Джакомо Кваренги. Польский исследователь М.Квятковский обнаружил в архиве прославленного зодчего рисунок ограды, сделанный его рукой (хранится в Национальном музее Варшавы). Но Кваренги не мог быть автором ограды Летнего сада: он приехал в Россию в 1779 году, ее строительство к этому времени уже заканчивалось.

Итак, начиная с 1930-х годов многие исследователи, настойчиво отрицая авторство Фельтена, выдвигают на его место таких выдающихся зодчих, как Баженов, Валлен-Деламот, Ринальди, Кваренги. Но убедительных доказательств, которые могли бы подтвердить их предположения, они не приводят.

В 1946 году впервые в связи с оградой Летнего сада появляются имена до этих пор никем не упоминавшихся архитекторов — Петра Егорова и Ивана Фока. Искусствовед А.Н.Петров в работе «Участие предприятий русской строительной и художественной промышленности XVIII—XIX вв. в строительстве Ленинграда», оставшейся неопубликованной (хранится в архиве ГИОП СПб), опираясь на обнаруженные им

новые архивные документы, делает вывод: «...В разработке чертежей участвовали рядовые архитекторы Конторы строений Егоров и Фок...»

На страницах печати имя Егорова как автора ограды Летнего сада впервые появилось в статье Р.Д.Люлиной «Петр Егоров — создатель ограды Летнего сада» (Вестник Ленинградского университета. 1950. № 1. С. 97—109).

Работа Люлиной имела широкий резонанс. Г.Г.Гримм, который также не считал возможным признать автором Летнего сада Ю.М.Фельтена, назвал эту работу «выдающейся по интересу и заслуживающей самого пристального внимания». В «Истории русской архитектуры» (М., 1951) в те годы можно было прочесть: «Автором проекта решетки, наблюдавшим за всем процессом ее выполнения, был талантливый, но оставшийся в тени русский зодчий Петр Егоров (род. в 1731 г.), участвовавший также и в сооружении Мраморного дворца...»

В течение многих лет творческое участие Егорова в создании ограды Летнего сада не вызывало никаких сомнений. Однако начиная с 1968 года появляется целый ряд работ М.Ф.Коршуновой, в которых она вновь настойчиво отстаивает авторский приоритет Фельтена в создании ограды Летнего сада. На выставке, организованной ею к 250-летию со дня рождения Ю.М.Фельтена, чертежи ограды Летнего сада экспонировались как «принадлежащие мастерской Фельтена», без указания имен архитекторов, которые их выполнили, — Егорова и Фока.

В 1974 году в альманахе «Белые ночи» появилась статья Р.Д.Люлиной «Кто же автор ограды Летнего сада?», в которой она, приводя новые архивные материалы, продолжает отстаивать свою точку зрения.

Итак, споры продолжаются.

В настоящее время, говоря о возможных авторах ограды Летнего сада, обычно называют имена архитекторов Ю.М.Фельтена, П.Е.Егорова и И.Б.Фока.

Как уже говорилось, И.Б.Фок, дважды привлекавшийся к работе над проектом ограды Летнего сада, не может считаться ее автором, т.к. ни один из его чертежей не был принят к исполнению. Что же касается Фельтена и Егорова, то внимательный анализ документов позволяет довольно точно определить степень творческого участия каждого из них в создании ограды Летнего сада.

Доказательством авторства Фельтена в настоящее время служат аргументы, изложенные М.Ф.Коршуновой в ее новой работе, посвященной творчеству этого архитектора (М.Ф.Коршунова. Архитектор Юрий Фельтен. Л., 1982. С. 12—15). В основном эти аргументы сводятся к следующему: 1) ограда Летнего сада была осуществлена в натуре «по первоначальному проекту 1770 года», в создании которого принимал творческое участие Фельтен; 2) сам Фельтен, перечисляя свои работы в Формулярном списке за 1793 год, называет среди них и ограду Летнего сада.

Чтобы разобраться в системе аргументов Коршуновой — очень сложной, противоречивой и почти целиком основанной на искусственно созданных предположениях, не соответствующих фактическому материалу, придется вернуться к началу строительства ограды Летнего сада.

В сентябре 1770 года Фок закончил работу над проектом ограды Летнего сада, по которому она должна была соединять дворцы Петра I и Екатерины I. Проект был утвержден («апробован») императрицей, и ничего в нем менять не предполагалось.

10 сентября 1770 года Фельтен по чертежу Фока составил смету. Осенью 1770 года по этому же чертежу Фока была выполнена деревянная модель.

Чертеж Фока не обнаружен. Однако по смете Фельтена и материалам торгов 1771—1772 годов можно получить о нем некоторое представление: в 1770 году ограда имела 14 колонн, украшенных провисающими цветочными гирляндами, и 1 ворота — без верхнего украшения.

Что касается сметы Фельтена, то она, устарев в первые же годы строительства, была в 1774 году кардинально переработана Егоровым и Насоновым. Достаточно сказать, что сумма, указанная в ней, совершенно не соответствует реальным затратам: на строительство ограды было израсходовано 87298 рублей 37 копеек — почти в восемь раз больше.

Но ведь смету Фельтена, как бы она ни была составлена, нельзя считать аргументом в вопросе об авторстве. Однако никаких других документов за 1770 год, в которых бы говорилось об участии Фельтена в создании проекта, пока не обнаружено.

Так какой же «первоначальный проект 1770 года» имеет в виду Коршунова? И в чем заключалось творческое участие Фельтена в его создании? По-видимому, Коршунова имеет в виду этот же чертеж Фока, но с коррективами, которые были внесены в него позже — в 1771 году.

В начале 1771 года, когда решено было поставить ограду «на всю дистанцию», от реки Фонтанки до Лебяжьего канала, Фельтен составил, в дополнение к уже упоминавшейся смете, — «описание», в котором определил по готовой деревянной модели размеры каменных частей будущей ограды (рапорт Фельтена от 11 января 1771 года). Коршунова считает, что, определив размеры каменных частей, Фельтен тем самым задал общие пропорции сооружения, соответствующие окончательному решению. Это обстоятельство и рассматривается ею как главнейшее и в работе над проектом, и в вопросе об авторстве.

Однако утверждение Коршуновой несостоятельно ни в том, ни в другом случае.

Размеры каменных частей (и на это, собственно, указывает сам Фельтен в своем «описании») были определены им по деревянной модели, выполненной по чертежу Фока. Следовательно, заданы они были не Фельтеном, а Фоком. И далее: размеры каменных частей ограды, определенные Фоком, еще никак не соответствуют окончательному решению (в 1773 году, изменив длину звеньев решетки, Егоров тем самым изменил и размеры каменных частей — в частности, цоколя между колоннами).

В том же «описании» Фельтен определяет протяженность ограды «на всю дистанцию» (33 колонны). Но, как известно, протяженность ограды, определенная Фельтеном, отнюдь не соответствовала окончательному решению. Нетрудно вспомнить: работая над проектом, Егоров изменял протяженность ограды дважды (в 1773 году — удлинив размер каждого звена, и в 1775 — решив поставить вместо 33 колонн 36. Это и было окончательным вариантом).

В начале 1771 года Контора строений предписывает Фельтену выполнить чертеж верхнего украшения к воротам.

Никаких сведений о том, что он его выполнил, не обнаружено.

Но Коршунова приписывает, не имея к этому, собственно, никаких оснований, чертеж больших ворот (с вензелями Екатерины II), выполненный Егоровым осенью 1772 года, некоему оставшемуся почему-

то неизвестным архитектору, который, как она считает, реализовал в своей работе идеи Фельтена. Она пишет: «Фельтен, как это часто случалось в те времена и практикуется поныне, мог подписать чертеж, выполненный помощником, реализовавшим его идеи».

Какого же «помощника» здесь можно предположить? Как известно, после реорганизации 1769 года в Конторе строений, кроме Фельтена, остались лишь два заархитектора — Егоров и Фок. Графический почерк того и другого сейчас хорошо известен. Рассматриваемый чертеж, как давно установлено (с 1950 года) на основании скрупулезного графического анализа, выполнен Егоровым. И, собственно, никем до сих пор это не оспаривалось. Следует добавить к тому же, что и этот чертеж (больших ворот, завершенных украшением в виде вензеля Екатерины II) никакого значения в вопросе об авторстве не имеет: к исполнению он принят не был.

Итак, вернемся от предположений к действительным фактам.

Какое же участие принимал Фельтен в работе Фока над проектом?

На основании документов следует признать: 10 сентября 1770 года Фельтен составил смету (была переработана в 1774 году); 11 января 1771 года определил протяженность ограды «на всю дистанцию» (была изменена дважды: в 1773 и 1775 гг.); чертеж верхнего украшения к большим воротам, который Контора строений предписала ему выполнить, он не выполнил.

Вот и все.

Как видим, вряд ли здесь можно говорить о творческом участии в создании проекта.

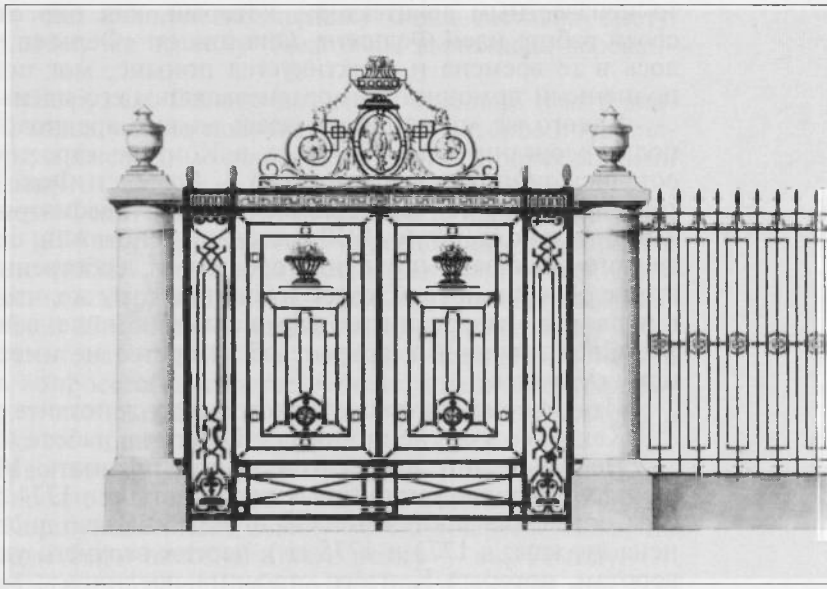
Однако даже и в обратном случае (если бы Фельтен активно участвовал в разработке проекта Фока) говорить о его авторстве было бы по-прежнему невозможно. Ведь по «первоначальному проекту 1770 года» (иначе говоря, по проекту Фока с коррективами, которые были внесены в него в 1771 году) ограда Летнего сада не была осуществлена в натуре. Этот проект оставался в силе лишь в течение двух лет (1770—1772). В дальнейшем, как об этом неоднократно говорилось, он был полностью переработан Егоровым.

Но Коршунова работу Егорова над проектом совершенно игнорирует.

Стремясь подвести итог своей искусственно созданной схеме, доказывающей авторство Фельтена и решающую роль «первоначального проекта 1770 года», она приводит, вне всякой связи с фактической историей строительства, два документа: контракт, заключенный с купцом Денисовым 17 июля 1773 года, и рапорт Фельтена от 21 октября 1773 года.

Первый из этих документов — контракт с купцом Денисовым (выдержка из протокола Конторы строений от 26 июля 1773 года) — должен подтвердить, по замыслу Коршуновой, ее основной тезис: ограда Летнего сада была осуществлена в натуре «по первоначальному проекту 1770 года».

С этой целью Коршунова сразу же после своего рассказа о «проекте 1770 года» (не вспомнив ни о чертежах, выполненных Егоровым осенью 1772 года, ни о железной модели, ни о торгах, проходивших в январе—июле 1773 года) приводит текст контракта, заключенного 17 июля 1773 года, в котором сообщается, что купец Денисов берется



Большие и малые ворота ограды Летнего сада с двумя звеньями. 1783—1784 гг. Принят к исполнению и осуществлен в натуре.

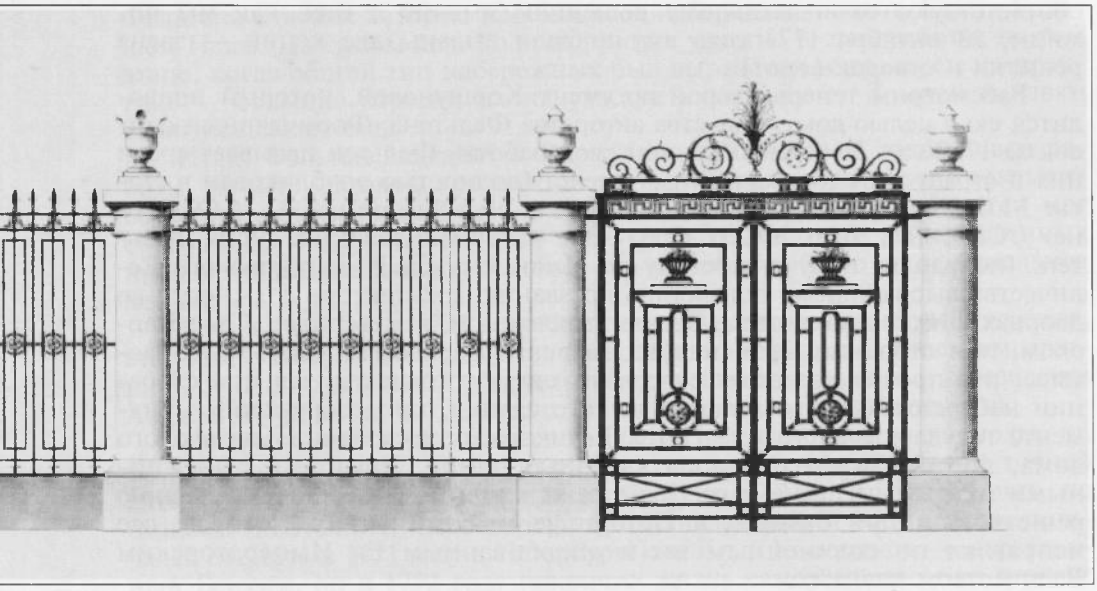
выковать решетку «во всем по апробованным чертежам (с которых копии ему Денисову дать за подписанием и печатью оной Конторы)...» Основную нагрузку здесь несет слово «апробованным»: поскольку чертеж Фока был «апробован» императрицей, Коршунова утверждает, что именно по нему («проекту 1770 года») Денисов выковал решетку.

Между тем в контракте от 17 июля 1773 года говорится, что Денисов берется выковать решетку по чертежам Егорова, выполненным им осенью 1772 года (второй вариант проекта) и прошедшим обычную «апробацию» в Конторе строений.

Интересно отметить, что, цитируя текст контракта с купцом Денисовым, Коршунова опускает в нем слова о железной модели. В контракте говорится, что Денисов брался выковать решетку «во всем по апробованным чертежам» и в соответствии с железной моделью — «не хуже имеющейся во оной Конторе (также за подписанием и печатью сей Конторы и ево Денисова) сделанной железной же пробной, но толстотою железа против той пробной вдвое...» Делает это Коршунова преднамеренно: существование железной модели, выполненной 20 ноября 1772 года на Мастерском дворе Конторы строений по чертежам Егорова (о ней постоянно упоминается во всех документах, относящихся к этому периоду), никак не согласуется с ее основными выводами.

Поскольку, согласно схеме Коршуновой, проект ограды Летнего сада, по которому она была осуществлена в натуре, был готов уже в 1770 году, возникает естественный вопрос: чем же занимался Егоров на строительстве ограды в течение 14 лет?

И Коршунова на этот вопрос отвечает: Егоров выполнял копии с «проекта 1770 года», корректировал (совместно с Фоком) «окончательный рисунок» надвратных украшений и завершений столбов, а также наблюдал за ведением работ по установке ограды.



Чтобы подтвердить этот вывод, Коршунова и приводит второй документ — рапорт Фельтена от 21 октября 1773 года.

Как известно, в этом рапорте Фельтен сообщает, что он просмотрел чертежи Егорова, выполненные им по предписанию Конторы строений в июле—октябре 1773 года (третий вариант проекта): «учиненные заархитектором Егоровым шесть чертежей мною рассматриваны и при сем в оную Контору представляются, по которым и работу производить должно».

Но Коршунова, ничего не сказав ни о предписании Конторы строений, ни о работе Егорова над проектом в июле—октябре 1773 года, ставит рядом два документа, которые друг с другом никак не связаны: контракт с Денисовым от 17 июля 1773 года и рапорт Фельтена от 21 октября 1773 года. Поскольку в контракте говорится, что Денисову будут выданы копии с «апробованных чертежей», ею создается впечатление, что именно эти копии Егоров и выполнял в течение четырех месяцев, в июле—октябре 1773 года, и, следовательно, именно о них Фельтен и сообщает в своем рапорте. Но с каких чертежей, по мнению Коршуновой, Егоров выполнил копии? Согласно ее схеме — с «проекта 1770 года», ибо под «апробованными чертежами», о которых идет речь в контракте с Денисовым, она, как мы помним, подразумевает именно этот проект.

Между тем и в том и другом документах говорится совершенно о разных вещах: в контракте с Денисовым от 17 июля 1773 года — о копиях, которые должны были снять для передачи Денисову с чертежей Егорова — второго варианта проекта, выполненного осенью 1772 года (так предполагалось сделать первоначально), а в рапорте Фельтена от 21 октября 1773 года — о чертежах Егорова, выполненных по предписанию Конторы строений с учетом всех исправлений много позже — в июле—октябре 1773 года (третий вариант проекта). Только по этим чертежам, собственно говоря, Денисов и мог выковать решетку, ибо только они и

соответствуют окончательному решению (именно с них, как мы помним, 23 октября 1773 года ему и были выданы две копии — звена решетки и створок ворот).

Рассмотрим теперь второй аргумент Коршуновой, который приводится ею с целью доказательства авторства Фельтена: Формулярный список за 1793 год. Перечисляя в нем свои работы, Фельтен называет среди них и ограду Летнего сада. Вот его текст (полностью опубликован в статье М.Ф.Коршуновой «Новые материалы об архитекторе Ю.М.Фельтене» //СГЭ, 1971. Вып. XXXII. С. 31—33): «Статский советник Юрий Фельтен... исправлял порученные ему по Имянному Ея Императорского Величества высочайшему повелению по званию архитектора должности во дворцах: Зимнем каменном, Летнем деревянном, в Петергофе, Селе Царском, при строении Чесменского дворца и церкви, в девичьем монастыре, и в прочих казенных строениях сверх того находился при строении набережной части Академического здания, при сооружении монумента государя императора Петра Великого, при строении Глазовского дома, против Зимнего дворца казенных домов, Эрмитажа с картинными галереями, по берегу Невы реки каменного берега с железною решеткою и при бывших в Петергофе иллюминациях, которые все исправлял по сочиненным им и апробованным Ея Императорским Величеством планам...»

Хоть Фельтен и утверждает, что все перечисленные в данном документе работы выполнялись «по сочиненным им и апробованным Ея Императорским Величеством планам», это не совсем соответствует действительности.

Фельтен и в самом деле долгие годы работал «во дворцах», которые он перечислил: Зимнем, «Летнем деревянном» (до наших дней не сохранился), Большом Петергофском, Екатерининском (в Царском Селе), но ведь их автором был не он, а Б.Ф.Растрелли. Проект здания Академии художеств («Академическое здание») принадлежит также не ему, а архитекторам А.Ф.Кокоринову и Ж.Б.Валлен-Деламоту. Строительные работы по возведению здания Академии художеств, начавшись в 1764 году, после смерти Кокоринова были приостановлены и возобновились лишь в конце 1770-х годов под руководством Ю.М.Фельтена. Но, как указывается в шестом томе «Истории русского искусства», даже эти работы «фактически... вел его помощник, архитектор Е.Т.Соколов, строитель первого здания Публичной библиотеки в Петербурге». Не столь уж значительна была роль Фельтена и «при сооружении монумента государя императора Петра Великого» после отъезда Фальконе, автора прославленного памятника. Фельтену была поручена установка монумента — чисто техническая, организационная работа. Малый Эрмитаж («Эрмитаж с картинными галереями») со стороны набережной Невы (северный павильон) был создан по проекту Валлен-Деламота. Фельтен же был автором только южного павильона Малого Эрмитажа — здания, выходящего на Миллионную улицу. Строительство гранитных набережных Невы («по берегу Невы реки каменного берега») Фельтен возглавил лишь в 1770 году, когда, после ликвидации «Конторы построения невских берегов» (3 марта 1770 года), ее функции были переданы Конторе строений. К этому времени «три дистанции того берега» (от Зимнего дворца до Литейного двора) уже были построены. Г.Г.Гримм пишет по этому поводу (История русского искусства. Т. I. М., 1979): «Раньше

Фельтена считали автором проекта всех набережных левого берега Большой Невы. На самом деле зодчий принял участие в этих работах на том этапе, когда общий тип набережных был выработан и проверен на практике — большие отрезки их на участке к востоку от Зимней канавки были уже закончены».

Итак, Фельтен включил в Формулярный список не только свои работы, но и те, автором которых он не был. В наше время этот документ вызывает недоумение. Однако, составляя его в 1793 году, Фельтен мог совершенно искренне считать свою роль в создании перечисленных произведений решающей (таково, по-видимому, было и официальное мнение).

Дело в том, что в 1793 году Фельтен — директор Академии художеств, статский советник. Он пользуется благосклонным расположением императрицы и одного из самых влиятельных людей того времени — президента Академии художеств И.И.Бецкого. На его стороне — слава и почести.

Но давно уже никто не вспоминает Растрелли: выйдя из моды, он был настолько забыт, что и до сих пор не могут определить ни точной даты его кончины, ни места, где он был похоронен (известно лишь, по записям Я.Штелина, что совершенно отставленный от всех дел, он скончался от удара в 1771 году в Петербурге); забыт и Кокоринов — затравленный Бецким, он в 1772 году покончил жизнь самоубийством на чердаке Академии художеств; Валлен-Деламота лишили последнего средства к существованию — с началом Великой Французской революции в 1789 году Екатерина II перестала платить ему пенсию (на отчаянное, трагическое письмо, которое он написал в Академию художеств, никто не ответил).

Были у Фельтена веские основания считать немаловажной и свою роль при «сооружении монумента государя императора Петра Великого» — ведь его имя было названо в числе первых в списке награжденных после торжественного открытия знаменитого памятника. Имени Фальконе в этом списке не было вообще. На торжественном открытии памятника его никто ни разу не вспомнил. Тяжело больной (его разбил паралич), одинокий и также всеми забытый Фальконе умер в 1791 году у себя на родине.

Что же касается ограды Летнего сада, то здесь все гораздо проще: при той жестокой системе рангов, которая существовала в России в XVIII веке, рассматривать работу подчиненного как свою собственную не считалось предосудительным — это было естественно. К тому же Егорова тоже уже четыре года, как не было в живых (он умер в 1789 году).

Коршунова приводит в качестве аргумента Формулярный список Фельтена, составленный им самим в 1793 году, но нигде не вспоминает о другом Формулярном списке — Петра Егорова. Он был составлен 5 марта 1786 года — за пять месяцев до окончания строительства ограды Летнего сада, и не самим Егоровым, а совершенно беспристрастным официальным лицом — протоколистом Иваном Харитоновым. Вот что мы в нем читаем: «...Штата сей Конторы заархитектор коллежский асессор Петр Егоров прошлого 1768 года, по требованию артиллерии полковника, что после был генерал-инженером Михайлы Ивановича Мордвинова, к строению Мраморного дома отослан был, который при оном по сей 1786 год и находился, а по ведомству Конторы строений находился только при строении каменной в Рождественских слободах церкви и железной по берегу Невы реки у Летнего саду решетки».

Ограда Летнего сада считается шедевром русской классической архитектуры последней четверти XVIII века. Однако переход к классицизму давался Фельтену с большим трудом. Вот что пишет по этому поводу Г.Г.Гримм в шестом томе «Истории русского искусства»: «В течение своей жизни Фельтен выполнил значительное число крупных сооружений. Как упоминалось, его произведения, наделенные чертами переходного стиля, несмотря на охватываемый ими большой период времени, поражают обнаруживающимся в них постоянством вкуса. Если мы могли сказать о Кокоринове, что его роль в становлении русского классицизма была основополагающей, что его творчество все время развивалось, если мы отмечали в творчестве Деламота взлеты и падения на пути развития новой архитектуры, если, наконец, в созданиях Ринальди можно проследить последовательный переход от традиций позднего барокко к принципам нарождающегося и крепнущего классицизма, то о Фельтене следует заметить, что хронология его произведений не отражает движения вперед. Проектная и строительная практика первых лет его самостоятельной деятельности, в сущности говоря, мало чем отличается от того, что мы наблюдаем на закате его жизни».

Ведь именно поэтому — на основании стилистического несоответствия ограды Летнего сада другим известным работам Фельтена — многие известные исследователи (И.Э.Грабарь, Г.Г.Гримм, С.П.Яремич и др.) и сомневались в его авторстве.

Главное достоинство ограды Летнего сада — в безупречно найденных пропорциях, гармонии, изящной простоте и благородстве рисунка. Но уже современники критиковали Фельтена за отсутствие именно этих качеств в его проектах. В 1766 году Бецкой обратился к преподавателям Академии художеств Ж.Б.Валлен-Деламоту и скульптору Н.Ф.Жилле с просьбой дать оценку проекту Большого тронного зала в Зимнем дворце, выполненному Фельтеном. А.Ф.Крашенинников в статье «Первые годы после Растрелли», опубликованной в книге «Эрмитаж. История и архитектура зданий» (Л., 1974), пишет по этому поводу: «Деламот подверг критике архитектуру зала в целом. Он отмечал несогласованность пропорций, несоразмерность частей архитектурного ордера и отдельных элементов». Никола Жилле «указал на дисгармоничность цветовых отношений».

С критикой творчества Фельтена можно встретиться и в наше время. В 1934 году С.П.Яремич в статье «Художества в период президентства И.И.Бецкого», опубликованной в известном сборнике «Русская академическая художественная школа в XVIII веке» (М.—Л., 1934), называет работы Фельтена «провинциальными чистенькими компиляциями», отмечает, что они «бедны по форме и маловыразительны», «поражают немощностью своего исполнения» и «убогим замыслом». Определяя творчество Фельтена в целом, он беспощаден: «...На всем лежит отпечаток трафаретности, а вследствие этого полное отсутствие творческой мысли».

Неблагоприятную оценку творчества Фельтена мы встречаем и в других работах крупнейших советских историков искусства. Г.Г.Гримм в статьях, опубликованных в шестом томе «Истории русского искусства», неоднократно характеризует работы Фельтена как «малоудачные», то и дело называет их «скучными» и «невысокого качества».

Поражает отсутствие у Фельтена бережного отношения к работам других архитекторов и, в частности, к произведениям своего учителя — Б.Ф.Растрелли.

После отставки Растрелли отделка интерьеров Зимнего дворца продолжалась еще долгое время. Она проходила под руководством архитекторов Валлен-Деламота и Фельтена. Как известно, Зимний дворец принадлежит к числу высших достижений не только русского, но и мирового зодчества XVIII века. И Фельтен не мог не понимать этого. Однако, работая здесь, Фельтен не только не проявил должной осторожности, но беспощадно изменил и переделал оформление многих интерьеров (далеко не в лучшую сторону).

Построив со стороны нынешней улицы Халтурина южный павильон Малого Эрмитажа, Фельтен решил соединить его с Зимним дворцом. Г.Г.Гримм пишет: «Чтобы соединить этот корпус с Зимним дворцом, Фельтен начал возведение нового поперечного флигеля с большим двухсветным залом во втором этаже. Это здание, непосредственно примыкавшее торцом к Зимнему дворцу, нарушило всю композицию восточного фасада дворца Растрелли».

Впоследствии эта постройка Фельтена была до основания разобрана Джакомо Кваренги.

Под руководством Фельтена осуществлялась также перестройка знаменитого Екатерининского дворца в Царском Селе. Г.Г.Гримм, называя перестройку Екатерининского дворца, осуществленную Фельтеном, «малоудачной», пишет: «Эта перестройка значительно нарушила и исказила стройную и четкую композицию дворца, воздвигнутого Растрелли». Впоследствии архитектору Ч. Камерону, на долю которого, как пишет Г.Г.Гримм, «выпала трудная задача» — проявить «немало такта, таланта и ума», чтобы переделать «наиболее неудачные части построек Фельтена».

В марте 1775 года было повреждено одно из зданий Смольного монастыря — самого совершенного и прославленного из произведений Растрелли. Фельтену было поручено исправить эти повреждения. В.Розадеев в книге «Смольный. Таврический дворец» (М., 1958) пишет: «Фельтен выстроил новый зал и пристроил к нему помещения для театра, значительно расширив часть корпуса. Этим было внесено первое искажение в растреллиевский ансамбль...»

О чем свидетельствует все сказанное? Об отсутствии у Фельтена большого дарования? Но, собственно говоря, его имя осталось в истории русского искусства только благодаря ограде Летнего сада. Об отсутствии у него бережного отношения к прекрасному, элементарной порядочности по отношению к своему учителю и товарищам по профессии? Как же иначе объяснить все эти «малоудачные», искажающие первоначальный замысел перестройки лучших творений Растрелли? Как понять содержание Формулярного списка за 1793 год, где он приписывает себе чужие работы? Челобитную 1772 года, где он считает возможным, в целях получения большего жалованья, противопоставить своим заслугам творчество Растрелли, Валлен-Деламота и других архитекторов? А «доношение» 1782 года, в котором он целиком зачеркивает труд Фальконе?

В вопросе об авторстве, помимо фактического материала, касающегося строительства ограды Летнего сада, большую роль играют личные качества Фельтена. В стремлении к карьере, чинам и благосостоянию он далеко не всегда был разборчив в средствах.

Итак, подведем итоги.

Аргументы, приводимые М.Ф.Коршуновой (решающее значение «проекта 1770 года», Формулярный список Фельтена за 1793 год), никак нельзя считать убедительными.

Авторство Фельтена не имеет документального подтверждения.

Ни один из сохранившихся 11 чертежей ограды Летнего сада не выполнен Фельтеном.

В огромном деле по строительству «железной решетки с воротами» (оно велось с 1770 по 1786 гг., насчитывает 509 листов и хранится в ЦГИА) нет ни одной строчки, которая могла бы подтвердить творческое участие Фельтена в ее создании.

В сооружении ограды Фельтен участвовал только как руководитель, начальник, главный архитектор и инспектор над мастеровыми Конторы строений, обязанный наблюдать за всеми постройками, находившимися в ее ведении. Его роль, с начала и до конца строительства, ограничивалась чисто административными функциями.

Проект ограды Летнего сада родился отнюдь не сразу — по мгновенному озарению гениального творца (в 1770 году). Как всякое подлинно прекрасное художественное произведение, ограда Летнего сада явилась результатом серьезной продолжительной творческой работы, основанной на множестве предварительных вариантов и поисков.

Автором ограды Летнего сада был Петр Егоров. Об этом свидетельствуют, как уже неоднократно говорилось, и чертежи, и многочисленные архивные документы. И, наконец, хочется еще раз напомнить: об этом совершенно четко свидетельствует Формулярный список Егорова за 1786 год. Он составлен, — что очень важно, — в период, когда строительство ограды Летнего сада еще продолжалось (почти за полгода до его окончания), и не самим Егоровым, а абсолютно беспристрастным официальным лицом — протоколистом Иваном Харитоновым. Между тем Формулярный список Фельтена, как упоминалось, составлен им самим через 7 лет после окончания строительства ограды (Егорова к тому времени уже не было в живых).

ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ

Рождественская церковь на Песках

Слобода Канцелярии от строений на Песках после того, как здесь была в 1753 году построена первая деревянная церковь, стала называться по ее имени — Рождественской. Это был один из самых бедных и малоблагоустроенных районов города. И. Пушкарев в «Описании Санкт-Петербурга» (СПб, 1841) так о нем рассказывает: «Хоть обширностию своею Рождественская часть превосходит другие части города, но она менее населена, улицы ее худо вымощены, строения скудны и некрасивы...» Читая это, невольно вспоминаешь известные пушкинские строки: «...Город пышный, город бедный...» Сказочное великолепие дворцов — и невзрачные жилища тех, кто их строил и украшал.

Но «служители Конторы строений» любили свою слободу. Здесь жили многие известные архитекторы и живописцы: Алексей Квасов (до того, как построил себе дом на Невском проспекте), Иван Вишняков, Алексей Антропов, братья Иван, Алексей и Ефим Бельские. В 1784 году известный архитектор Н.А.Львов купил участок, прилегающий к Рождественской слободе, и также собирался построить здесь собственный дом. В 1778 году, вероятно, где-то в Рождественской слободе начал строить себе дом и Петр Егоров.

Все они жили рядом, виделись изо дня в день, на службе и дома, были дружны — привыкли вместе делить и радость, и горе, и нужду.

Интересен круг людей, с которыми в той или иной степени мог быть связан Петр Егоров.

Близкое знакомство, если не дружба, по-видимому, соединяла его с известным художником А.П.Антроповым (во всяком случае, на свадьбе Ивана Бельского, живописца Конторы строений и старинного, самого близкого друга Антропова, поручителями выступали Антропов и Егоров). Возможно, их отношения возникли еще в те давние времена (начало 1750-х гг.), когда Егоров выполнял живописные работы на строительстве Оперного дома.

Антропов был живым, оригинальным, очень привлекательным человеком, отличался независимостью и самостоятельностью суждений. Он пользовался большим уважением и авторитетом. Дружба с ним в какой-то степени характеризует и Егорова.

Интересно отметить одно любопытное обстоятельство: в 1761 году Антропову поручили «списать портрет грузинского царя Теймураза

Николаевича», прибывшего в Петербург с большой свитой (возможно, в числе прибывших был и князь Егор Дадиани, в эти годы он еще был жив).

Антропов был дружен и близко связан со многими замечательными людьми своего времени. В 1758—1762 годах в слободе Канцелярии от строений в доме Антропова жил его ученик — молодой Д.Г.Левицкий. Став прославленным художником, Левицкий не прерывал теплых, «семейных» отношений с Антроповым, продолжая постоянно бывать в его доме. Трудно не предположить, что и Егоров был знаком с Левицким и, следовательно, имел возможность общаться с одним из самых талантливых и интересных людей своего времени. Известно, что Левицкого отличала высокая образованность, что в зрелые годы он был дружески связан с такими блестящими людьми, как Н.И.Новиков, Г.Р.Державин, Н.А.Львов.

Хорошо должен был знать Петр Егоров и профессора Академии художеств Г.И.Козлова. Их молодость одинаково начиналась в 1750-е годы в Канцелярии от строений. Не один раз они работали рядом на строительстве великолепных дворцов для императрицы Елизаветы Петровны. В документах Канцелярии от строений тех лет рядом с именем живописца Г.Козлова стояла неизменная помета: «князя Тюфякина человек ево Гаврила». Г.И.Козлов, бывший крепостной князя Тюфякина, в 1776 году возглавил класс исторической и портретной живописи в Академии художеств. Известно, что Козлов был дружен с Антроповым и Левицким (в 1769 году Левицкий написал его портрет). Возможно, что и он бывал у своих друзей в Рождественской слободе.

Нельзя не отметить, что в 1770-е годы дом Г.И.Козлова на Васильевском острове стал одним из интереснейших центров русской культуры, где постоянно встречались А.П.Антропов, А.П.Лосенко, Д.Г.Левицкий, Ф.С.Рокотов, В.И.Баженов, А.Ф.Кокоринов. Неизменным гостем здесь был Ф.В.Каржавин, крупный деятель отечественной культуры (Г.И.Козлов был женат на его старшей сестре). Не будет большой смелостью предположить, что здесь мог бывать и Петр Егоров.

В 1770-е годы старая деревянная Рождественская церковь стала приходить в негодность. В июле 1779 года ее смотрители — Алексей Антропов и Иван Бельский подали в Контору строений рапорт, где говорилось о необходимости «исправления в оной церкви ветхостей». 6 июля 1779 года Петру Егорову «обще с архитектурии механических дел ранга подпоручикского Брунштейном» было поручено «оные ветхости» осмотреть и представить смету на ремонт. Одновременно по специальному указу императрицы было предписано начать за счет казны строительство новой каменной церкви. Петру Егорову поручили выполнить ее проект и смету.

Так начинается «Дело об учинении заархитектору Егорову на построение каменного Рождества Иисуса Христова плана двух фасадов со сметами и о заготовлении к тому материалу. Начато 6 июля 1779 года — кончено 19 августа 1788 года». В этом обширном деле, насчитывающем 275 листов, нашла отражение вся история строительства Рождественской церкви.

В августе того же года в Контору строений от Петра Егорова поступает рапорт: «По силе указа оной Конторы минувшего июля 6 числа зделанные мною для постройки в состоящих за Лигофским каналом ве-

Рождественская церковь. 1779—1788 гг.

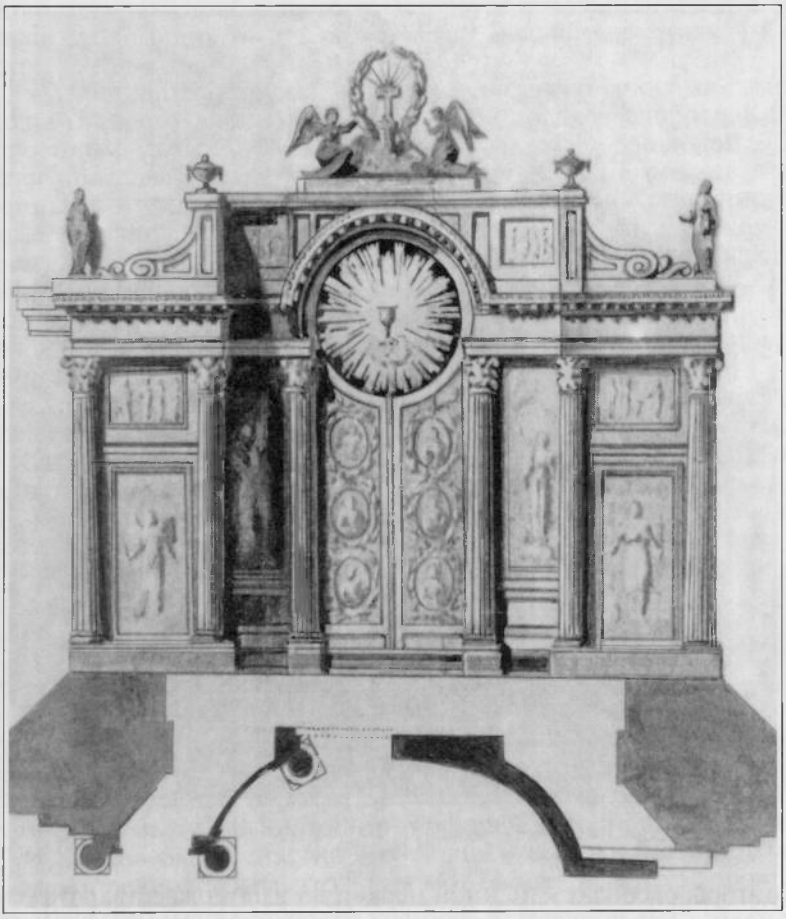
домства сей Конторы слободах каменной церкви во имя Рождества Иисуса Христова как план с профилью и фасады на два манера, так на сколько каких материалов и на работных людей суммы потребная смета при сем на разсмотрение представляется».

Как видим из рапорта, проект церкви был сделан Егоровым «на два манера», т.е. в двух вариантах. По какому из них она строилась, неизвестно, т.к. чертежи не сохранились.

18 сентября 1781 года были забиты сваи под фундамент и началось строительство, которое все время шло «под присмотром господина надворного советника и заархитектора Егорова».

В 1788 году, когда были освящены первый и второй приделы, новая Рождественская церковь начала действовать (в этом же году «старый деревянный Рождественский храм» было приказано разобрать «на дрова»). Однако официальное открытие церкви состоялось лишь через десять лет, когда в присутствии царского двора 8 сентября 1798 года был освящен главный придел — во имя Рождества Христова.

Первоначальный облик Рождественской церкви (она была значительно перестроена в XIX веке) в какой-то степени можно восстановить по архивным и литературным источникам. Наиболее подробно о строительстве церкви рассказано в книге В.Маслова «Краткое описание

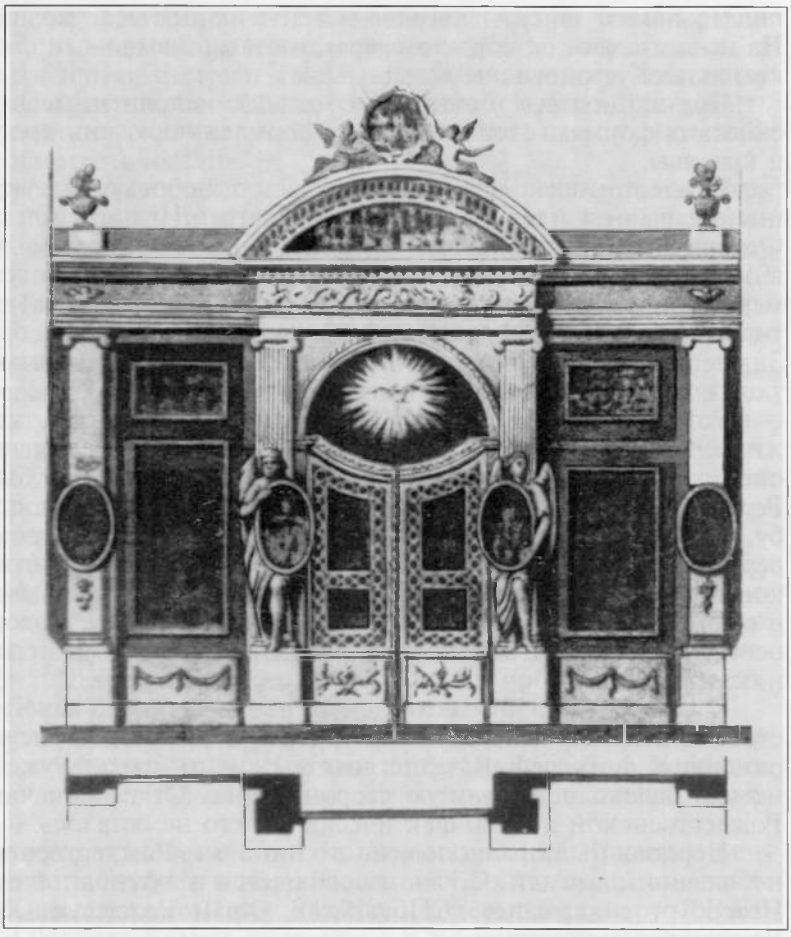


Большой иконостас Рождественской церкви.

Христорождественской церкви на Песках...» (СПб, 1887), написанной в связи с ее столетним юбилеем.

Здание церкви было построено в стиле русского классицизма. В плане имело форму греческого креста. Основной массив венчал большой купол на невысоком барабане с четырьмя круглыми окнами, завершающийся глухим фонариком с крестом. В общую композицию церкви включались две колокольни, расположенные по обеим сторонам от центрального купола. Каждая из них завершалась куполом с глухим фонариком и невысоким шпилем с крестом.

Церковь имела четыре входа, главный из которых (западный) был декорирован портиком с колоннами. Ее фасады были выполнены в простой и ясной манере, какие-либо украшения почти полностью отсутствовали. Внутреннее пространство церкви разделялось на три нефа. Массивные колонны поддерживали купол и своды. В восточной части был расположен большой иконостас, в северной и южной — два малых. Чертежи иконостасов, выполненные Егоровым, сохранились до нашего времени (ГМИСПб, № 4807, 4808).



Малый иконостас Рождественской церкви.

Большой иконостас Рождественской церкви имел в плане полукруглую форму и был декорирован коринфскими трехчетвертными колоннами с каннелюрами. Царские врата украшали медальоны с изображениями святых (иконы). Карниз был отделан «сухариками». На высоком, украшенном иконами аттике, по сторонам которого шли волюты, были расположены вазы и фигуры ангелов, поддерживающих венок с помещенным в центре распятием. На карнизе — скульптуры, изображающие святых, на стенах — иконы.

Малый иконостас декорирован ионическими пилястрами, каннелюрованными в центре, гладкими — по сторонам. На царских вратах, расположенных в центре, скульптурные фигуры ангелов, стоящие на пьедесталах пилястр и поддерживающие овальные медальоны-иконы (такие же медальоны расположены на боковых пилястрах). Фриз центральной части украшен волютообразным орнаментом, и вся она завершается полукруглым фронтоном, отделанным «сухариками», с тимпаном, в котором, вероятно, предполагалось поместить (по традиции) икону «Тайная вечеря». Над фронтоном помещено изображение святого духа, которое

поддерживают фигуры ангелов. Стены иконостаса украшены иконами. На пьедесталах под царскими вратами и иконами — гирлянды. На гладком аттике установлены вазы.

Оба иконостаса (большой и малый), исполненные в строгих классических формах, сдержанны по оформлению, очень пропорциональны и красивы.

Рождественская церковь строилась с любовью. Ее украшали живописные работы Алексея Антропова, братьев Ивана и Алексея Бельских, Федора Данилова и других художников. Пол был дубовый, паркетный, в отдельных местах выстлан итальянским мрамором. Сохранилась письменная просьба Петра Егорова (от 9 сентября 1787 года) отпустить «путиловского камня» и «белого итальянского мрамора со строительства Зимнего дома» для «положения к возвышению перед алтарем ступений», т.е. для солеи.

Рождественская слобода была бедной, но люди, которые в ней жили, были причастны к искусству, понимали, чувствовали и могли оценить прекрасное. Все главные события их жизни были связаны с Рождественской церковью: здесь принимали присягу, поступая на службу, венчались, крестили детей, отпевали. Поэтому строительство, доверенное Петру Егорову, налагало на него особую ответственность. Церковь должна была стать самым красивым и значительным сооружением в слободе, должна была приносить радость людям, которые ему были особенно близки и дороги, — родным, друзьям, многолетним сотрудникам по работе.

К сожалению, Рождественскую церковь такой, какой она была построена Егоровым, представить трудно. Сохранились рисунок с ее изображением, фотографии, но на них мы видим церковь уже в перестроенном (и далеко не в лучшую сторону) виде. От первоначального облика Рождественской церкви фактически ничего не осталось.

Церковь была расположена в конце 6-й Рождественской улицы, на небольшой площади. Об этом сообщается в путеводителе А.Греча «Весь Петербург в кармане» (СПб, 1951): «Храм Рождества Христова в 6-й Рождественской улице».

До наших дней здание Рождественской церкви не сохранилось. Оно было разобрано в 1933 году.

Другие работы 1770—1780 годов

Ранним утром 10 сентября 1777 года в Петербурге началось наводнение — самое сильное со дня основания города. Пострадали дома, улицы, набережные, сады. Известный поэт XVIII века М.Н.Муравьев, современник событий, писал отцу: «Куда ни пойдешь, на всякой улице позорище печали и разорения...»

Во время этого наводнения снова пострадал Петропавловский собор (лишь несколько лет назад под руководством С.А.Волкова была восстановлена его колокольня, разрушенная в 1756 году ударом молнии). 9 октября 1777 года Алексей Дьяков, находившийся «при строении Петропавловской колокольни», обратился в Контору строений с просьбой прислать к нему «от сей Конторы сего октября 12-го дня архитекторов... строительного дела мастеров для осмотра новопостроенной при

церкви святых апостолов Петра и Павла колокольни, не сделалось ли на оной во время бывшей 10-го сентября великой бури повреждений, и не пошатнулся ли шпиц, а ежели какое повреждение по свидетельству окажется, то представить свое мнение, какими средствами то исправить и смету с вычислением сколько дней будет потребно; при церкви оной и трещины бы осмотреть имели».

Контора строений «определила»: «...Для вышеописанного осмотра Петропавловской колокольни и на оной шпица и ежели какое повреждение окажется, то и для подачи мнения со сметами так же и осмотру при церкви трещин у именованного господина Дьякова сего октября 12 дня явиться ведомства оной Конторы заархитектору и титулярному советнику Егорову, мастерам каменного дела Руску и правящему должность плотничного мастера Вуншу...»

Петропавловский собор (арх. Д.Трезини) — уникальный памятник русской архитектуры первой четверти XVIII века. Все работы, связанные с ним, считались делом государственной важности. Приглашение Егорова как консультанта по осмотру повреждений, а также для составления плана и сметы восстановительных работ свидетельствует о его немалом авторитете как специалиста.

Огромный урон был причинен наводнением 1777 года и Летнему саду. Как известно, Летний сад был «регулярным» — с прямыми аллеями, аккуратно подстриженными деревьями, с цветочными клумбами изысканного рисунка и причудливыми фонтанами. Эти фонтаны, которые очень любил Петр I, не уступали по красоте прославленному ансамблю Петергофа и придавали саду особенное великолепие.

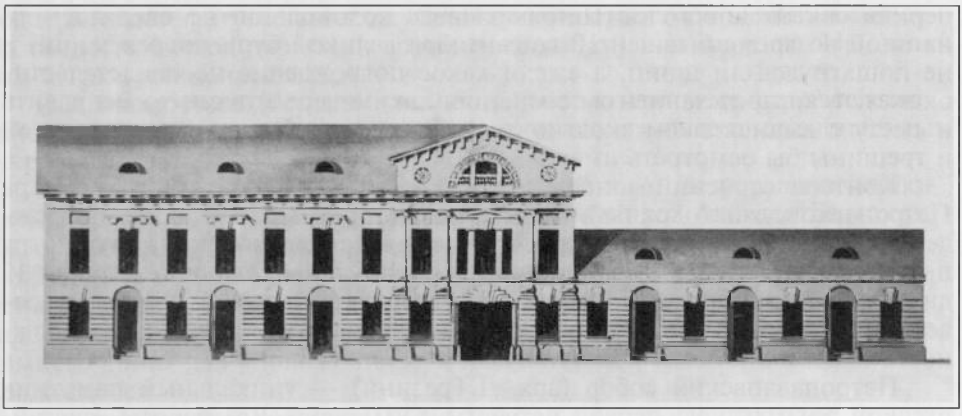
В числе других повреждений, причиненных Летнему саду наводнением 1777 года, был разрушен и замечательный ансамбль фонтанов (их было более пятидесяти) вместе со всей сложной системой водоснабжения.

Летний сад находился в ведении Конторы строений, поэтому Бецкой дает указание приступить к восстановлению фонтанов. Составление планов и смет было поручено Петру Егорову и генерал-инженеру Ф.В.Бауру. 17 января 1780 года Егоров представил в Контору строений рапорт на многих листах с подробным описанием плана восстановления фонтанов (с более совершенной системой водоснабжения). К плану прилагались сметы, которые также составил Петр Егоров.

Но Екатерина II не любила Летний сад, считала его «обветшалым хламом». В этот период она увлекалась созданием английских «пейзажных» парков. К фонтанам же у нее было совершенно определенное отношение. Еще в 1772 году она писала Вольтеру: «Я страстно люблю теперь сады в английском вкусе, кривые линии, пологие скаты, пруды в форме озер... и глубоко презираю прямые линии. Ненавижу фонтаны, которые мучат воду, давая ей течение, противное ее природе».

Восстанавливать фонтаны Летнего сада Екатерина II не захотела. 18 декабря 1781 года она пишет Бецкому: «...Как в рассуждении фонтанов, находящихся в саду Летнего нашего дворца, мы имеем особое наше решение, о котором не преминем всех уведомить: повелеваем всякую работу до сих фонтанов касающуюся остановить, сумму на то отпущенную обратить на окончание строения в Эрмитаже, на которое вы в прошедшие 1779 и 1780 годы отпуска денег требовали».

Таким образом, чудесный ансамбль фонтанов Летнего сада не был



А.П. Егоров (сын П.Е.Егорова). Проект надстройки к одноэтажному дому. Вторая половина XVIII в.

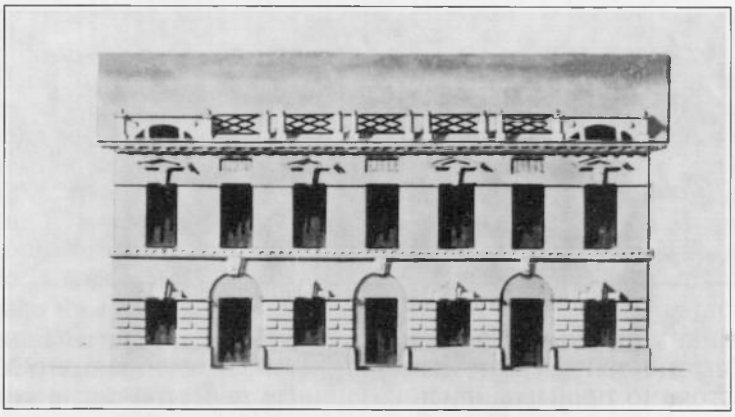
восстановлен. Его свинцовые фигуры (по мотивам басен Эзопа) императрица подарила Бецкому.

В 1779 году Екатерине II «благоугодно оказалось, чтобы площадь, лежащая против Зимнего императорского дворца, застроена была домами». В том же году Академия художеств объявила конкурс «на сочинение проекта обстройки Дворцовой площади» по схеме, разработанной «Комиссией о каменном строении Санкт-Петербурга и Москвы». Победителю была обещана награда «в триста червонцев».

5 октября 1780 года Совет Академии художеств (в его состав с 1773 года входил Ю.М.Фельтен) подвел итоги конкурса. Премия была присуждена проекту Фельтена. Смету на постройку «домов против палат монарших» составил Иван Фок. По-видимому, в строительстве этих домов участвовал и Петр Егоров. В «Азбучном указателе имен русских деятелей...» (СПб, 1887) можно прочесть: «Петр Егоров... в 1782 году строил дома против Зимнего дворца». До наших дней эти дома не сохранились: в начале XIX века они были перестроены архитектором Карлом Ивановичем Росси в грандиозное здание Главного штаба.

В августе 1783 года Петру Егорову было поручено сочинить «прожект домов для священнослужителей при церкви Казанской Богоматери».

В 1733—1737 годах на Большой перспективной дороге, как тогда называли Невский проспект, была построена церковь Казанской Божьей Матери (Рождества Богородицы). Предполагается, что ее автором был М.Г.Земцов. Эта церковь очень почиталась, т.к. в ней хранилась икона Казанской Божьей Матери, считавшаяся покровительницей царского дома (во время переворота 1762 года Екатерина II принимала здесь присягу гвардейских полков). Во второй половине XVIII века Казанская церковь очень обветшала, и Екатерина II решила построить новый собор. Сочинение проектов было поручено архитекторам Н.А.Львову и Д.Кваренги. По-видимому, именно в связи с этим новым проектом Казанского собора предполагалось построить также и дома для его «священнослужителей». Однако этот замысел осуществлен не был. Новый Казанский собор был построен значительно позже, в начале XIX века, по проекту архитектора А.Н.Воронихина. Тогда же при нем был по-



А.П. Егоров. Проект двухэтажного дома с тремя входами. Вторая половина XVIII в.

строен по проекту архитектора В.П.Стасова и «дом для церковнослужителей».

В 1786 году Егоров был направлен на строительство дома банкира Штегельмана. Об этом мы узнаем из Формулярного списка, составленного 5 марта 1786 года: «...А как Мраморный дом строением кончен и он Егоров от оного уволен, а по строениям по ведомству сей Конторы в архитекторах настоит нужда... то и препоручить ему Егорову строение по садам, по Мастерскому двору, по Штегельманскому дому и в Екатерингофе, да сверх того смотрение иметь за чертежною».

В 1750—1753 годах Б.Ф.Растрелли построил для богатого купца и придворного поставщика Г.Х.Штегельмана большой каменный двухэтажный дом. В конце 1770-х годов в этом доме после женитьбы на Е.Н.Зиновьевой поселился граф Г.Г.Орлов. В 1783 году он скончался, а дом перешел к А.Г.Бобринскому (сыну Екатерины II и Г.Г.Орлова).

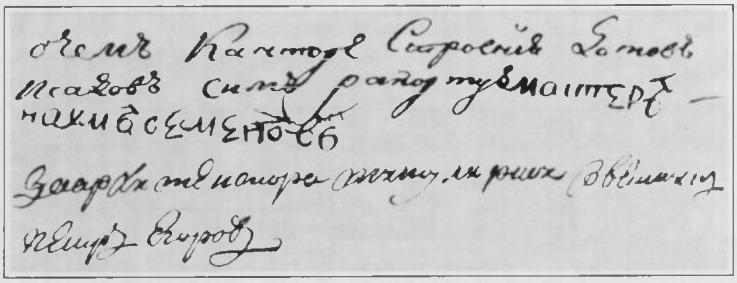
Во второй половине XVIII века дом Штегельмана был значительно перестроен, приобретя характерные черты архитектуры русского классицизма. Автор проекта перестройки неизвестен. И.Э.Грабарь предполагает, что им был В.И.Баженов: «...Либо в сочинении проекта принимал участие сам Баженов, либо строивший здание архитектор пользовался его постоянной консультацией». С.П.Яремич считал, что «авторство дома, построенного для банкира Штегельмана, принадлежит Валлену де ля Мотту». Одно время автором перестройки дома называли Ю.М.Фельтена (по данным паспорта на дом банкира Штегельмана, хранящегося в ГИОП).

П.Е.Егоров находился «при строении Штегельманского дома» в течение трех лет: с 1786 по 1788 годы.

Дом Штегельмана сохранился до наших дней и считается выдающимся памятником русской архитектуры XVIII века. И.Э.Грабарь называл его «первоклассной постройкой» и считал, что историей его строительства «следует серьезно заняться».

В эти же годы Петр Егоров работал в Екатерингофе.

В начале XVIII века Петр I построил для своей жены небольшой загородный дворец — Екатерингоф (буквально — «двор Екатерины»), возле которого сразу разбили парк. Кроме Екатерингофа, в те же годы здесь были построены дворцы для Петра I (Подзорный дворец) и ве-



Автограф П.Е. Егорова.

ликих княжон — Анны (Анненгоф) и Елизаветы (Елизаветгоф). Всю эту местность называли Екатерингофом. В течение всего XVIII века здесь постоянно производились различные перестройки, в которых неоднократно участвовал и Петр Егоров (в 1760-е и 1780-е годы).

Неподалеку от Конторы строений были расположены так называемые «магазейны» (склады), в которых хранились, как отмечал историк Петербурга А.И.Богданов, «всякие леса и другие к строению годные материалы». В июне 1786 года И.Е.Старов подал в Контору строений рапорт, в котором говорится, что по «именному Ея Императорского Величества указу» срочно требуется починить «стоящие на берегу Невы реки магазейны». Рассмотрев рапорт Старова, Контора строений поручает Егорову выполнить проект и смету перестройки «магазейнов»: «...Господину надворному советнику Егорову предписать указом, чтобы он сообразно материалам, какие есть и должны быть при магазейнах, о каких дать ему сведения, сделал бы чертежи и смету с описанием подробным и со обозначением мест, где и какому материалу хранение иметь должно, и по сделании представил бы в Контору немедленно, дабы не упустить удобного времени».

Летом 1784 года Иван Дункер и Петр Егоров по указу Конторы строений были направлены на осмотр «разбираемого Оперного дома», расположенного в юго-западном угловом корпусе Зимнего дворца. Сохранился их рапорт «Об осмотре Зимнего дворца», который они подали в Контору строений 9 июля 1784 года.

В сентябре 1787 года «по требованию губернского суда» Контора строений поручает «господам надворным советникам Фоку и Егорову» осмотреть в связи с обнаруженными в нем повреждениями «дом бригадирши Кожиной». Фок и Егоров должны были «по этому поводу дать заключение суду».

Итак, в конце 1780-х годов Егоров по-прежнему составляет проекты и сметы, строит, участвует в экспертизах и, кроме того, «смотрение имеет за чертежною» — руководит чертежной мастерской.

В июле 1788 года архитектору и инспектору над мастеровыми И.Е.Старову и заархитектору П.Е.Егорову было дано указание, чтобы они «каждый по своему прожекту зделали для Конторы строений корпуса». По тому проекту, который признан будет «за лучший», предполагалось построить новое здание Конторы строений.

Работа над проектом «апартамента Конторы строений» была последней в жизни Петра Егорова.

«Умер в госпитале»

В 1787 году И.Е.Старов снова делает попытку «наградить архитекторами» Петра Егорова и Ивана Фока. В протоколе Конторы строений от 12 апреля 1787 года читаем: «...По рапорту от надворного советника и над мастеровыми инспектора и кавалера Старова определили: представить И.И.Бецкому за труды, доброе поведение наградить чинами и прибавкою жалованья: 1. По архитектурной команде заархитекторов Ивана Фока и Петра Егорова, которые в службе состоят Фок с 760-го, заархитектором с 765-го, Егоров в службе с 755-го, заархитектором с 768-го годов. Возложенные на них должности исправляют с особливым трудом и в архитектурном художестве достаточное знание имеют. Наградить архитекторами и производить жалованье Фоку по семи сот пятидесяти рублей, Егорову по шестисот рублей в год».

Но и на этот раз ни Фок, ни Егоров звание архитектора не получают. В данном случае, по-видимому, основную роль сыграло новое обстоятельство: в Конторе строений теперь не было по штатному расписанию «вакантной архитекторской должности» (с 1779 года ее занимал Иван Дункер). По докладу Сената от 8 августа 1765 года, утвержденному императрицей, производство канцелярских служащих разрешалось «единственно по ваканции в штатное число», т. е. только на освободившиеся (вакантные) места.

Впрочем, создается впечатление, что отсутствие звания архитектора как у Егорова, так и у Фока носило формальный характер. Интересно, что Фок уже в документах 1782 года расписывался как: «в должности архитекторской коллежский асессор Иван Фок» (официально же он получит это звание только через 15 лет — в 1797 году). Егорова также нередко в документах называют «архитектором». Начиная с 1787 года Контора строений назначает Егорову жалованье 600 рублей (оклад архитектора), а с 1789 года — 750 рублей, что вместе с жалованьем преподавателя архитектурной школы составляло сумму 910 рублей (по Формулярному списку 1798 года, почти через 10 лет, архитекторы Фок и Дункер также получали 750 рублей; даже оклад Старова, хоть он и занимал должность Фельтена, был не 1200, а 900 рублей).

В 1789 году в связи с успешным ходом русско-турецкой войны и взятием Очакова некоторые из работников Конторы строений, — среди них и Петр Егоров, — получают медали (еще одну медаль Егоров получил раньше, в 1782 году). Вот и все его награды.

Весна 1789 года была последней в жизни Петра Егорова. В конце апреля 1789 года в документах Конторы строений можно найти еще рапорты Егорова, а 12 мая 1789 года его не стало.

В протоколе Конторы строений от 19 мая 1789 года читаем сообщение о его смерти: «Петр Егоров умер 12 мая 1789 года в госпитале, заархитектор, надворный советник, жалованье в год получал 750 рублей. На погребенье деньги занимала жена Анна Филиппова дочь у надворного советника Легкого, о чем засвидетельствовал секунд-майор Дмитрий Соболев».

Что еще можно рассказать о Петре Егорове? Все документы о нем начинаются неизменной фразой: «родом из чуваш», «из чуваш новокрещеный». И этот факт, как и в начале его биографии, снова помогает нам предположить многое. Чтобы при столь «подлом», по терминологии

того времени, происхождении сохранить человеческое достоинство, работать творчески и не погибнуть в буквальном смысле этого слова, надо было обладать не только талантом, но и определенным характером — мужеством, настойчивостью, той «благородной упрямкой», о которой любил говорить Ломоносов.

Иной раз о художнике рассказывает и полученный им чин. Напомним: в 1786 году, сразу после окончания строительства Мраморного дворца, Егоров, несмотря на «низкую породу», был утвержден Правительствующим Сенатом «в надворные советники». В XVIII веке такой чин сразу давал человеку определенную характеристику, был символом его значимости. Достаточно сказать, что Фельтен, а после него — Старов, занимая должность главного архитектора Конторы строений, также были надворными советниками.

Протоколы Конторы строений, «репорты», формулярные списки, «доношения» сохранили до нас не так уж много сведений. Однако даже сквозь их лаконичные, казенные, сухие строчки иногда прорываются не совсем стандартные фразы. Мы узнаем, например, что Петр Егоров был «весьма достойным человеком», которого отличало не только «особливое трудолюбие», но и «наивсегда добропорядочные поступки».

В какой-то степени — и, думается, в немалой — Егорова как человека характеризует и то доброжелательное отношение, которое он неизменно вызывал к себе, сталкиваясь в жизни с такими замечательными людьми своего времени, как Е.Л.Дадиани, В.В.Фермор, А.В.Квасов, И.Е.Старов, А.П.Антропов.

Вот и все, что пока известно об архитекторе Петре Егоровиче Егорове. Заканчивая о нем рассказ, хочется напомнить слова, которые сказал когда-то известный просветитель, писатель и журналист Н.И.Новиков (в «Опыте исторического словаря») о русском ученом, путешественнике, выходце из народных низов — С.П.Крашенинникове. Эти слова подходят ко многим талантливым людям XVIII века, подходят они и к П.Е.Егорову: «Он был из числа тех, кои не знатностию породы, не благодеянием счастия возвышаются, но сами собою, своими качествами, своими трудами и заслугами прославляют свою породу и вечного воспоминания делают себя достойными».

Из статей искусствоведа Р.Д. Люлиной

ПЕТР ЕГОРОВ — СОЗДАТЕЛЬ ОГРАДЫ ЛЕТНЕГО САДА

Известный поэт пушкинской поры, боевой участник военных кампаний 1807, 1808 и 1813 гг. К.Н.Батюшков еще в 1814 г. писал о Петербурге и об одном из самых типичных его архитектурных сооружений: «Надобно видеть древние столицы: ветхий Париж, закопченный Лондон, чтобы почувствовать цену Петербурга. Смотрите, какое единство, как все части отвечают целому, какое разнообразие, происходящее от смешения воды со зданиями! Взгляните на решетку Летнего сада, которая отражается зеленью высоких лип, вязов и дубов! Какая легкость и стройность в ее рисунке! Я видел славную решетку Тюльерийского замка, отягченную, раздавленную, так сказать, украшениями, пиками, касками, трофеями. Она безобразна в сравнении с этой!»[1]

Ограда Летнего сада принадлежит к числу выдающихся произведений русской архитектуры последней четверти XVIII в. Совершенная ясность построения и классическая красота форм являются ее отличительными чертами. Прекрасной прозрачной стеной поднимается она на берегу величественной Невы. Ее кованая решетка укреплена на невысоком гранитном цоколе между стройными пепельно-розовыми гранитными же колоннами тосканского ордера, на широких капителях которых, чередуясь, поставлены то стройная на тонкой ножке ваза, то массивная и вместе с тем изящная урна. С момента своего создания ограда неизменно и заслуженно находит себе самую высокую оценку. Через сто лет после К.Н.Батюшкова И.Э.Грабарь в своей «Истории русского искусства», называя ограду Летнего сада «несравненной», писал: «Мы не знаем в Европе решетки, которая была бы сочинена так изумительно просто и производила бы такое торжественное и величественное впечатление»[2].

Создателем ограды Летнего сада долгое время считался архитектор Ю.М.Фельтен. Наличие подписных чертежей, казалось, подтверждало его авторство, но явное несоответствие ограды Летнего сада с художественной манерой сооружений, которые выполнены бесспорно Фельтеном, поставило его авторство под сомнение.

Еще в 1934 г. в работе «Русская академическая художественная школа в XVIII веке» С.П.Яремич подверг острой критике всю деятельность Фельтена вообще. В результате произведенного им сравнительно-стилистического анализа Яремич решительно отрицает авторство Фельтена в отношении ряда приписываемых ему сооружений, таких, например, как бывший

дом Штегельмана на Мойке, д. 50, а также и ограды Летнего сада. «Фельтена признают автором, — писал Яремич, — гениальной решетки Летнего сада и монументальной облицовки берега Невы. Непонятно, как создалось такое абсурдное положение, что сооружения столь высокого стиля, притом с резко выраженными признаками французского вкуса, притом носящие на себе отпечаток абсолютной цельности и единства приемов, могли быть приписываемы архитекторам, работавшим в традициях Растрелли, никогда не видавшим ни Франции, ни Италии, а вследствие этого лишенных возможности изучения памятников ни той, ни другой страны, незнакомых ни с европейской школой, ни со средой»[3].

Из своих в отдельных случаях верных историко-художественных наблюдений Яремич сделал следующий, никакими фактами не обоснованный и неожиданный вывод: «Бесспорно, это одно из наиболее совершенных созданий этого рода, равным образом бесспорно и то, что автор ее француз»[4]. Дальше Яремич говорит, что автором ограды Летнего сада мог быть только архитектор Деламот, француз по происхождению, приехавший в Россию 8 сентября 1759 г.

Однако более чем своеобразная «аргументация» С.Яремича в пользу авторства Деламота не подтверждается никакими ни документальными, ни историко-стилистическими данными.

Несмотря на наличие двух подписанных Фельтеном чертежей, Г.Г.Гримм, вслед за С.П.Яремичем, также считал невозможным приписывать авторство ограды Летнего сада Фельтену[5].

Между тем в Центральном государственном историческом архиве г.Ленинграда научным сотрудником Государственной инспекции обнаружены дела о строительстве ограды Летнего сада. В своей, находящейся в рукописи, работе «Участие предприятий русской строительной и художественной промышленности XVIII—XIX вв. в строительстве Ленинграда» А.Н.Петров, ссылаясь на эти документы, дает краткую историю строительства ограды (с. 28—40 рукописи) и на основании привлеченных им документов приходит к следующему выводу: «В разработке чертежей участвовали рядовые архитекторы конторы строений Егоров и Фок. Этих последних следует считать соавторами Фельтена»[6].

Но анализ всех имеющихся документов о проектировании и строительстве ограды Летнего сада, в том числе и ряда документов, не использованных в работе А.Н.Петрова, приводит к иному, чем у последнего, выводу. Кроме того, необходимо поставить в связь с этими документами также проектные чертежи ограды, в своей большей части оставшиеся до сих пор неизвестными.

На основании всех документов, впервые вводимых в научное обращение, строительство ограды Летнего сада рисуется следующим образом.

В сентябре 1770 г. «тайный советник над строениями Ея Императорского Величества домов и садов» главный директор Академии художеств Иван Иванович Бецкой направляет в Контору строений домов и садов предписание, в котором говорится, что императрица «соизволила» поставить на берегу Невы у «Первого Летнего сада» железную решетку со столбами на каменном фундаменте; материалы приказано заготовить заранее, чтобы весной приступить к строительству.

Архитектор Фельтен представил смету на 10914 рублей[7].

На протяжении двух лет происходят торги мастеров на металлические работы. Всего состоялось 12 торгов. В торгах принимали участие рус-

ские и иностранные мастера, из них восемнадцать было немцев и семь русских[8].

Купец Игнатий Денисов запросил цену меньше всех. Он взялся сделать решетку на своем заводе в Туле. Контора строений высказывается за него не только потому, что запрошенная им цена наименьшая. Сохранилось донесение Бецкому о том, что отдают сделать решетку купцу Игнатию Денисову, потому что он всегда исправно производил поставку материалов и припасов и потому лучше отдать сделать работу «хотя бы и дороже, но верному мастеру»[9].

24 июля 1773 г. с Денисовым заключают контракт, по которому он к декабрю того же года обязуется сделать одно звено решетки[10].

В октябре 1773 г. в Контору строений домов и садов поступил рапорт надворного советника Фельтена, в котором говорится следующее: «...Учиненные заархитектором Егоровым шесть чертежей мною рассматриваны и при сем во оную Контору представляются, по которым и работу производить должно»[11].

Как видно из приведенных документов, постройкой ограды Летнего сада ведал фактически руководитель Конторы строений архитектор Фельтен. В его подчинении было несколько «заархитекторов», в том числе и Петр Егоров. Кто же такой он был?

7 февраля 1774 г. Контора строений запросила Фельтена о том, кого из работающих с ним «заархитекторов» он мог рекомендовать на «архитекторскую должность». На это Фельтен отвечает, что «из состоящих у него заархитекторов Петр Егоров в познании архитектуры в теории и практике весьма преимущественнее других и потому его знание при означенной конторе должность архитекторскую отправлять может... и к награждению архитектором достойным признаваем».

Фельтен просил, «дабы оная контора благоволила его Егорова... и по точному знанию в архитектуре произвести архитектором... почему и должность архитекторскую... ему поручить...»

Фельтен представляет в архитекторы еще «заархитектора» Ивана Борисовича Фока, в конце того документа он опять «в знании против других...» предпочитает Петра Егорова[12].

Однако, по неизвестным причинам, Егоров и Фок тогда звания архитектора не получили. В документах за последующие годы они по-прежнему именуются «заархитекторами», и только в 1784 г. в подписи рядом со своим именем Егоров пишет вместо чина титулярный советник — коллежский асессор.

Составленные Егоровым чертежи подписаны Фельтеном, очевидно, потому, что последний был обязан рассмотреть и подписать чертежи своего подчиненного прежде, чем направить их в Контору строений (тем более, что Егоров не имел еще звания архитектора). Это подтверждается и другим документом 1778 г. (см. ниже).

Если проследить дальше за ходом строительства, то обнаруживается непосредственное участие в нем одного только Егорова. Он все время пишет в Контору строений донесения о ходе строительства, осматривает вместе с мастерами кузнечного и слесарного дела выполненную работу. Иными словами, именно Егоров выполняет все обязанности авторского надзора в ходе строительства ограды Летнего сада.

Так, 18 июня 1775 г. он вместе с мастером слесарной работы Антроповым и мастером кузнечного дела Малерберхом осмотрел качество ковки

пробного звена, присланного Денисовым, и признал, что оно сделано «самою чистою и против чертежа и модели сходственною работою»[13]. 28 ноября 1775 г. Денисов прислал 14 звеньев и большие ворота. Егоров с мастерами осмотрел их и признал работу хорошей и прочной[14].

К 1778 г. были доставлены все 32 звена, одни большие и двое малых ворот. В 1777 г. приступили к изготовлению медных украшений. 25 ноября 1777 г. Егоров рапортует в Контору, сколько к железной решетке нужно «шниркулей, копий и репьев»[15]. Он вместе с мастером Наумом Семеновым составил смету и список нужных материалов для изготовления медных украшений[16].

28 ноября 1778 г. Контора строений дает распоряжение: «заархитекторам» Егорову и Фоку, чтобы они «как наивозможно вскорейшем времени сделали следуемый чертеж медному украшению на ворота и на рассмотрение архитектору Фельтену представили и который им за лучший признан будет для зделания сметы представить в контору почему бы сия контора могла зделать на мастерском дворе пробу во что каждая штука станет»[17].

Неизвестно, чей чертеж был принят, Егорова или Фока, однако есть основания полагать, что Егорова. Например, все отчеты в последующем ходе изготовления медных украшений подписаны им одним, только Егоров следил за изготовлением медных украшений «в решетку и ворота».

В 1778 г. был заключен контракт с «Санкт-Петербургского медного цеха и золотых дел мастерами Яганом Тумом и Карлом Форшманом с товарищами Фридрихом Георги и Фридрихом Шперлингом» на изготовление украшений на решетку и ворота. 13 мая 1779 г. сделали «репья» (т.е. розетки), однако они оказались «весьма малы»[18], в связи с чем из Конторы строений последовал указ, чтобы для изготовления медных «репьев» назначили мастера Наума Семенова[19].

27 мая 1784 г. был заключен новый контракт с мастерами Тумом, Форшманом и Шперлингом — они взялись сделать медные украшения над тремя воротами[20].

Егоров все время контролирует их работу. 4 ноября 1784 г. он докладывает, что «30 октября был у мастеров и по осмотру оказалось, что на двои малые ворота из меди украшения отлиты, кроме корзинок, по отливанию которых формы приготовлены и в зделанное слесарною работою железо на место приплавлено и с того украшения ими через огонь голландским червонным золотом вызолочена средняя большая кудреватая штука наподобие дерева, репьев больших три пары, алагрек один на большие ворота вызолочен же, другой на малые ворота с прочими изготовленными штуками золочением производить начато»[21].

Медные украшения укреплены над тремя воротами 6 августа 1785 г.[22]

На первоначальных чертежах ограды вазы и урны на колоннах отсутствуют. Указ об их установке последовал только 19 января 1783 г.[23] 28 марта 1783 г. сделаны четыре деревянных модели, по которым должно было производиться тесание ваз[24].

Вазы и урны были вытесаны из «подфонарных столбов», находившихся при Зимнем дворце, мастером «квадраторного дела» Насоновым. Они украшены медными ручками и кольцами. 23 июля 1785 г. Бецкой приказал «медные штуки с кольцами и ручки вызолотить», Егорову было приказано составить смету на позолоту[25]. Золочение деталей ваз законче-

но в июле 1786 г. Таким образом, строительство ограды, включая все отделочные работы, было окончено в июле 1786 г.

Нельзя не отметить мастерство, с которым выполнены кованые работы. Все звенья решетки, ворота и медные украшения — исключительно ручной работы, которая по тонкости искусного исполнения может сравниться только с ювелирной.

Ограда обошлась в 87298 руб. 37 коп.[26] Эта стоимость совсем не совпадает с первоначальной, указанной в смете, составленной Фельтеном.

Все специалисты единодушно отмечают художественное совершенство ограды, необычайно целостной и единой по своей композиции и всем деталям. Такое произведение могли создать только творческая мысль и рука одного мастера, выполнившего всю работу от начала до конца.

Как видно из всех приведенных документов, архитектор Деламот в действительности не имел никакого отношения к проектированию и строительству ограды Летнего сада.

В документе 1773 г. говорится, что чертежи ограды и троих ворот «учинены Егоровым». Об этом рапортует сам Фельтен, а так как Егоров не имел звания архитектора и был у него в подчинении, то Фельтен и утверждает его чертежи своей подписью. Об этом свидетельствует и документ 1778 г., где прямо указано, что чертежи украшений поручается делать Егорову и Фоку, а затем дать их на рассмотрение Фельтену, и какой «им за лучший признан будет для зделания сметы представить».

Как уже было сказано, только Егоров несет все обязанности авторского надзора на протяжении всего строительства ограды: осматривает сделанную работу и рапортует об ее качестве и «сходственности» с чертежами. Поэтому автором ограды Летнего сада с большим основанием, чем кого бы то ни было, можно назвать, вопреки предвзятому мнению С.Яремича, только Петра Егорова — русского архитектора, «никогда не видевшего ни Франции, ни Италии». Таким образом, и вывод А.Н.Петрова, что «Егорова и Фока следует считать соавторами Фельтена», также несостоятелен.

Имеется ряд первоначальных чертежей ограды. Семь чертежей хранится в Центральном государственном историческом архиве (один из них — подписанный Фельтеном); из их числа опубликованы только два (боковые ворота с одним вариантом верхнего украшения и верхнее украшение на большие ворота)[27]. Два чертежа хранятся в ГМИЛ (один из них подписан Фельтеном) и один — в Музее Академии архитектуры в Москве; последний был опубликован в 1936 г.[28]

В основном рисунок звеньев решетки и ворот остается неизменным на протяжении всего проектирования и строительства ограды, за исключением отдельных деталей (так, например, меняется число копий и расположение соединительных планок и колец в створках ворот). Медные украшения звеньев решетки также остаются неизменными, и только украшения на воротах и над ними претерпевают большие изменения на протяжении проектирования ограды.

Можно выделить группу чертежей, дающих представление о первом варианте проекта ограды Летнего сада. По этому варианту ограда имела трое ворот, на колоннах ее нет ни ваз, ни урн, но зато они украшены провисающими цветочными гирляндами. Главные большие ворота завершались золоченым украшением... увенчанным... вензелем Екатерины II[29].

Применение царского вензеля, герба или монограммы в роли главного декоративного мотива было очень характерно для многих сооружений Петербурга первой половины XVIII в. Такого рода украшение служило для возвеличения заказчика и владельца, для прославления царя как главы дворянской монархии. Подобные мотивы часто встречаются в художественных решетках русского барокко первой половины и середины XVIII в. (см., например, решетки здания 12 коллегий, большого Петергофского дворца, решетки Строгановского дворца, Екатерининского дворца в Пушкине, проект ограды Смольного монастыря и др.).

В ходе дальнейшей разработки проекта ограды Летнего сада архитектор отказывается от первоначального замысла с его монархическими эмблемами и еще барочной трактовкой верхнего украшения главных ворот и постепенно создает уже чисто классическую по своей ясности и завершенности композицию, отвечающую идеалам рационалистической эстетики, выражавшей требования передовой общественности последней четверти XVIII в.

О первом варианте ограды дают представление три чертежа, из них два подписаны Фельтеном (малые и большие ворота).

Чертеж малых боковых ворот находится среди документов 1772 г.[30] Масштаб на чертеже и надписи к нему сделаны черной тушью и относятся ко времени составления чертежа. Подпись же Фельтена сделана совершенно другими, коричневыми, чернилами, к тому же несколько вкось и слегка заходя на чертеж; она носит характер визы начальника. Из этого можно предположить, что свою подпись на чертеже Фельтен поставил, когда ему дали его «на рассмотрение», и утвердил чертеж как первый эскизный проект. (Чертеж относится к числу самых ранних. Он исполнен не позднее 1772 г., так как вшит в дело 1772 г., да и вообще в 1773 г. были сделаны уже окончательные чертежи, по которым производилась работа, а этот чертеж отличается от осуществленных ворот.)

Надпись сверху чертежа: «Чертеж малым боковым двум железным решедчатым воротам, которые будут по берегу Невы реки у первого саду», — тоже сделана не рукой Фельтена, а канцеляристом Алексеем Ведерниковым, который вел дела о строительстве ограды. Его же рукой написано большинство документов[31]. Второй чертеж (больших ворот)[32] с подписью Фельтена по манере исполнения аналогичен предыдущему. Сама надпись также производит впечатление сделанной в порядке утверждения проекта. В следующих проектных чертежах пышный вензель над воротами заменяется более строгим рисунком — то корзины с цветами на одном чертеже, то венка на другом, то пальметки на третьем.

Таким образом, было разработано несколько вариантов верхнего украшения над воротами.

Интересно отметить, что над обоими малыми воротами первоначально предполагалось установить верхнее украшение, аналогичное осуществленному впоследствии над большими воротами[33].

Очень интересен мастерски исполненный чертеж (доселе остававшийся неизвестным), представляющий собой первый вариант проекта верхнего украшения, легший в основу окончательного осуществления.

В центре украшения над овалом, с розеткой посредине, установлена корзина с цветами. По сторонам центрального мотива помещаются волюты, образованные линейными и растительными завитками. Они туго закручены, стебельки листьев упруго загибаются вниз. Розетки в волю-

тах и в центре овала имеют продолговатую форму. От каждой волюты отходит завиток, переходящий в сквозные, геометрически правильные квадратики, пересекающиеся между собой. Все украшение носит, несмотря на его легкость, упругий и устойчивый характер, что соответствует классическим формам всей решетки.

На чертеже, хранящемся в Государственном музее истории Ленинграда (№ 392), изображены большие ворота, два звена решетки и малые ворота; внизу нанесен первоначальный план всей ограды. Из него можно усмотреть, что двое боковых ворот были расположены на расстоянии шести звеньев от главных ворот; число же звеньев решетки от реки Фонтанки до восточных боковых ворот равно 13, т.е. на 6 звеньев больше, чем между Лебяжьей канавкой и западными боковыми воротами, где их 7. Эта неравномерность объясняется тем, что трое ворот нужно было расположить напротив трех аллей Летнего сада, разбитых еще задолго до постройки ограды.

На этом же чертеже первоначально на колоннах, примыкающих к воротам, были симметрично установлены только урны, а на колоннах, разделяющих звенья решетки, были поставлены, чередуясь, вазы и урны; над малыми воротами помещено верхнее украшение, очень близкое к существующему (две наружные волюты с завитками растений и большая пальметка между ними).

Этот чертеж, а также чертеж, хранящийся в Музее Академии архитектуры[34], можно считать окончательными, т.е. осуществленными в натуре, за исключением незначительных изменений в верхних украшениях над воротами.

Вся решетка отличается замечательно ясным построением. Она состоит из вертикально поставленных копий, на которых укреплены — через одно копье — прямоугольные вытянутые рамы, украшенные в центре золочеными розетками. Розетки охвачены рамками колец, которые соединены друг с другом горизонтальными перемычками. Снизу и сверху решетки проходят по две горизонтальные перекладины. Пространство между верхними перекладинами заполнено отдельными золочеными, симметрично расположенными завитками растений[35], которые попарно образуют провисшие гирлянды. Сверху наконечники копий свободно выходят наружу. Под ними подвешена золоченая бахрома.

До нашего времени сохранилось только двое малых ворот. После покушения Каракозова на Александра II 4 апреля 1866 г. большие ворота были убраны, а на их месте в 1886 г. была поставлена часовня (разобранная в 1930 г.); двое же боковых ворот были перенесены и поставлены по бокам этой часовни. Теперь их разделяет одно звено решетки, которое приходится как раз напротив главной аллеи, где раньше помещались большие ворота. Каждая створка ворот составлена из нескольких вписанных друг в друга рам, поставленных на нижнее, вытянутое по горизонтали панно с двумя пересекающимися диагональными тягами и четырьмя кольцами по углам. Створки ворот украшены сверху ажурной корзиной с цветами. Внизу корзина уравновешивается большой розеткой. Рамы между собой соединены где кольцами, где небольшими перемычками. Вверху ворот проходит узкая полоса меандра. Створки больших ворот по краям были ограничены узкими панно с вытянутым по вертикали узором, снизу и сверху украшенным золочеными завитками растений. Завершены большие ворота были вазой с цветами, поставленной

над овалом и соединенной цепочками с волютами, расположенными по обеим сторонам овала. Малые ворота завершены изящными растительными волютами с массивной пальметкой, возвышающейся над ними.

Со стороны Лебяжьей канавки и реки Фонтанки ограда теперь заканчивается укороченными наполовину копьями, сгруппированными веером. Они не относятся к первоначальному замыслу архитектора и сделаны по проекту Шарлеманя в 1830 г. В Центральном государственном историческом архиве Ленинграда хранится чертеж этих боковых решеток, подписанный Шарлеманем[36]. Эти решетки чугунные; их отливали на Александровском литейном заводе в Петербурге[37].

Боковые решетки придали ограде Летнего сада несколько иной вид. До их установки ограда была четко ограничена с обоих концов гранитными колоннами с вазами, что придавало всей композиции замкнутый характер в соответствии с эстетическими требованиями, господствовавшими в русской классической архитектуре последней четверти XVIII в.

С установкой боковых веерообразных решеток половинной высоты ограда, благодаря их плавному переходу, теснее связывается с пространством окружающей застройки. Эта черта является особенностью, характерной для нового этапа развития русской архитектуры в первой трети XIX в.

В связи с выяснением имени истинного автора ограды Летнего сада следует привести те немногочисленные документальные данные, которые мне удалось разыскать, о совсем почти неизвестном русском архитекторе Петре Егорове.

Родился Петр Егоров в 1731 г. В апреле 1755 г. он подает прошение на имя императрицы Елизаветы Петровны, в котором просит зачислить его на службу в Контору строений в качестве ученика «архитектурной науки». Он так и пишет о себе*: «Родом я прежде был чувашенин и вывезен в малолетстве... князем Дадиановым в Россию... и находился при означенном господине... вольным»[38].

Дадиани написал рекомендацию Егорову, в которой говорится, что он «при ево доме выучен грамоте читать, писать, арифметике, геометрии, и отчасти малевать, прилежен к учению и никаких пороков за ним непримечено»[39].

Архитектор Семен Волков, который «освидетельствовал» ученика Петра Егорова, пишет в Контору строений, что «...означенный Егоров арифметике и геометрии, как по апробации оказалось, учен и впредь в произведении регулов изчисления во исправности быть может, також и в копиевании чертежей оказывает себя прилежным и впредь в руководстве еще лутче утвердить себя может и для разсмотрения оной канцелярии скопированный им Егоровым чертеж при сем предлагаю»[40].

По указу Елизаветы Петровны, «новокрещеный Петр Егоров принят в службу Ея Императорского Величества канцелярии от строения в команду архитектуры гезеля Волкова»[41].

В другом документе говорится, что в Конторе строений он в службе состоял «с 1755 г. архитекторским учеником», в 1761 г. произведен в помощники 3-го класса, в 1763 г. — в ранг прапорщика, в 1765 г. — в 1-й класс, в 1768 г. «заархитектором и титулярным советником произведен по лучшему знанию науки и практики»[42].

Еще будучи учеником в 1756 г., Егоров работал в Петергофе. Об

---

* См. с. 20.

этом говорит его ученическая копия с чертежа «новому каменному дому, который построен при Монплезире»[43].

Растрелли оставил список всех своих учеников, которых он, по его словам, «наставлял в архитектуре в течение 48 лет и которые достигли звания архитектора на службе Ея Императорского Величества»[44]. В этом списке в числе «суб-архитекторов» включен «Иван Егор в Петергофе». Растрелли, видимо, составлял свой список в 1764 г. по памяти и мог легко забыть полное написание фамилии ученика и потому написал вместо «Егоров» — «Егор», а так как мастер был русский, то он и дал ему имя «Иван». Такого рода произвол был в обычае того времени. Так, например, в «Формуляре о службе и достоинстве» Тома де-Томона последний значится как «Фома Иванов, сын Томон».

Уже будучи заархитектором, 9 сентября 1768 г. Егоров был направлен «на каменные работы» в Зимний дворец.

В сентябре 1768 г. полковник Мордвинов пишет Бецкому о том, что ему нужен архитектор для работы на вверенном ему строительстве, «а как при Канцелярии от строения Ея Императорского Величества домов и садов знающих сие искусство людей находится довольное число, того ради... прошу дозволения к порученному мне строению направить находящегося при реченной Канцелярии заархитектора Петра Егорова, который и жалованье получать от меня будет» то же, что и Канцелярия ему производит[45].

Мордвинову ответили, что работать на вверенном ему строительстве заархитектору Егорову «дозволено за плату, какую Егоров с Мордвиновым согласятся»[46].

Известно, что Мордвинов в этот период руководил строительством Мраморного дворца (по проекту арх. Ринальди). Егоров у Мордвинова мог работать только на этой постройке. Это подтверждает документ 1786 г., в котором говорится о том, что, по указу Ее Императорского Величества, «штата сей конторы коллежский асессор Петр Егоров прошлого 1768 г. по требованию артиллерии полковника, что после был генерал-инженер, Михайлы Ивановича Мордвинова к строению Мраморного дома отослан был, который при оном по сей 1786 г. и находился, а по ведомству Конторы строения находился только при строении каменной в Рождественских слободах церкви и железной на берегу Невы реки у Летнего сада решетки, а как Мраморный дом строением кончен и он Егоров от оного уволен, а по строениям по ведомству сей конторы в архитекторах настоит нужда, то и препоручить ему Егорову строение по садам по мастерскому двору по Штегельманскому дому в Екатерингофе да сверх того смотрение имеет за чертежною работою»[47].

В статье «Материалы для описания художественных сокровищ Мраморного дворца» А.И.Успенский писал, что на строительстве Мраморного дворца в 1768—1786 гг. работал архитектор Петр Егоров.

Таким образом, Егоров работает на строительстве Мраморного дворца целых восемнадцать лет — с самого начала постройки и до ее окончания. Следовательно, создателем Мраморного дворца является наряду с А.Ринальди, считающимся автором проекта, также и П.Егоров, возведший здание в натуре. Степень авторского участия каждого из них в создании прекрасной архитектуры Мраморного дворца должна быть выяснена дальнейшими исследованиями. Тогда, может быть, разъяснится и загадка некоторой двойственности архитектуры Мраморного дворца, где наряду с классически ясными и цельными наружными фасадами двор-

цовый фасад (а также отделка главной лестницы) являет ряд еще не преодоленных окончательно барочных мотивов.

Во всяком случае ограда около Мраморного дворца, очевидно, исполнена по проекту Егорова. Если сравнить ограды Летнего сада и Мраморного дворца, то можно заметить между ними очень много общего.

Основу решетки Мраморного дворца также составляет ряд копий. Посредине они украшены золочеными розетками, также помещенными в центре рамки — кольца (розетки частично сохранились на ограде со стороны Марсова поля). Эти розетки соединены между собой шариками, напоминающими горизонтальные перемычки, соединяющие розетки на ограде Летнего сада.

Общее есть и в рисунке ворот. Они завершены двумя сходящимися волютами. Если сравнить самый ранний проектный чертеж[48] ворот Летнего сада с воротами Мраморного дворца, то ясно видно сходство в верхнем украшении створок. Ворота Мраморного дворца сверху и по бокам огибает волютообразный рисунок, и аналогичный орнамент был помещен и на первоначальном проекте ворот Летнего сада, где он затем был заменен меандром. Явное сходство ограды Мраморного дворца с оградой Летнего сада является еще одним доказательством в пользу авторства Петра Егорова.

Еще одна работа связана с именем Егорова. Ко дню празднования 6 января 1775 г. «для водоосвящения» на Неве должна была быть установлена деревянная Иордань. Иордань, сооруженная в 1769 г., пришла в негодность, и Контора строений дала распоряжение Фельтену и Петру Егорову сделать проект Иордани.

8 декабря 1774 г. Бецкому доносят из Конторы строений, что «ныне той Иордани два прожекта представлены, сочиненные один господином Фельтеном и другой заархитектором Егоровым»[49].

Три проектных чертежа Иордани 1774 г. были представлены на исторической выставке архитектуры в 1911 г., где они приписывались Ринальди[50]. Но, судя по вышеприведенному документу, один или два из этих проектов Иордани должны принадлежать Фельтену, а третий Егорову (или же наоборот)[51].

Вот и все, пока отрывочные, данные, которые удалось собрать об архитектурной деятельности Петра Егорова. Весь его творческий путь должен быть еще тщательно изучен.

Как автор прославленной ограды Летнего сада, этот талантливый, незаслуженно позабытый русский архитектор должен по праву занять достойное место в истории русской архитектуры.

ЧЕРТЕЖИ ОГРАДЫ ЛЕТНЕГО САДА

Сложность установления истинного автора ограды Летнего сада в Ленинграде заключается в том, что мы встречаемся с явным противоречием: чертежи подписаны архитектором Ю.М.Фельтеном, а документы говорят о постройке ограды по чертежам Петра Егорова.

Ю.Фельтен был главным архитектором Конторы строений домов и садов. Петр Егоров служил там же «заархитектором» (младшим архитектором) и находился у него в подчинении.

Графическая манера исполнения чертежей Фельтена известна по его достоверным проектам, таким, например, как фасад Петропавловского собора[1], фасады и разрезы манежа Зимнего дворца[2]. Несколько чертежей, бесспорно принадлежащих Егорову[3], дают возможность сравнить технику их исполнения с графической манерой Фельтена.

Чертежам Егорова присуща мягкость, живописность, все они выполнены в свободной манере, многие детали тонко прорисованы акварелью, а в монохромных чертежах главные декоративные элементы, например такие, как скульптуры, слегка иллюминованы. Самой характерной особенностью чертежей Егорова является приглушенность красок (все тона скорее бледные, чем яркие) и очень индивидуальная техника отмывки — тоже бледная, со слегка намеченными пятнами теней.

Фельтен выполнял чертежи в более яркой и сочной манере. Декоративные детали он никогда не прорисовывал до конца, а изображал их отдельными пятнами, давая только общее представление о формах украшения. Его чертежи покрыты тушью интенсивнее, чем у Егорова.

Сравнение чертежей ограды Летнего сада с графической манерой Фельтена и Егорова, а также изучение архивных документов дают возможность выяснить, кто же был истинным ее автором.

В настоящее время известно одиннадцать листов с изображением ограды Летнего сада, относящихся к периоду ее строительства. Шесть из них хранятся в Центральном Государственном Историческом архиве в Ленинграде (ЦГИАЛ), четыре — в Музее истории Ленинграда и один — в Музее архитектуры Академии строительства и архитектуры в Москве. Эти чертежи дают возможность проследить последовательность проектирования ограды и ворот и судить о различных их вариантах.

Самым ранним листом можно считать изображение малых ворот[4]. Он относится к периоду 1770—1773 гг., так как в 1773 году Егоровым были составлены чертежи, по которым начали сооружать ограду, а данный вариант отличается от окончательного. Над воротами еще нет никакого украшения. В их верхней части помещен волютообразный орнамент, вместо которого затем был осуществлен меандр. От окончательного варианта отличаются и более вытянутые корзины с гирляндами цветов, спускающимися вниз и соединяющимися с планками ворот. Кольца и перемычки, связывающие рамы, из которых составлены створки ворот, размещены ближе к середине, причем перемычки и кольца соединены вместе. В верхней части чертежа — надпись XVIII века, а на рисунке заметны легкие карандашные пометки, обозначающие иное расположение колец, близкое к окончательному. Поправки карандашом видны и на декоративной корзине.

На чертеже подпись Фельтена, но по графической манере его никак нельзя приписать этому архитектору. Сравнивая характер рисунка и технику отмывки в изображении ворот с подлинными чертежами Фельтена, можно сказать, что малые ворота исполнены в другом характере, более близком Егорову, тем более, что надпись к масштабу сделана его почерком...

В документе 1773 года Ю.Фельтен указывает, что он рассмотрел шесть чертежей ограды Летнего сада с тремя воротами, «учиненные» Егоровым, которые и подлежат передаче мастерам для работы. Через две страницы

в том же деле говорится о передаче кузнечному мастеру Игнатию Денисову двух чертежей за подписью Фельтена для изготовления металлических звеньев и ворот ограды[5]. Таким образом, с одной стороны, Фельтен сам указывает автора чертежей, «по которым и работу производить должно», а с другой — из Конторы строений мастеру выдаются чертежи за подписью Фельтена... Подобного рода подписи являлись обычным видом утверждения документа. Необходимо отметить, что при строительстве церкви Рождества Христова на Песках, проектированной Егоровым, многие документы также подписаны Фельтеном, как старшим архитектором Конторы строений[6].

Следующим в серии чертежей ограды Летнего сада можно поставить один из первых вариантов больших ворот, тоже в характере утверждения подписанный Фельтеном[7]. По манере исполнения этот лист совпадает с предыдущим. При сравнении обоих чертежей видна общность в прорисовке гирлянд, розет, волютообразного орнамента, на них одинаково сделана разбавленной тушью более светлая окантовка, огибающая с внутренней стороны створки ворот, и также прорисованы профили капителей на колоннах.

Большие ворота являлись композиционным центром ограды. Они существенно отличались от малых, боковых. В первом варианте оформления всей ограды только они имели верхнее украшение и выглядели более нарядно. Рисунок створок повторяет схему малых ворот с небольшими изменениями. Корзины с цветами нарисованы более широкими, но еще отличаются от осуществленных. Под ними, если посмотреть чертеж на свет, видны следы первоначального рисунка вытянутых корзин с гирляндами, как на малых воротах. Большие ворота предполагались шире малых. По обеим сторонам ворот были запроектированы узкие панно с вытянутыми по вертикали узорами, снизу и сверху украшенными золочеными завитками. Надвратное украшение этого варианта ворот не имело ничего общего с окончательным его решением. В нем было еще много элементов барокко. Так, например, перегруженный украшениями царский вензель, увенчанный короной и обрамленный венком с асимметрично расположенными листьями, неожиданно легко вздымается над воротами.

Группу чертежей первого варианта проекта завершает изображение малых ворот и прилегающих звеньев ограды, поставленных между дорическими колоннами, с провисающими цветочными гирляндами, не осуществленными в натуре. Этот лист дает представление о первоначальном варианте проекта всей ограды[8]. С самого начала в ней намечалось трое ворот, но на колоннах еще не предполагались ни урны, ни вазы. Главные, большие ворота, изображенные на предыдущем чертеже, завершались золоченым венком с вензелем и короной. Рисунок малых ворот, показанный на рассматриваемом чертеже, представлен уже в несколько измененном виде. Кольца, связывающие рамы створок, приближены к их верхнему и нижнему краям, а соединительные планки перенесены в центр ворот, как было намечено карандашом на первом чертеже данной группы. Тем самым створки получили более вытянутые пропорции и яснее выделился их основной рисунок. Корзины для цветов приобрели уже окончательную форму. На чертеже показаны два звена решеток между колоннами. Каждое звено ограды в этом проекте содержало еще только 15 копий и 8 розеток. В окончательном решении число копий увеличено

до 17, а розеток сделано 9. Звенья стали длиннее, и тем самым изменились пропорции всей ограды. Она приобрела большую соразмерность. Этот чертеж исполнен в совершенно особенной технике, напоминающей гравюру. Прорисовка отдельных деталей (волют, листьев, розеток и профилей) близка к предыдущему чертежу.

Как уже говорилось выше, в 1773 году Егоровым были сделаны рабочие чертежи для выполнения звеньев ограды и трех ворот. Сохранились два таких изображения больших ворот. На одном из них показаны обе створки, на другом — только левая их половина[9].

В 1778 году, когда строительство ограды уже подходило к концу, было решено сделать украшения и над малыми воротами[10]. Так как проекты украшений потребовались очень спешно, их варианты поручили разработать П.Егорову и И.Фоку, также служившему в Конторе строений.

Среди сохранившихся чертежей ограды Летнего сада два листа значительно отличаются своей графической манерой. Один чертеж изображает малые ворота с двумя вариантами верхнего украшения[11]. На другом показано завершение больших ворот[12]. На чертеже все четко, законченно и в то же время очень сухо, хотя изображение доведено до предельной иллюзорности. В каждой детали чувствуется материал, из которого она сделана в натуре: твердость и объемность гранита, прямолинейность и прочность железа и гибкая мягкость золоченой меди. Первый вариант сделан на основном листе, второй — на клапане и прикреплен к этому же листу. Обе композиции имеют общую схему: вертикально поставленный овал с розеткой посредине ограничен с двух сторон туго закрученными волютами, над овалом возвышается в одном варианте ваза с цветами и фруктами, в другом — венок с перевязанными в пучок стеблями. Украшение с венком более растянуто, волюты как бы растекаются в стороны от центрального овала, разветвляясь еще на малые завитки, переходящие в тонкие, загнутые кверху дрожащие усики. Украшение с вазой отличается от первого многими деталями. Это завершение более собрано, волюты не имеют разветвлений, а расходящиеся усики загнуты книзу и упираются в ворота, придавая всему завершению большую устойчивость. Оба варианта украшений исполнены уверенной и твердой рукой.

Такая же решительность и жесткость присущи второму чертежу с изображением украшения над большими воротами. Завершение очень простого рисунка: два перекрещивающихся венка с веткой установлены на ажурном трехуступчатом возвышении. Над боковыми панно, по сторонам створок ворот, показано по две шишки. На колоннах — вазы с высокими ручками и гирляндами, провисающими посредине тулова.

Все эти три рисунка надвратных украшений исполнены заархитектором И.Б.Фоком: сохранившиеся другие чертежи и автографы Фока позволяют с полной уверенностью назвать его автором этих трех вариантов завершений. Его почерк отличается такой же ясностью, четкостью и аккуратностью, как надпись на масштабной линейке к чертежу малых ворот с двумя видами украшений. Характерное написание букв «А» и «р» в слове «Аршина» всегда повторялось Фоком в его подписи «за Архитектор Иван Фок».

Совершенно иначе выглядят два одинаковых чертежа, представляющие другой вариант верхнего украшения на большие ворота[13]. Они выполнены в более свободной манере. Трактовка деталей, в отличие от предыдущего чертежа, не линейная, а живописная. Композиция укра-

шений сходна с одним из вариантов завершений для малых ворот, исполненных Фоком, где показана корзина с фруктами и цветами, но все же чертеж совсем иной. По своей композиции, в архитектоническом отношении, он, несомненно, превосходит оба варианта завершений, сделанных Фоком.

В проектировании украшений над воротами участвовали только Егоров и Фок. Если предыдущие чертежи украшений над большими и малыми воротами исполнены Фоком, то два последних листа с изображением завершений для больших ворот мог исполнить только Егоров. Эти чертежи выполнены в манере, свойственной как раз Егорову. Они были приняты к исполнению и осуществлены в натуре. Ни один из вариантов, предложенных Фоком, не был осуществлен.

Украшения над большими воротами предполагалось делать с самого начала проектирования ограды. За восемь лет, прошедших с начала работы над оградой, произошло много изменений. Элементы барокко в искусстве все больше и больше вытеснялись классическими формами. И ограда Летнего сада за время проектирования и строительства постепенно приобрела законченный облик сооружения, носящего ярко выраженные черты русского классицизма последней четверти XVIII века.

И.Фок предложил поставить над малыми воротами завершения, подобные тем, что П.Егоров запроектировал над большими. Но тогда ограда приобрела бы элемент сухости и педантичной симметрии. Поэтому, совершенно естественно, варианты Фока были отвергнуты. Над малыми воротами были осуществлены завершения, состоящие из двух волют и возвышающейся над ними стройной пальметки.

Это украшение показано на чертеже 1783 года с изображением двух отрезков звеньев ограды с большими и малыми воротами[14]. Здесь ворота представлены в почти окончательном виде с завершениями, осуществленными в натуре. На колоннах помещены вазы — все одинакового рисунка, но еще без ручек. Украшение над малыми воротами еще не совсем такое, как видим в натуре. На чертеже центральная пальметка гораздо пышнее осуществленной и кажется ниже. Она теснее связана с волютами, которые еще слабо закручены, т. е. имеют меньшее количество витков. Изображение выполнено в свойственной Егорову мягкой, живописной манере.

Окончательным вариантом, относительно других сохранившихся изображений, можно считать чертеж с двумя звеньями ограды, с малыми и большими воротами[15]. На колоннах ограды изображены вазы и урны окончательного рисунка. Верхнее украшение малых ворот получило дальнейшую разработку. Оно представлено в двух видах: на основном листе и на клапане. На основном листе показана такая же пышная пальметка, как и на предыдущем чертеже. Этот рисунок зачеркнут карандашом и поверх него наклеен новый, похожий на первый, но более тонкий, с меньшим количеством акантовых листьев на волютах и более стройной пальметкой. Все же и это украшение несколько отличается от окончательного, где пальметка кажется еще стройнее, а волюты имеют больше витков. Чертеж выполнен в характере предыдущего.

Рассмотрев все одиннадцать чертежей ограды Летнего сада, можно сказать, что по своему исполнению они распадаются на две группы. Девять сделаны в свободной, живописной манере, свойственной Егорову, и два принадлежат Фоку, разрабатывавшему вариант завершений над

большими и малыми воротами, из которых ни один осуществлен не был. Следовательно, имя Фока, как соавтора Егорова в проектировании ограды, совершенно отпадает.

Строительство ограды Летнего сада продолжалось шестнадцать лет, причем в процессе строительства облик ее постепенно менялся. В конечном итоге было создано сооружение, по цельности и красоте форм являющееся одним из лучших образцов оград русского классицизма.

Первоначальный проект ограды включал 14 гранитных колонн, соединенных звеньями решеток, и трое ворот. На колоннах не было еще ни ваз, ни урн. Композиционным центром ограды, как уже было сказано, являлись большие ворота с пышным барочным завершением. На малых воротах завершения и не проектировались.

В процессе строительства ограды число колонн увеличилось до 36, завершения появились и у малых ворот, а украшение над большими воротами приобрело классические формы. На колоннах были поставлены чередующиеся вазы и урны. Таким образом постепенно ограда приобрела классическую ясность и простоту форм. Прекрасной прозрачной стеной поднимается она на берегу величественной Невы. Ее кованая решетка, составленная из вертикально поставленных копий, укреплена на невысоком гранитном цоколе между стройными пепельно-розовыми гранитными же колоннами. На широких капителях колонн, чередуясь, стоят то стройная, на тонкой ножке ваза, то массивная и вместе с тем изящная урна. Ограда первоначально прерывалась тремя воротами, расположенными напротив центральных аллей Летнего сада. Двое малых и одни большие ворота декорированы цветочными корзинами, крупными золочеными розетками и стройными завершениями. В декоративном орнаменте больших ворот были использованы мотивы, напоминающие планировку зеленых насаждений садов XVIII века, представлявшей собой сплетающиеся и расходящиеся ленты, свернутые на концах в волюты[16].

Первоначальный облик ограды, вероятно, во многом навеян образцами решеток, помещенными в архитектурном увраже Маро[16]. Подобными альбомами зодчие того времени широко пользовались как архитектурными пособиями при создании тех или иных новых проектов. Но это тогда вовсе не означало заимствования из увража какого-либо образца. Такие увражи помогали архитектору познакомиться с различными архитектурными проектами и сооружениями других стран, не выезжая за пределы своей страны, и, отталкиваясь от них, создать самостоятельный образ. У Егорова не было возможности побывать за границей и увидеть всемирно известные памятники архитектуры в натуре. Большой талант и глубокое знание своей профессии позволили Егорову создать ограду Летнего сада — один из лучших памятников раннего классицизма в России.

Как уже было сказано, окончательный облик ограды сложился не сразу. Егоров долго работал, совершенствовал свой проект и, вполне вероятно, в процессе проектирования он принимал во внимание рекомендации коллег. Тот же Фельтен, непосредственный начальник Егорова, мог внести некоторые исправления и замечания. Такие исправления слегка намечены карандашом на двух рассмотренных чертежах. Но это не значит, что мы должны считать Фельтена автором или соавтором Егорова в проектировании ограды. Дело совсем не в том, чтобы установить приоритет Егорова перед архитектором с иностранной фамилией. Важно

установить истину и справедливость. И Фельтен, несмотря на свою немецкую фамилию, был русским архитектором. Он, как и Егоров, родился, вырос, учился и всю жизнь работал в России. За границей он пробыл всего четыре года, с целью пополнения своего образования.

Некоторые исследователи истории русского искусства не признают Егорова автором ограды Летнего сада потому, что это имя им мало известно. Настоящая монография показывает, насколько широк круг деятельности этого зодчего, занимавшегося, кроме строительной, еще и педагогической деятельностью. Егоров служил в главном строительном ведомстве столицы и в свое время был известным архитектором. Он работал на многих ведущих стройках не только в Петербурге и его пригородах, но и далеко за пределами столицы. Беда Егорова была в том, что он вышел из низов народа, был в небольших чинах, — и после смерти вскоре оказался забытым. Вполне вероятно, что дальнейшие исследования откроют новые его работы, и несправедливо забытое имя талантливого зодчего прочно войдет в историю русского строительного искусства.

КТО ЖЕ АВТОР ОГРАДЫ ЛЕТНЕГО САДА?

«Мы не знаем в Европе решетки, которая была бы сочинена так изумительно просто и производила бы такое торжественное и величественное впечатление», — писал об ограде Летнего сада академик И.Э.Грабарь. Уже хрестоматийной стала история о том, как некий англичанин — знаток и любитель искусств — специально приехал в Петербург только для того, чтобы самому удостовериться в легендарной красоте прославленной ограды. Осмотрев решетку и убедившись, что не обманут, он тотчас же возвратился на родину.

Словно вычерченная рукой гениального графика, поднимается ограда Летнего сада на набережной Невы. Кованая решетка строгого простого рисунка укреплена на каменном цоколе между стройными пепельно-розовыми колоннами. На их широких капителях-плитах стоят, чередуясь, гранитные вазы на точеной ножке и массивные, но изящные урны.

Ограда включает удивительные по чистоте узора ажурные ворота, которые завершаются спиралеобразными украшениями, или, как их называют, волютами и пальметками. Пожалуй, главный секрет этого архитектурного шедевра — в ясности и уравновешенности композиции и при всей простоте и легкости — величавости и монументальности.

Восхищаясь оградой Летнего сада, историки искусств неоднократно утверждали, что своим совершенством она могла бы доставить автору славу выдающегося зодчего. Так кто же этот выдающийся зодчий, кто создатель ограды? Вот этого-то как раз никто не мог сказать точно. Предположительно назывались имена Деламота, Баженова и даже Кваренги. Последний никак не мог быть ее автором, так как приехал в Россию из Италии, когда ограда уже была возведена. Недоразумение это можно объяснить тем, что в архивах знаменитого архитектора нашли рисунок ограды, сделанный его рукой. Но Кваренги почти всегда зарисовывал понравившиеся ему архитектурные произведения, а ограда Летнего сада не могла не пленить его воображения.

Однако большинство исследователей считали единственным автором гениальной решетки архитектора Юрия Матвеевича Фельтена. И к этому было немало оснований.

К 70-м годам XVIII века он был уже известным зодчим, главным архитектором Конторы строений домов и садов, ведавшей дворцовым строительством Петербурга. Этот талантливый баловень судьбы удивительно чутко воспринимал все новые веяния в искусстве и изменения в художественных вкусах. Один из лучших и любимых учеников великого Растрелли, Фельтен отошел от основных архитектурных принципов своего учителя и начал использовать в своих работах приемы классического стиля.

После отставки Растрелли он в этом стиле перестраивал по своим проектам и проектам Деламота творения своего гениального предшественника — многие интерьеры Зимнего дворца в Петербурге и Большого дворца в Петергофе. При этом он сохранял отдельные элементы растреллиевской композиции и декора.

Фельтен был действительно одаренным архитектором и инженером. Его имя неразрывно связано со строительством зданий Большого Эрмитажа, Южного павильона — Малого Эрмитажа, переходов, соединивших все постройки эрмитажного комплекса. Он завершил сооружение гранитной набережной Невы. По проектам Фельтена были возведены многие сооружения, сохранившиеся в нашем городе до настоящего времени. Среди них — лютеранская церковь св. Анны, Армянская церковь на Невском проспекте, между домами № 40 и 42, Чесменский дворец, церковь, расположенная рядом с ним, и другие здания.

Уже будучи профессором Академии художеств, Фельтен принял участие в конкурсе на лучший проект застройки юго-западной части Дворцовой площади и получил первую премию.

Ведущая роль Фельтена в дворцовом строительстве столицы в то время, в частности в оформлении набережной Невы, невольно приводила к мысли, что он является и единоличным автором ограды Летнего сада. У исследователей творчества Фельтена было два на первый взгляд неопровержимых свидетельства. Первое — так называемый формулярный список основных работ, составленный самим архитектором в 1793 году. В нем Фельтен указывал, что он «находился также при строении... Эрмитажа с картинными галереями, по берегу Невы реки каменного берега с железною решеткою...» И второе свидетельство — два чертежа ворот ограды, подписанные им самим.

Но при составлении формулярного списка сказалось присущее архитектору честолюбие. Фельтен вписал в него и те здания, которые строились по его проектам, и те сооружения, возведением которых он ведал по положению главного архитектора Конторы строений.

Многие исследователи замечали, что проекты, бесспорно связанные с именем Фельтена, отличаются своеобразным сочетанием элементов барокко и классицизма. Ограда же Летнего сада является чисто классическим сооружением, в котором отсутствуют признаки переходного стиля, присущего творчеству этого архитектора. Еще в 1934 году искусствовед С.П.Яремич высказывал мнение, что «сооружение такого высокого стиля, носящее на себе отпечаток абсолютной цельности и единства приемов, не характерно для Фельтена, приверженца иных принципов в архитектуре».

Однако осталось неясным — означает ли подпись Фельтена на чертежах автограф автора или визу начальника. Лишь в 1946 году в Центральном государственном историческом архиве СССР исследователем истории архитектуры А.Н.Петровым впервые были найдены интереснейшие документы 70-х годов XVIII века, освещающие подробности строительства ограды и выявляющие ранее неизвестные имена архитекторов, которые были ее создателями.

Но прежде всего познакомимся с документом, с которого, собственно, и начинается история строительства ограды Летнего сада.

10 сентября 1770 года президент Академии художеств и директор Конторы строений И.И.Бецкой по распоряжению императрицы направил в Контору предписание, в котором сказано следующее: «Ея Императорское Величество изустно указать соизволила по берегу Невы реки у первого саду сделать по апробованному чертежу железную решетку с воротами на каменном фундаменте с столбами и цоколем дикого камня из суммы берегового строения. Во исполнение того именного высочайшего указа имеет упомянутая Контора по тому чертежу и учиненной архитектором Фельтеном смете, кои при сем прилагаются, оную решетку сделать и потребные на то материалы и прочее стараться ныне заблаговременно заготовить, дабы будущею весною в самое дело той решетки вступить можно было».

Слова «по апробованному», то есть высочайше утвержденному чертежу, и «учиненной архитектором Фельтеном смете» встречаются и в других документах, связанных со строительством ограды. Формулировку эту можно трактовать по-разному. С одной стороны, как свидетельство того, что Фельтен является автором и «апробованного» чертежа и составленной по нему сметы. Однако можно понять этот текст и иначе. Ранее составленный кем-то проект Фельтену, как главному архитектору Конторы строений, предложено подписать и составить на него смету.

А что дело обстояло именно так, подтверждает найденный автором в архиве указ от 7 июня 1770 года. В нем сказано: «...Рассуждая, что первого сада наличная к Неве реке сторона по случаю исправления каменного берега ныне без решетки, почему в тот сад всякого звания люди свободно летом и зимой входят и опасно, что нехорошего состояния от людей не могло причиниться в том саде какого-либо вреда и похищения как уже перед сим плитки и покрадены, да и вид от Невы безо всего нехороший, зимой и совсем в тот сад пущать не для чего, того ради приказали: заархитектору Фоку и ранга подпорутчикского Вуншу сделать прожект, каким наилучшим образом в том первом саду от Невы реки решетку сделать надлежит, учиня надобным к тому материалам смету, и представить в Контору немедленно...»

Итак, мы узнаем имена авторов первоначального проекта ограды Летнего сада — это И.Б.Фок и Д.М.Вунш, работавшие в Конторе строений под руководством Фельтена.

Иван Борисович Фок был старшим из девяти детей немецкого садового мастера Бернгарда Фока, работавшего по оформлению императорских садов. Иван Фок учился у Растрелли и был известен как превосходный график. Среди его проектов — Конюшенный и Экипажный дворы на берегу Екатерининского канала. После отставки Растрелли именно ему поручил Фельтен исполнение чертежей и смет по отделке Зимнего дворца. До наших дней сохранились планы так называемого Опер-

ного дома и других помещений Зимнего дворца, исполненные Фоком. И еще любопытная деталь. Не кто иной, как Фок, ведал работами по изготовлению металлических решеток для Зимнего дворца. Им же были спроектированы ограды для церкви Симеония и Анны (на углу Моховой и Симеоновской, ныне улицы Белинского) и ограды у Итальянского дворца на Фонтанке, к сожалению, до наших дней не сохранившиеся. Нет ничего удивительного в том, что именно Фоку поручили проектировать ограду Летнего сада. Да и для Вунша это поручение не случайно. Сын портного Даниил Михайлович Вунш в 1765 году был определен в Контору строений для «механических и плотничных» работ и стал видным инженером-архитектором. Его имя встречается в документах, связанных со строительством набережной на Выборгской стороне и возведением многих петербургских мостов. В совместной работе с Фоком по проектированию ограды Вунш, вероятно, выступал как специалист, определивший техническую сторону проекта.

Этот первоначальный проект ограды пока не обнаружен. Судя по смете, облик ограды почти не имел ничего общего с осуществленным сооружением. Прежде всего, она должна была состоять лишь из 15 столбов, 13 звеньев и одних ворот. Иными словами, по проекту Фока и Вунша, ограда имела иную композицию и была короче окончательного варианта. По первому замыслу, Летний сад предполагалось оградить, соединить дворец Петра I и дворец Екатерины I, который находился у Лебяжьего канала со стороны сада и был разобран в связи с изменением проекта ограды.

В рапорте Фельтена с описанием сортов камня и железа, необходимого для строительных работ, предусмотрено увеличение числа каменных столбов с 15 до 33 на случай, «естли с одной стороны каменный дом сломан будет, то надобно в добавку оных столбов осмьнадцать штук...»

Первоначально предполагалось выполнить ограду в чугуне, а для колонн затребовать голубой мрамор с белыми прожилками. В дальнейшем мрамор заменили «диким камнем» — серым крупнозернистым выборгским гранитом, из которого сооружена и набережная Невы, а звенья решено было изготовлять кованые из «четверогранного» железа.

Однако вскоре первый вариант проекта подвергся значительной творческой переработке. Изменение проекта связано с именем Петра Егорова — заархитектора Конторы строений, находившегося в подчинении у Фельтена, так же как и Фок и Вунш.

Сам главный архитектор Конторы строений в документе 1773 года указывает, что он рассмотрел шесть чертежей ограды Летнего сада с воротами, «учиненные» Егоровым, и передал их в работу. В том же документе, буквально через две страницы, говорится о передаче кузнечному мастеру Игнатию Денисову двух чертежей за подписью Фельтена для изготовления металлических звеньев и ворот ограды. Итак, Фельтен сам называет автора чертежей, «по которым и работу производить должно». В то же время из Конторы строений мастеру выдаются эти чертежи за подписью Фельтена. Так раскрывается загадка двух сохранившихся чертежей, подписанных Фельтеном, — главных аргументов тех, кто считает его единственным автором ограды Летнего сада. Подпись Фельтена есть не что иное, как виза начальника, или, говоря современным языком, руководителя архитектурной мастерской, дававшего общие установки, порой корректирующего и обязательно утверждающего чертеж.

В подтверждение этого можно привести еще один факт. Многие документы по строительству церкви Рождества Христова на Песках также подписаны Фельтеном. А уж здесь авторство П.Егорова не вызывает ни малейших сомнений. Церковь эта была построена на небольшой площади, расположенной на месте современного сквера в конце 6-й Советской улицы, и до наших дней не сохранилась.

И, наконец, еще один документ: послужной список-формуляр Егорова, причем составленный не им самим, как фельтеновский, а лицом вполне официальным — протоколистом И.Харитоновым. В формуляре значится: «...Штата сей Конторы заархитектор коллежский асессор Петр Егоров прошлого 1768 года по требованию... Мордвинова к построению Мраморного дома отослан был, который при оном по сей 1786 год и находился, а по ведомству Конторы строения находился только при строении каменной в Рождественских слободах церкви и железной по берегу Невы реки у Летнего сада решетки». Так какому же формулярному списку верить, особенно если учесть, что егоровский составлен на семь лет раньше фельтеновского?

К сожалению, мы располагаем крайне скудными данными о жизни Петра Егорова. Сам архитектор писал о себе: «Родом я... чувашенин и вывезен был в малолетстве... князем Дадиановым в Россию...»*

Как же попал в семью князя Г.Л.Дадиани чувашский мальчик? Всего вероятней, это произошло в одном из нижегородских имений князя, но при каких обстоятельствах — можно только предполагать. В домашнем быту грузин был обычай брать на воспитание сирот (часто из крестьянских семей), с тем чтобы они стали товарищами их детям. И судя по тому, что писал Егоров о своем обучении, его в семье Дадиани считали скорее не холопом, а воспитанником.

Один из просвещенных и гуманных людей своего времени, князь Георгий Левонович Дадиани отнесся к крестьянскому подростку глубоко по-человечески, сумел разглядеть в нем большие способности и помог им развиться. В этом великодушном поступке чувствуется человек, верный преобразовательному духу петровской эпохи, когда людей ценили не по происхождению, а в первую очередь по уму, таланту и знаниям.

Весной 1755 года Петр Егоров с рекомендательным письмом своего покровителя приехал в Петербург, имея «всеусердное и ревностное желание» стать архитектором. Здесь он был принят учеником в «архитектурную команду» при Конторе строений, именовавшейся тогда Канцелярией от строений домов и садов. Его учителями были архитектор С.А.Волков, а затем и сам Растрелли.

Во многих протоколах Конторы отмечается, что Егоров «в архитектурной науке хорошее знание имеет и порученные дела исправляет прилежно». И еще: «...против других весьма искуснее, почему наивсегда употребляется к нужнейшим, требующим хорошего искусства сочинениям чертежей и строению...»

Молодому талантливому зодчему уже через 8 лет с начала обучения поручают самостоятельную работу. В 1763 году он проектирует здание православной церкви в Пярну. А в 1768 году Егорова направляют на строительство Мраморного дворца, сооружаемого по проекту А.Ринальди. Как мы уже знаем из формулярного списка, составленного протоко-

---

* См. с. 20.

листом И.Харитоновым, Егоров работал на этом строительстве вплоть до его завершения, то есть в течение 18 лет. Причем здесь он был не только исполнителем, но и сделал несколько самостоятельных проектов, среди которых служебный корпус и решетка сада, соединяющая этот корпус с дворцом.

В числе прочих работ архитектора — перестройка сгоревших домов адмирала Г.А.Спиридова и вице-адмирала А.Н.Сенявина на Васильевском острове, составление проектов домов церковнослужителей Казанского собора, складов на берегу Невы, так называемого павильона «Иордань», сооружаемого на Неве в рождественские праздники, и постройки церкви Рождества Христова на Песках.

Таким образом, к началу строительства ограды Летнего сада Петр Егоров был уже зрелым мастером, архитектором с 10-летним стажем проектной и строительной практики. И вполне закономерно, что именно ему поручили изменить первоначальный проект ограды.

Нам известны 11 листов с чертежами ограды, исполненных в период ее проектирования и строительства. Они дают возможность проследить последовательность формирования облика этого сооружения и судить о различных вариантах проекта. А самое главное, они подтверждают, что именно Егоров является автором окончательного проекта ограды.

Любой архитектурный чертеж отмечен индивидуальным характером исполнения, он как бы хранит след руки своего создателя. Он такое же произведение искусства, как этюд или набросок к картине живописца, а порой и сам по себе — ценнейшее художественное произведение. Поэтому даже неподписанный чертеж является ценнейшим достоверным документом.

Набережная у Летнего сада сооружалась в 1765—1770 годах. Она построена на искусственном подсыпном основании, отодвинувшем выровненную линию берега более чем на 40 метров от границы сада, так что стало возможным проложить проезжую дорогу. Решетка сада должна была органично вписаться в общий облик гранитной набережной, которая к 1767 году протянулась от Зимнего дворца до Литейного двора.

Рассматривая выполненные Егоровым чертежи, мы видим, что ограда включала одни большие ворота и двое малых, расположенных на осях трех центральных аллей сада. Большие ворота на чертежах Егорова выделены как композиционный центр ограды и существенно отличаются от малых, боковых. Они несколько шире и декорированы узкими панно с вытянутыми по вертикали узорами, снизу и сверху украшенными золочеными завитками. В надвратных украшениях было еще много элементов барокко... Но затем зодчий отказывается от этого варианта, все больше склоняясь к простоте и строгости решения.

Среди егоровских чертежей есть и проекты прилегающих к малым воротам звеньев ограды, обрамленных дорическими колоннами с провисающими гирляндами из цветов. Позднее архитектор отходит и от этого варианта. Судя по ранним листам проекта ограды, Егоров намеревался сделать звенья из 15 копий и 8 розеток, но затем увеличил количество копий до 17, а розеток — до 9. Благодаря этой исключительно удачной творческой находке звенья удлинились, и тем самым изменились пропорции всей ограды. Она стала более стройной и соразмерной.

В процессе работы над проектом и даже в период строительства Егоров все более совершенствовал облик всего сооружения. Ограда постепенно

приобретала законченное решение, носящее ярко выраженные черты русского классицизма последней четверти XVIII века.

Петр Егоров находился на строительстве ограды вплоть до ее завершения...

В сооружении ограды приняли участие лучшие мастера того времени. Гранитные столбы выполнялись под руководством каменных дел мастера Т.И.Насонова, получившего впоследствии звание архитектора, медные золоченые украшения делались по моделям мастера резного дела Ф.Дункера, а железные решетки выкованы искуснейшими кузнецами на тульских заводах купцов Денисовых.

Туляков-братьев Игнатия и Карпа Денисовых хорошо знали в столице. Они поставляли в Петербург железное литье, начиная от печных вьюшек и кончая дворцовыми решетками. Когда были объявлены торги на поставки материалов и на производство строительных работ по созданию ограды, Игнатий Денисов принял в них участие. Более двадцати мастеров, в большинстве своем иностранцы, пытались перехватить выгодный заказ. Но Денисов запросил самую низкую цену и победил конкурентов.

Свой законченный облик ограда приобрела не сразу. Только в 1783 году был издан указ об установке на колоннах ваз и урн. Для них сначала изготовляли деревянные модели, затем вытесывали из камня. Вазы украсили медными вызолоченными ручками, а урны такими же кольцами.

В 1786 году сооружение ограды было закончено. А через три года после этого умирает Петр Егоров, так и оставшийся до конца жизни заархитектором. Вдова зодчего Анна Филипповна Егорова обращается в Контору строений с просьбой выдать ей «заслуженное мужем по день смерти жалование, сколько причитается», так как у нее не было средств даже на похороны супруга.

Нельзя без горечи читать это отчаянное прошение. Оно свидетельствует о тяжелом положении создателя ограды Летнего сада. Это было типично для судьбы многих русских архитекторов, которых держали на второстепенных должностях, подчиняли иноземцам, платили значительно меньше и обходили наградами.

В наши дни ограда Летнего сада выглядит несколько иначе, чем в первые десятилетия после ее установки. Боковые веерообразные решетки по обеим сторонам ограды, выполненные архитектором Л.Шарлеманем, появились только в 1830 году. Большие ворота не сохранились. Они были убраны в 1870 году. В «честь чудесного избавления государя от смерти» на месте больших ворот по проекту архитектора Р.И.Кузьмина была возведена часовня. В 1930 году часовню разобрали, и ограда приобрела нынешний вид.

Два столетия красуется на набережной Невы ограда Летнего сада, которую еще современники считали одним из чудес света. И почти два столетия прошли, прежде чем наряду с Фельтеном стали известны имена других ее создателей, в первую очередь замечательного русского зодчего Петра Егоровича Егорова.

В кн.: «Белые ночи». Л., 1974. С. 404—432.

*Приложения**

АРХИВНЫЕ ДОКУМЕНТЫ

ДЕЛО № 3

По прошению Его превосходительства генерала лейтенанта и кавалера орденов г. ФЕРМОРА. Определение в службу ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА в ведомство Канцелярии от строений из чуваш новокрещеного Петра Егорова в архитектурную науку. 1755 год.

№ 1669 Подано марта 30 дня 1755 года

ПРЕДЛОЖЕНИЕ
в Канцелярию строений

Новокрещеный из чуваш Петр Егоров поданною на всевысочайшее Ея Императорского Величества имя челобитною, изъявив, что он желает быть впредь Ея Императорского Величества архитектуры учеником, просит определения в ведомство оной Канцелярии от строений, а понеже о нем отставной артиллерии господин генерал майор, князь Дадиан пишет мне рекомендацию, что упомянутый Петр Егоров из чуваш и в малолетстве окрещен, и выучен при доме Его грамоте, читать, писать, арифметике, геометрии и отчасти малевать, и прилежен к учению, и никаких пороков за ним не примечено.

Того ради оное предложение с приложением челобитной в Канцелярию от строений к надлежащему рассмотрению и определению в службу Ея Императорского Величества ведомства той Канцелярии в архитектурную команду с жалованьем и прочее, проч. что полагается.

В. Фермор.

30 марта 1755 г.

ВСЕПРЕСВЕТЛЕЙШАЯ ДЕРЖАВНЕЙШАЯ ВЕЛИКАЯ ГОСУДАРЫНЯ ИМПЕРАТРИЦА ЕЛИЗАВЕТА ПЕТРОВНА, САМОДЕРЖИЦА ВСЕРОССИЙСКАЯ ГОСУДАРЫНЯ ВСЕМИЛОСТИВЕЙШАЯ

Бьет челом из чуваш новокрещеный Петр Егоров, а в чем мое прошение, тому следуют пункты:

1

Родом я прежде был чувашенин и вывезен в малолетстве Господином генерал майором артиллерии князем Дадиановым в Россию и им окрещен православной вере греческого исповедания; и находился при означенном Господине генерал майоре и доныне; и обучен российской грамоте читать, писать, арифметике, геометрии и отчасти малевать; однако ж упомянутого Господина Генерал майора не крепостной, а состою вольным; к сему

---

* Систематизированы для публикации А.А.Трофимовым.

2

А понеже по тем моим наукам и дабы я и более оных еще приусугубить мог, всеусердное и ревностное желание имею быть в высокославной Вашего Императорского Величества службе архитектурной науки учеником.

И дабы Высочайшим Вашего Императорского Величества указом повелено было: меня, нижайшего, по всеусердному и ревностному желанию на службу Вашего Императорского Величества принять в ведомство Канцелярии от строений архитектурной науки учеником.

Петр Егоров.

Всемилостивейшая государыня прошу Вашего Императорского Величества о сем моя челобитная решение учинить.

Марта 1755 года.

Челобитную писал Муромского пехотного полку сержант *Мокей Уркинов.*

ЦГИА. Ф. 470. Оп. 83/517. Д. 111. Л. 1—5. 1755 г.

№ 1901 Подана апреля 12 дня 1755 года

В КАНЦЕЛЯРИЮ СТРОЕНИЯ

РАПОРТ

Словесным приказом реченой Канцелярии велено мне ученика Петра Егорова освидетельствовать в принятой им, Егоровым, науке арифметике и геометрии и в копиевании чертежей, который поданным прошением просит Канцелярию от строений об определении его в архитектурные ученики.

Того ради Канцелярии от строений сим покорнейше доношу: означенный Егоров в арифметике и геометрии, как по апробации оказалось, учен и впредь в произведении регулов изчисления во исправности быть может, також и в копиевании чертежей оказывает себя прилежным и впредь в руководстве еще лучше утвердить себя может. И для рассмотрения оной Канцелярии скопированный им, Егоровым, чертеж при сем представляю.

12 апреля 1755 года

Архитектурии гезель *Семен Волков.*

ПРОТОКОЛ

По указу Ея Императорского Величества Канцелярия строений слушала предложение Его превосходительства генерала лейтенанта и кавалера орденов Фермора марта 30 дня сего 1755 года, в коем объявлено, что новокрещеный из чуваш Петр Егоров подал на Высочайшее Ея Императорского Величества имя челобитную, объявляя, что он желает быть в службе Ея Императорского Величества архитектурным учеником и просит об определении в ведомство Канцелярии строений. А понеже о нем отставной артиллерии господин генерал майор князь Дадиан пишет генерал лейтенанту Фермору рекомендацию, что упомянутый Петр Егоров из чуваш и им в малолетстве окрещен и обучен при доме ево грамоте читать писать арифметике геометрии и отчасти малевать и прилежен к обучению и никаких пороков за ним не присмотрено и чтобы определить его в архитектурную команду с жалованием учинено было. При рассмотрении его челобитья объявлено, что оный Егоров помянутым генерал майором князем Дадианом окрещен в вере греческого исповедания и обучен российской грамоте читать писать арифметике геометрии и отчасти малевать и желает быть в службе Ея Императорского Величества архитектурной науки учеником и просит, чтобы его в службу принять и определить в архитектурную науку в ученики. От того

марта 31 дня оный Петр Егоров отдан Архитектурии гезелю Волкову и велено его Егорова освидетельствовать в принятой Егоровым науке арифметике геометрии и в копировании чертежей какое искусство имеет. Сего апреля 12 дня оный Волков рапортом представил, что арифметике и геометрии как по апробации оказалось учен и впредь в произведении регулов изчисления во исправности быть может, також и в копировании чертежей оказывает себя прилежным и впредь в руководстве еще лучше утвердить себя может. И для рассмотрения скопированный им чертеж при том представлен. А понеже по примерному штату назначено школьников для обучения арифметике и геометрии тридцать пять и им жалованья в архитектурии 1 класса по сту по двадцати, 2 класса по шестьдесят, 3 класса по сороку восьми рублей без провианта, арифметики и геометрии 1 класса по двадцати по четыре, 2 по осьмнадцать, 3 по двенадцать рублей и провиант. Приказали означенного новокрещеного Петра Егорова принять в службу Ея Императорского величества в ведомство Канцелярии строений в команду архитектурии гезеля Волкова в обучение арифметике и геометрии и архитектурной науки учеником Ея Императорского Величества. Жалованья производить ему по оному примерному штату как ученику арифметики и геометрии 1 класса, ибо он как от реченого Волкова показано арифметики и геометрии учен и в копировании искусство имеет, впредь до рассмотрения денежного по двадцати по четыре рубля, а хлебного муки по три четверти, круп полутора четверика и его с тем окладом записать в список вверенной Ея Императорского Величества службы.

Учинить ему присягу по указу. А то жалованье производить ему сего апреля с 1 числа, ибо оный с того числа при гезеле Волкове по науке своей во апробации, а непраздно находился. Потом к асессору Моложунинову и к оному Волкову и о даче провианта к подпоручику Мулину послать указы.

Подлинный протокол с заключением Канцелярии строений завпротокола секретаря Алексея Орлова. Написан апреля 14 дня 1755 г. (следуют подписи).

По сему определен. Указы посланы.

Архитектурии ученикам носить синие мундиры без красных воротников, запрещается носить офицерский мундир, пока они без рангов.

Фермор. 1756 г.

ЦГИА. Ф. 470. Оп. 74/81. Д. 27. Л. 1. 1756 г.

Алексей Квасов в службе с 744 г. 25 лет, с жалованьем 96 рублей с 1756 года.

ПЕТР ЕГОРОВ, 25 лет, в службе с 1755 г., жалованье получает с 1757 г. по 36 рублей.

АТТЕСТОВАН: состояния доброго и в рисовании чертежей знание и прилежность имеет, в нынешнем году прибавочное жалованье произведено.

Семен Волков
декабря 1757 года.

ЦГИА. Ф. 470. Оп. 90/524. Д. 8. Л. 107 об.

ПРЕДЛОЖЕНИЕ
В Канцелярию от строений

...По рассмотрению моему в силу имянного ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА ВЫСОЧАЙШЕМУ указу данному мне декабря 3-го дня 1762 году за службу и доброе состояние, по старшинству и достоинству сего 1763 году генваря с 1-го дня произведены мною, а именно... 3-го класса Петр Егоров в ранг прапорщичий, ранга прапорщичья Яков Ананьин, Федор Княжнин и

находящийся в том же классе без ранга Петр Неелов по особому его сверх архитекторской науки плотничному искусству... был мастером, в ранг по тому классу подпорутчикский с прежним жалованьем.

Иван Бецкой
апреля 6-го дня 1763 года.

ЦГИА. Ф. 466. Оп. 36/1629. Д. 98. Л. 26. 1763 г.

СПИСОК НИЖЕПИСАННЫМ ЧИНАМ, ПРЕДСТАВЛЕННЫМ К ПРОИЗВОЖДЕНИЮ

ПЕТР ЕГОРОВ, помощник архитектора 3-го класса. В архитектурной науке хорошее знание имеет и противу других, которые во 2-м и 1-м классах, искуснее; достоин в 1-й класс ранга поручика с жалованьем по 300 рублей в год.

ЦГИА. Ф. 467. Оп. 273/183. Д. 100. Л. 503. 1764 г.

СПИСОК НИЖЕПИСАННЫМ ЧИНАМ, ПРЕДСТАВЛЕННЫМ К ПРОИЗВОЖДЕНИЮ

ПЕТР ЕГОРОВ
Помощника 3-го класса ранга прапорщика
Петра Егорова произвести с 3-го класса ранга прапорщичьего по лучшему искусству в 1-й класс с жалованьем по 300 рублей в год.

ЦГИА. Ф. 467. Оп. 273/187. Д. 100. Л. 507 об. 1765 г.

ФОРМУЛЯРНЫЙ СПИСОК
всем состоящим в ведомстве Канцелярии строения домов и садов архитекторов, мастеров, служителям с показанием от роду лет, вступления в службу, жалованьем окладов с аттестатами и кто был в штрафах и подозрениях
1766 год
Санкт-Петербург

ПОМОЩНИКИ 1-го КЛАССА
Петр Неелов, 38 лет, в службе с 1741 г., в нынешних (при конторе) чинах с 1765 г., жалованье 300 рублей.
АТТЕСТУЕТСЯ: достоин к повышению в чинах.
Петр Егоров, 28 лет, в службе с 1755 г., в нынешних чинах с 1765 г., жалованье 300 рублей.
АТТЕСТУЕТСЯ: находится при строении Новодевичьего монастыря, состояния доброго, должность свою исправляет порядочно и жалованья заслуживает.

ЦГИА. Ф. 470. Оп. 122/556. Д. 1. Л. 1—16. 1766 г.

1766 года декабря 14 дня по указу Ея Императорского Величества Канцелярия строения Ея Величества домов и садов... при том показании и обучении учеников быть архитектурии помощнику Петру Егорову, о чем архитектору Волкову дать указ.

Петр Трубецкой
Игнатий Росси
Князь Петр Хованский
Семен Микулин
Иван Росси

ЦГИА. Ф. 470. Оп. 76/188. Д. 553. Л. 81. 1766 г.

СПИСОК НИЖЕПИСАННЫМ ЧИНАМ, ПРЕДСТАВЛЕННЫМ К ПРОИЗВОЖДЕНИЮ

ПОМОЩНИКИ 1-го КЛАССА

Петр Егоров, в ранге прапорщика с 1763 года, в службе с 1755, в нынешних чинах с 1765.

АТТЕСТУЕТСЯ: в архитектурной науке хорошее знание имеет и против других, кои во 2-м и 1-м классах, искуснее, за что удостоиван еще в 1765 году в ранг подпоручика.

ЦГИА. Ф. 467. Оп. 273/187. Д. 110. Ч. 1. Л. 20. 1767 г.

СПИСОК НИЖЕПИСАННЫМ ЧИНАМ, ПРЕДСТАВЛЕННЫМ К ПРОИЗВОЖДЕНИЮ

ПОМОЩНИКИ 1-го КЛАССА

Петр Егоров в ранге прапорщика с 1763 г. В службе с 1755 г., в нынешних чинах с 1765 г.

АТТЕСТУЕТСЯ: В архитектурной науке хорошее знание имеет и против других, кои во 2-м и 1-м классах, искуснее, за что удостоен еще в 765-м году в ранг подпоручика.

ПРИМЕЧАНИЕ БЕЦКОГО:

За службу, труды и доброе состояние по старшинству и достоинству наградить чинами сего генваря 1 дня 1768 года... подпоручикским чином из прапорщичья помощника 1-го класса Петра Егорова.

Иван Бецкой
Генваря 1768 года.

ЦГИА. Ф. 467. Оп. 273/187. Д. 110. Ч. 1. Л. 20. 1768 г.

ВСЕПРЕСВЕТЛЕЙШАЯ ДЕРЖАВНЕЙШАЯ ВЕЛИКАЯ ГОСУДАРЫНЯ ИМПЕРАТРИЦА ЕКАТЕРИНА АЛЕКСЕЕВНА САМОДЕРЖИЦА ВСЕРОССИЙСКАЯ ГОСУДАРЫНЯ ВСЕМИЛОСТИВЕЙШАЯ

Бьет челом ведомства Канцелярии от строений Вашего Императорского Величества домов и садов архитектурии первого класса помощник Петр Егоров сын Егоров, а с чем, тому следуют пункты:

1

В службу Вашего Императорского Величества вступил я в ученики в 755 году и обучен до того на своем коште арифметике, геометрии, полевой практике, от руки рисовать и частию масляными красками писать; и от того времени по 761 год никакого произвождения не имел; а потом производим был помощником в 761 году третьего класса; в 763 в ранг прапорщика; а протчие мои братья иные вступя обученые прямо поступали в помощники; а другие быв в классах имели порутчичьи чины, а я и по определении никакого произвождения девять лет не имел и будучи в службе против классов порутчикского чину не получил...

2

а в ту мою службу употреблялся в 756 году для снятия Петергофской генеральной ситуации, в исправлениях разных чертежей, при строениях девичьего монастыря, светлой в Первом саду галереи; послан был в Пернов для сочинения чертежей и сметы соборной церкви и ныне употребляюсь при разных поручаемых

каменных по Канцелярии работах и при обучении архитектурной школы с такой исправностью, как те должности у меня требовали, за что и аттестован заархитектором с жалованьем по четыреста рублев в год.

И дабы Высочайшим Вашего Императорского Величества указом повелено было за службу мою награждением не оставить, к сему архитекторский аттестат и сочиненный мною чертеж при сем представляю.

Егоров.

Всемилостивейшая государыня прошу Вашего Императорского Величества о сем моем прошении решение учинить.

Марта 5 дня 1768 года.

Челобитную писал канцелярии главной артиллерии и фортификации писарь Фома Андреев.

ЦГИА. Ф. 467. Оп. 273/187. Д. 110. Ч. I. Л. 49. 1768 г.

Март 1768 г.

АТТЕСТАТ

Мы, нижеподписавшиеся, ведомства Канцелярии от строений Ея Императорского Величества домов и садов архитектурии первого класса помощника Петра Егорова сим аттестуем, что оный в знании своего дела в архитектуре как в сочинении планов и фасадов, так и в практике знающ и поведения доброго и по усмотрению нашему заархитектора с рангом против состоящих по оной Канцелярии заархитекторов и с награждением жалованья по четыреста рублев в год быть достоин, в чем и подписуемся.

Архитектор *Семен Волков*
Архитектор *Юрий Фельтен*
Архитектор *Андрей Мыльников*
Архитектор *Алексей Квасов*

ЦГИА. Ф. 467. Оп. 273/187. Д. 110. Ч. I. Л. 50. 1768 г.

ЕГО ВЫСОКОПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВУ ГОСПОДИНУ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОМУ ТАЙНОМУ СОВЕТНИКУ КАМЕРГЕРУ НАД СТРОЕНИЯМИ ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА ДОМОВ И САДОВ ГЛАВНОМУ ДИРЕКТОРУ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ ХУДОЖЕСТВ ПРЕЗИДЕНТУ И КАВАЛЕРУ ИВАНУ ИВАНОВИЧУ БЕЦКОМУ

Канцелярии от строения
ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА домов и садов

Оная Канцелярия, рассматривая учиненное во оной расписание о служащих в ведомстве сей Канцелярии состоящих в рангах обер офицерских и без рангов чинах и представленных о некоторых аттестатов и поданных челобитен,

Вашему высокопревосходительству представляет, что нижеписанные ведомства Канцелярии служители в службе Ея Императорского Величества архитектурии помощники подпорутчикского чина 1-го класса Петр Егоров с 755 г.; 2-го Петр Неелов с 735-го, 3-го классов без ранга Иван Федорович с 767-го архитектурии и механического дела прапорщик Данила Вунш с 753-го; в нынешних чинах: Егоров в 1-м классе с 765-го, в ранге подпоручика с 768-го; Неелов с 763... Казаринов, Соболев, Миронов с 766-го; из них Казаринов из дворян; состояния доброго, должность исправляет добропорядочно.

За что по мнению Канцелярии некоторых из них в сравнение с младшими их произведенными, а других по достоинству одному дабы противу протчих произведенных обиды не имели должно наградить: Егорова в рассуждении, что младшее Ево заархитекторы Фок, Шпекле в титулярные советники произведены, и за знание науки по аттестату архитекторов: заархитекторов в ранг капитаном; Неелов как он не одну по званию, но и плотничную должность исправляет в 1 класс в ранг поручика, а прочих всех, кроме Казаринова, прапорщичьеми чинами, а Казаринова в рассуждении, что он из дворян, настоящим прапорщичьим рангом; при чем для рассмотрения как учиненное в Канцелярии оной расписании, так и поданные от Егорова челобитная, учиненный им чертеж и архитекторский о нем аттестат; и Неелова челобитная же представляются; на что и ожидаем от Вашего высокопревосходительства резолюции.

Игнатий Росси
Князь Петр Хованский
Василий Микулин
Иван Росси

Марта 19 дня 1768 года.

ЦГИА. Ф. 467. Оп. 273/187. Д. 110. Ч. I. Л. 44. 1768 г.

СПИСОК
представленным от Канцелярии от строений ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА домов и садов разным чинам к произвождению

...Архитектурии помощник 1-го класса Петр Егоров в службе с 755 года, помощником 1-го класса с 765, в ранге с 768.

АТТЕСТУЕТСЯ: по доброму поведению и за знание науки против младшее его произведенных заархитекторов Фока и Шпекле в титулярные советники, заархитектором в ранг капитанский достоин и в 765 году подпоручиком удостоиван был.

Марта 26 дня 1768 г.

ЦГИА. Ф. 467. Оп. 273/187. Д. 110. Ч. I. Л. 56. 1768 г.

Архитектурии помощника 1-го класса Петра Егорова заархитектором в ранг титулярного советника по лучшему знанию науки и практики и обучению прежде службу своим коштом арифметике, геометрии, полевой практики, от руки рисовать и отчасти масляной краской писать.

Иван Бецкой.
Марта 29 дня 1768 года.

ЦГИА. Ф. 467. Оп. 273/187. Д. 110. Ч. I. Л. 58. 1768 г.

КАНЦЕЛЯРИИ СТРОЕНИЯ ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА ДОМОВ И САДОВ

Находившийся при Зимнем каменном дворце каменного дела мастер... умер, а там работы всегда производятся, причем знающему быть должно, того ради означенной Канцелярии к тем упомянутым работам определить заархитектора Петра Егорова, по сему жалованье ему производить, более другими делами ево не обязывать.

Октября 9 дня 1768 года.

ЦГИА. Ф. 467. Оп. 273/187. Д. 110. Ч. II. Л. 232. 1768 г.

...Петр Егоров заархитектор, находится при Зимнем доме, жалование производится в год 300 рублей.

ЦГИА. Ф. 470. Оп. 74/81. Д. 48. Л. 55. 1768 г.

9 октября 1769 г.

...в Конторе строений по апробованному оной 9 октября 1769 года штату положено иметь с жалованьем
архитекторов 2 по 600 рублей,
заархитекторов 2 по 400 рублей,
архитектурных помощников 4 по 150 рублей,
учеников 1-го класса 2 по 100 рублей,
учеников 2-го класса 2 по 80 рублей,
учеников 3-го класса 4 по 60 рублей.

ЦГИА. Ф. 470. Оп. 83/517. Д. 302. Л. 4.

1 ноября 1769 г.

Выбывают из Канцелярии строений на 1 ноября 1769 г.

Архитекторы
Андрей Квасов 600 р. в г.Козельце
Петр Патон 600 р. в Коммерц. коллегии
Андрей Мыльников 600 р. в Дворцовой канцелярии
Деламот 600 р. исключен по излишеству

Заархитекторы
Иван Жеребцов 400 р. уволен
Яков Ананьин 300 р. в Академии художеств
Николай Васильевич 300 р. на пенсию

ЦГИА. Ф. 467. Оп. 273/187. Д. 129. Ч. II. Л. 330.

КОНТОРА СТРОЕНИЙ ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА ДОМОВ И САДОВ ШТАТ 1769

1. Архитектор ранга секунд майора ЮРЬЯ ФЕЛЬТЕН, 38 лет, в службе с 751 г., оклад жалованья 600 рублей.
2. Заархитектор титулярный советник Петр ЕГОРОВ, 39 лет, в службе с 755 года, оклад жалованья положено 300 рублей, получает 400 рублей.
3. Заархитектор ИВАН ФОК, 30 лет, в службе с 760 г., жалованье 300 рублей.

ЦГИА. Ф. 470. Оп. 74/81. Д. 50. Л. 68 об. 1769 г.

В ШТАТ КОНТОРЫ СТРОЕНИЯ ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА ДОМОВ И САДОВ ВКЛЮЧЕНЫ

от 4 января 1770 года

Архитекторы
ранга секунд майорского ЮРЬЯ ФЕЛЬТЕН, от роду 38 лет, в службе с 751 г., положено жалованья 600 р., ныне получает 800 р.

Заархитекторы
титулярные советники
ПЕТР ЕГОРОВ, от роду лет 39, в службе с 755 г., жалованья положено 300, ныне получает 400 р.

ИВАН ФОК, от роду 30 лет, в службе с 760 г., жалованья положено 300 р., ныне получает 300 р.

ЦГИА. Ф. 470. Оп. 74/81. Д. 50. Л. 125. 1770 г.

ДЕЛО
о прибавке жалованья архитектору ФЕЛЬТЕНУ и о награждении архитектором заархитектора ПЕТРА ЕГОРОВА

Началось 6 сентября 1772 года.
Кончилось 3 сентября 1774 года. На 16 листах.

ЦГИА. Ф. 470. Оп. 90/524. Д. 36. Л. 1—16.

Подано 6 сентября 1772 года

ВСЕПРЕСВЕТЛЕЙШАЯ ДЕРЖАВНЕЙШАЯ ВЕЛИКАЯ ГОСУДАРЫНЯ ИМПЕРАТРИЦА ЕКАТЕРИНА АЛЕКСЕЕВНА САМОДЕРЖИЦА ВСЕРОССИЙСКАЯ ГОСУДАРЫНЯ ВСЕМИЛОСТИВЕЙШАЯ

Бьет челом Конторы строения Вашего Императорского Величества домов и садов архитектор ранга секунд майорского Юрья Матвеев сын Фельтен, а о чем тому следуют пункты

1

По ведомству бывшей Канцелярии от строений при смотрении за строениями находилось обер архитектор один и архитекторов до шести, и менее четырех никогда не бывало, кои и жалованья получали более пяти тысяч рублей, строений же состояло тогда против нынешняго меньше, и хотя по штату Конторы строений ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА домов и садов положено архитекторов двоя, но состою и вместо всех означенных бывших архитекторов должность при многих излишних против прежняго строениях исправляю один я, да и сверх дворцовых строений сочленом оной Конторы нахожусь я при строении по Неве реке каменного берега, при котором были особые на жалованьи от того строения; а я однако от показанной Конторы получаю только по восьми сот рублев, и против положенного в штате двум архитекторам остается в казне по четыреста рублей каждый год. К сему прошению и дабы ВЫСОЧАЙШИМ ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА УКАЗОМ повелено было мне именованному за означенные мои труды остающиеся в казне по четыреста рублей в год выдать и впредь производить.

ВСЕМИЛОСТИВЕЙШАЯ ГОСУДАРЫНЯ прошу ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА О СЕМ моем прошении милостивое решение учинить, сентября 6 дня 1772 года, к поданию надлежит в Контору строения ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА ДОМОВ И САДОВ.

Челобитную писал оной же Конторы канцелярист *Иван Прашутин.*

Юрья Фельтен руку приложил.

Л. 2.

1772 года сентября 7 дня по указу ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА Контора строений ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА домов и садов слушав челобитную, поданную ведомства оной ранга секунд майорского архитектора Юрья Фельтена, приказали к господину действительному тайному советнику над смотрениями ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА домов и садов Главному директору и

разных орденов кавалеру Ивану Ивановичу Бецкому представить, что именованный Фельтен в челобитьи объявляет и по справке во оной Конторе оказалось по ведомству бывшей Канцелярии от строений при смотрении за строениями и сочинении прожектов находилось обер архитектор один и архитекторов до шести, а менее четырех никогда не бывало, как и жалованье получали более пяти тысяч рублев, строений же состояло тогда против нынешнего меньше и хотя по штату сей Конторы положено архитекторов двое, но состоит и вместо всех означенных бывших архитекторов должность при многих излишних против прежняго строениях исправляет один он, Фельтен, да и сверх дворцовых строений со членом оной Конторы находится он же, Фельтен, при строении по Неве реке каменного берега, при котором были особые на жалованьи от того строения же Фельтен же... получает только по восьми сот рублей. Просит дабы ему за означенные его труды оставшиеся в казне положенные на двух архитекторов по четыреста рублей в год выдать и впредь производить. А как Контора строений ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА домов и садов свидетельствует, что он Фельтен все возложенные на него многие должности исправляет со всегдашним трудом и добропорядочно, о чем и его превосходительство... довольно известен, а потому он, Фельтен, как исправляющий сию должность вместо двух архитекторов безостановочно с преимущим против многих прежде бывших архитекторов трудом и по знанию желаемых успехом по мнению оной Конторы достоин получать положенное на сих двух архитекторов по штату жалованье по тысяче по двести рублей. Как уже и представлено по долговременному... двенадцатилетнему его в одном нынешнем майорском чине бытию к награждению надворным советником, не получа сего несет пред младшими его обиду и как до сего года оставшаяся от художников, мастеров и мастеровых сумма на определенных сверх штата... уже вся изошла, то не соизволит ли Его Высокопревосходительство приказать прибавленные к ныне получаемым производить с начала сего 1772 года, что все по силе ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА ИМЯННОГО о штатах 9-го октября 1769 года указа 10 пункта сия Контора и представляет на конфирмацию Его высокопревосходительства подлинный протокол за подписанием сей Конторы.

10 сентября 1772 года.

Представлено к именнованному господину Бецкому сентября 10 дня 772 года, № 3587.

Л. 4.

В КОНТОРУ СТРОЕНИЯ ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА ДОМОВ И САДОВ

РЕПОРТ

Указом из реченой Конторы между прочим велено: по причине множества требуемых исправлений из имеющихся в ведомстве оной Конторы заархитекторов трех, который из них преимущественнее к произвождению в архитекторы достойным мною признается представить; а как из тех трех заархитекторов Петр Егоров старее всех да и в знании архитектуры в теории и практике весьма преимущественнее; и потому его знанию при означенной Конторе должность архитекторную отправлять может, для чего и к награждению архитекторов достойным признается; того ради Конторе строения ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА домов и садов сим покорнейше представляю и прошу дабы соблаговолено было означенного заархитектора Петра Егорова как выше значит по старшинству и по точному знанию в архитектуре произвесть архитектором, которым он быть достоин; почему и должность архитекторскую по Конторе ему поручить.

Генваря 31 дня 1774 года.

ЮРЬЯ ФЕЛЬТЕН.

Л. 4 об.

Во оной Конторе по справке состоящий в штатном сей Конторы числе заархитектор Петр Егоров. В службе из новокрещеных чуваш с 1755 архитектурии учеником и производим он помощником

в 761-м в 3-й класс

в 763-м в ранг прапорщика

в 765-м в 1-й класс

в 768-м годе заархитектором титулярным советником по лучшему знанию науки и практики, обучен прежде службы своим коштом арифметике, геометрии, полевой практике, от руки рисовать и отчасти масляной краской писать.

Ныне ему от роду 43 года, жалованье производится в год по 400 руб., в бытность в службе штрафов и подозрений не бывало.

30 декабря 773 года оной Конторе вследствие апробованной господином действительным тайным советником и кавалером Иваном Ивановичем Бецким... оной Конторе служителей списка определено: как в предъявляемом списке Его высокопревосходительство между прочим против имени архитектора Фельтена предписал по причине множества требуемых исправлений находит Его Высокопревосходительство дабы Фельтену не могла обратиться в несносную должность, на то на остальное жалованье признать в помощь ему другого у него же Фельтена ныне состоит заархитекторов трое и для того ему, Фельтену, в Контору представить из тех 3-х заархитекторов который преимущественнее и произведения в архитекторы достойным им признавается.

Канцелярия. *Иван Харитонов.*

Л. 6—6 об., 7.

1774 года февраля 1 дня собрание Конторы строений ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА домов и садов докладывало, что в поданном от оной к господину действительному тайному советнику и кавалеру Ивану Ивановичу Бецкому на 1773 год списке от господина надворного советника и архитектора Фельтена представлено было, как он исправляет должность вместо положенных по штату двух архитекторов один безостановочно с преимущественным против многих прежде бывших архитекторов трудом и по знанию с желаемым успехом, то в рассуждении оных обстоятельств, как уже и особо представлено, производить ему Фельтену положенное на двух архитекторов жалованье по тысяче по двести рублей, то есть к ныне получаемым восьмистам с прибавкою по четыреста рублей в года. На которых списках Его высокопревосходительство против Его Фельтена имяни предписал по причине множества требуемых отправлений находит Его высокопревосходительство дабы Ему Фельтену не могла обратиться в несносную должность, чтобы на остальное жалованье приискать в помощь ему другого, вследствие чего данным по определению сей Конторы Ему господину Фельтену указом велено в Контору репортовать из состоящих у него трех заархитекторов кто преимущественнее и к произвождению в архитекторы достойным им и признавается. На что он, господин Фельтен, репортом представляет, что из тех трех заархитекторов Петр Егоров старее всех да в знании архитектурии в теории и практике весьма преимущественнее и тому его знанию при означенной Конторе должность архитектурную отправлять может, для чего и к награждению архитектором достойным признавается и просит дабы оная Контора благоволила его Егорова как выше значит по старшинству и по точному знанию в архитектурии произвести архитектором, которым он быть достоин по сему и должность архитекторскую по Конторе ему поручили; а по справке в оной Конторе реченый заархитектор Егоров в службе состоит с 1755 года архитектурии учеником и производим был помощником в 761-м в третий класс, в 768-м году заархитектором и титулярным советником произведен по лучшему знанию науки и

практики; обучен прежде службы своим коштом арифметике, геометрии, полевой практике, от руки рисовать и отчасти масляной краской писать; от роду ему ныне сорок три года, жалованья производится положенное по штату по четыреста рублей в год; в бытность в службе в штрафах и подозрениях не бывал, наивсегда за добропорядочные Его поступки и в должности исправность к награждению аттестовался... Заархитектор Иван Фок, который по указу правительствующего Сената 19 февраля 760 года принят в службу архитектурии помощником с чином порутчика по представлении обер архитектора графа де Растрелли в рассуждении, что оный Фок при нем, де Растрелли, находился для вспоможения пять лет и до того времени обучался на своем коште как математическим наукам, так и архитектурии и им усмотрено, что в рисовании чертежей и на практике имеет достаточное искусство, а потому производим был по бывшей Канцелярии от строений с прочими в 765-м заархитектором, в 768-м титулярным советником... В представлении же от Фельтена о них, Фоке и Егорове, на 773 год списка написано, что они к произведению достойны и по указу ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА оная Контора строений ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА домов и садов приказала с прописанием сего к именованному господину действительному тайному советнику и кавалеру Ивану Ивановичу Бецкому представить, что оная Контора о добром состоянии и поведении тех заархитекторов в рассуждении представления господина Фельтена к произведению в архитекторы в штат сей Конторы Петра Егорова, которого он, господин Фельтен, в знании против другого преимущественнее рекомендует; удостаивает с прибавкою к ныне получаемому жалованью из оставшейся на художников и мастеровых суммы по 200, а с произвождением всего по шестисот рублей в год, о чем и требовать от Его Высокопревосходительства резолюции.

Подлинный протокол за подписанием оной Конторы подписан 4 февраля 1774 года.
Представлен к Главному директору Бецкому № 368 февраля 7 дня 1774 года.

Л. 8—8 об.

ЕГО ВЫСОКОПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВУ ГОСПОДИНУ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОМУ ТАЙНОМУ СОВЕТНИКУ КАМЕРГЕРУ НАД СТРОЕНИЯМИ ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА ДОМОВ И САДОВ ГЛАВНОМУ ДИРЕКТОРУ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ ХУДОЖЕСТВ ПРЕЗИДЕНТУ И РАЗНЫХ ОРДЕНОВ КАВАЛЕРУ ИВАНУ ИВАНОВИЧУ БЕЦКОМУ

Из Конторы строения
ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА домов и садов

(В поданных к Вашему высокопревосходительству от оной Конторы на 1773 год списках господином надворным советником и архитектором Фельтеном представлено было: как он исправляет должность вместо положенных по штату двух архитекторов один безостановочно с преимущественным против многих прежде бывших архитекторов трудом и по знанию с желаемым успехом, то в рассуждении оных обстоятельств как уже и особо представлено производить ему Фельтену положенное на двух архитекторов жалованье по тысяче по двести рублей, то есть к ныне получаемым восьмистам с прибавкою по четыреста рублей в год, на которых списках Ваше высокопревосходительство против его имени предписали... по причине множества требуемых исправлений, чтобы Фельтену не смогло обратиться в несносную должность так на остальное жалованье приискать в по-

мощь ему другого вследствие чего данным сей Конторы ему господину Фельтену указом велено в Контору репортовать...)*

...Вследствие прежде писанному Вашему превосходительству представленному оной Конторы о всех чинах и служителях на запрошлый 773 год списках дабы по причине множества требуемых исправлений на остальное положенное по штату оной Конторы архитекторов жалованье приискать в помощь находящемуся надворному советнику и архитектору Фельтену другого. Данным сей Конторы ему Фельтену указом велено в Контору рапортовать, из состоящих ныне у него трех заархитекторов кто преимущественнее и к произведению в архитекторов достойным им признавается, на что он, господин Фельтен, репортом представляет, что из тех трех заархитекторов Петр Егоров старее всех, да и в знании архитектуры в теории и практике весьма преимущественнее, и потому Его знанию при означенной Конторе должность архитекторную отправлять может... и к награждению архитектором достоин признавается и просит, дабы оная Контора благоволила Его, Егорова, как выше значит по старшинству и по точному знанию в архитектуре произвесть архитектором, которым он быть достоин, по чему и должность архитекторную по Конторе ему поручить. А по справке в оной Конторе реченый заархитектор Петр Егоров в службе состоит с 1755-го архитектурии учеником, и производим был: помощником в 1761-м в третий класс, в 1763-м в ранг прапорщика, в 765-м в 1-й класс, в 768 заархитектором и титулярным советником по лутчему знанию науки и практики, от руки рисовать, отчасти из масляных красок писать, от роду Ему сорок три года, жалованье производится положенное по штату по четыреста рублей в год. В бытность в службе в штрафах и подозрениях не бывал, а наивсегда за добропорядочные Его поступки и в должности исправность к награждению аттестовался.

А как он (Вашему высокопревосходительству оная Контора строения представляет: реченый заархитектор**) Егоров и сею Конторою в порученных ему по ведомству оной делах усмотрен тщательным и исправным, то потому и к произведению согласно с представлением господина Фельтена в штат сей Конторы архитектором с прибавкой к ныне получаемому жалованью из оставшейся на художников и мастеровых суммы по двести, а с производжением всего шестисот рублей в год достоин (на что от Вашего высокопревосходительства и ожидает резолюции***) по мнению оной Конторы.

Февраля 7 дня 1774.

1774 года февраля 14 дня по указу ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА Конторы строений ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА домов и садов по челобитной заархитектора и титулярного советника Петра Егорова о увольнении Его для своих необходимых нужд в города Москву и Вязьму на двадцать девять дней приказали: Его, Егорова, в Москву и Вязьму на двадцать на девять дней уволить и для свободного проезду обязав, чтобы на срок явился реверсом дать пашпорт, о чем для ведома к господину надворному советнику и архитектору Фельтену послать указ.

Иван Зверев
Мулин
Путятин
Карл Крок

ЦГИА. Ф. 470. Оп. 76/188. Д. 647. Л. 340. 1774 г.

---

* Текст в скобках зачеркнут, далее идет текст, написанный другим почерком; документ не подписан членами Совета Конторы строений. — *Э.К.*

** Текст в скобках зачеркнут. — *Э.К.*

*** Текст в скобках зачеркнут. — *Э.К.*

ПРЕДЛОЖЕНИЕ

Конторе строения ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА домов и садов

В рассуждении рачительной исправности усматриваемой в господине надворном советнике и архитекторе Фельтене что сверх исправляемой им своей и вместо следуемого быть бы при Конторе по штату другого архитектора должности множественное число планов, чертежей, рисунков и моделей поручаемых как от ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА, так и от ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЫСОЧЕСТВА исправляется им же; и для того в сходственность представляемого Конторою строения ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА домов и садов в прошлом 772-м году мнения прибавочное полагаемое ему жалованье производить определяется.

Иван Бецкой.

Марта 29 дня 1774 года.

ЦГИА. Ф. 470. Оп. 90/524. Д. 36. Л. 9.

ДЕЛО
об определении заархитектора Петра Егорова сына Алексея в архитектурные ученики. 1781 г.

Начато 18 декабря 1780 года
Кончилось 21 сентября 1781 года

№ 4885
18 декабря 1780 года

ВСЕПРЕСВЕТЛЕЙШАЯ ДЕРЖАВНЕЙШАЯ ВЕЛИКАЯ ГОСУДАРЫНЯ И ИМПЕРАТРИЦА ЕКАТЕРИНА АЛЕКСЕЕВНА САМОДЕРЖИЦА ВСЕРОССИЙСКАЯ ГОСУДАРЫНЯ ВСЕМИЛОСТИВЕЙШАЯ

Бьет челом ведомства Конторы строения Вашего Императорского Величества домов и садов титулярный советник и заархитектор Петр Егоров сын Егоров и о чем, тому следуют пункты:

1

Имею я именованного при себе сына родного Алексея, которому ныне от роду четырнадцать лет, и оной обучен моим коштом российской грамоте читать и писать тако арифметике и от руки рисовать, и с которой ево руки для усмотрения при сем и представляю, но в службу Вашего Императорского Величества еще не определен, а желание имеет быть в архитектурном художестве.

К сему челобитное

2

И дабы Высочайшим Вашего Императорского Величества указом повелено было показанного сына моего Алексея по желанию ево определить в ведомство Конторы строения Вашего Императорского Величества домов и садов в архитектурное художество учеником с произвождением по рассмотрению оной Конторы жалованья

Титулярный советник и заархитектор

Всемилостивейшая государыня, прошу Вашего Императорского Величества по сему моему прошению решение учинить.

Декабря дня 1780 году

К поданию надлежит в Контору строения Вашего Императорского Величества домов и садов.

Прошение писал оной же Конторы подканцелярист *Сергей Дорофеев*.

Петр Егоров руку приложил.

ЦГИА. Ф. 470. Оп. 83/517. Д. 302. Л. 1—6. 1780 г.

Означенного Господина коллежского асессора Петра Егорова сын Алексей как в достаточном научении читать, писать, арифметике, тоже и от руки рисовать мною свидетельствован, который к определению в архитектурные ученики признавается за способного в должности архитекторской.

Коллежский асессор *Иван Фок*.

ЦГИА. Ф. 470. Оп. 83/517. Д. 302. Л. 1 об. 1781 г.

1781-го года сентября 21-го дня по Указу ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА Контора строения ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА домов и садов по челобитной ведомства оной Конторы титулярного советника и заархитектора, что ныне коллежский асессор Петра Егорова, коев объявляет, что имеет он при себе сына родного Алексея пятнадцатилетнего, который Его, Егорова, коштом обучен российской грамоте, читать и писать, также арифметике и от руки рисовать и сделанные им рисунки для усмотрения представил при той челобитной, но в службу де никуда не определен, а желание имеет быть в архитектурном художестве, почему он, Егоров, и просит об определении его в архитектурные ученики с произвождением надлежащего жалованья, на той челобитной заархитектор коллежский ассесор Фок письменно засвидетельствовал, что он, Алексей Егоров, по достаточном научении читать, писать и арифметики тоже и от руки рисовать за способного признается быть в архитектурном художестве, а по справке в Конторе по апробованному оной 9-го октября 1769-го года штату положено иметь с жалованьем архитекторов два, по шестисот рублей, заархитекторов два по четыреста рублей, помощников четыре, по сту по пятидесяти рублей, учеников первого класса два, по сту рублей, второго два по восьмидесяти рублей, третьего четыре по шестидесяти рублей каждому в год.

Ныне находится архитекторов два первому производится тысяча двести рублей, второму четыреста пятьдесят, заархитектору одному пятьсот пятьдесят, второму четыреста, помощникам первому двести пятьдесят, второму двести, третьему сто восемьдесят, четвертому сто шестьдесят, пятому сто двадцать пять, шестому и седьмому по сту рублей, восьмому девяносто, ученикам первому сорок, другому тридцать шесть, третьему двадцать четыре рубли.

Итак, против положенного по штату числа людей шестнадцати не достает одного, а жалованья производится излишняго семь сот пятнадцать рублей, в имянном же ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА ВСЕВЫСОЧАЙШЕМ при штатах указе между прочим 10-м пунктом повелено хотя и положено в штатах какое число людей, так и сколько кому жалованья, но по обстоятельству и течению времени востребоваться может иногда иным по знанию денежную прибавку учинить, у других за нерачительное и леностное исправление должности убавить... не имеющих офицерского чина разного дела мастеров прибавить, а других число уменьшить, то и оставлено на рассмотрение Его высокопревосходительства господина действительного тайного советника и кавалера Ивана Ивановича Бецкого. Определили: означенного заархитектора Егорова сына его Алексея в рассуждении, что он читать, писать и арифметики тоже и от руки рисовать научен... а как по недостатку в архитектурных учениках настоит крайняя надобность, в архитектурные ученики с жалованьем по тридцати по шести рублей в год определить и в верной ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВУ службе привести к присяге и между прочими написать в список.

Подлинный протокол за подписанием оной Конторы секретаря *Никиты Легкого* подписан того числа.

ЦГИА. Ф. 470. Оп. 83/517. Д. 302. Л. 4—5. 1781 г.

КЛЯТВЕННОЕ ОБЕЩАНИЕ

Аз нижеименованный обещаюсь и клянусь всемогущим Богом пред святым Его Евангелием в том, что хощу и должен ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА моей ВСЕМИЛОСТИВЕЙШЕЙ ВЕЛИКОЙ ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЕ ЕКАТЕРИНЕ АЛЕКСЕЕВНЕ САМОДЕРЖИЦЕ ВСЕРОССИЙСКОЙ и ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА ЛЮБЕЗНЕЙШЕМУ СЫНУ ГОСУДАРЮ ЦЕСАРЕВИЧУ и ВЕЛИКОМУ КНЯЗЮ ПАВЛУ ПЕТРОВИЧУ законному всероссийского престола наследнику верно и нелицемерно служить и во всем повиноваться, не щадя живота своего до последней капли крови; и все к высокому ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА САМОДЕРЖАВСТВУ, СИЛЕ И ВЛАСТИ принадлежащие права и прерогативы, узаконенные и впредь узаконяемые по крайнему разумению силе и возможности предостерегать и оборонять; и притом по крайней мере стараться споспешествовать; все, что к ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА верной службе и пользу государственной во всяких случаях касаться может. О ущербе же ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА интереса, вреде и убытке, как скоро о том уведаю, не токмо благовременно объявить, но всякими мерами отвращать и не допущать тщатися; и всякую мне вверенную тайность крепко хранить буду, и поверенный и положенный на мне чин... определяемый инструкциями и регламентом и указами надлежащим образом по совести своей исправлять и для своей корысти, свойства, дружбы... противно должности своей и присяги не поступать; и таким образом себя вести и поступать, как доброму и верному ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА рабу и подданному благопристойно есть и надлежит, и как я перед Богом и судом Его страшным в том всегда ответ дать смогу, как суще мне Господь Бог душевно и телесно да поможет, в заключение же сей моей клятвы целую крест Спасителя моего. Аминь. У сей присяги был и подписуюсь архитектурии ученик

Алексей Егоров.

К присяге приводил церкви Рождества Иисуса Христова иерей *Никифор Ананьев.*

При приводе к присяге был канцелярист *Гаврила Канушин.*

ЦГИА. Ф. 470. Оп. 83/517. Д. 302. Л. 6. 1781 г.

В Конторе строения Ея Императорского величества домов и садов расписано

по апробованному в оной Конторе 9 октября 769 года штату положено по архитектурной команде	ныне состоит
архитекторов 2, жалованья каждому по 600, итого 1200	архитекторов 2, им жалованья первому — 1200, второму — 450
заархитекторов 2, каждому по 400 итого 800	заархитекторов 2, им жалованья одному — 550, другому — 400
архитектурных помощников 4, каждому по 150, а всего 600	помощников 8, им жалованья 1215
учеников 8, 1-го класса 2 по 200 2-го класса 2 по 80, 160 3-го класса 4 по 60, 240	учеников 3, им жалованья 100
итого на всю команду 3200	итого на всю команду производится 3915 против штата

Господину коллежскому советнику и архитектору Фельтену . . . 1200
архитектору Ивану Дункеру 450
заархитекторам
Ивану Фоку 550
Петру Егорову 400

ЦГИА Ф. 470. Оп. 83/517. Д. 302. Л. 2—2 об. 1781 г.

СПИСОК
Конторы строения домов и садов о членах и прочих чинах

1. ПЕТР ЕГОРОВ
1. ИЗ КАКИХ ЧИНОВ
Из новокрещеных чуваш.
В службу поступил в 1755 году архитектурии учеником, потом произведен был чинами, в 1763 помощником третьего класса в ранг прапорщика, в 768 заархитектором и титулярным советником, в 1781 году коллежским асессором.
В походах не был.
К продолжению статской службы способный и к продолжению чинов достойный.

ЦГИА. Ф. 470. Оп. 90/524. Д. 42. 1785 г.

О РАСПРЕДЕЛЕНИИ АРХИТЕКТОРА ДУНКЕРА И ЗААРХИТЕКТОРОВ ЕГОРОВА И ФОКА ПО ДОЛЖНОСТЯМ

Началось 5 марта 1786 года.
Кончилось 23 августа 1787 года.
На 2-х листах.

Л. 1.

1786 года февраля 18 дня по указу ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА Контора строения ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА домов и садов имея рассуждение, что штата сей Конторы заархитектор коллежский асессор Петр Егоров прошлого 1768 года по требованию артиллерии полковника, что после был генерал инженер, Михайлы Ивановича Мордвинова к строению Мраморного дома отослан был, который при оном по сей 1786 год и находился, а по ведомству Конторы строений находился только при строении каменной в Рождественских слободах церкви и железной по берегу Невы реки у Летняго саду решетки, а как Мраморный дом строением кончен и он, Егоров, от оного уволен, а по строениям по ведомству сей Конторы в архитекторах настоит нужда как то по Зимнему дому по садам по Екатерингофу по мастерскому двору и по другим препоручаемым строениям, а при всех строениях находятся: кроме архитектора и над мастеровыми инспектора Старова, который над всеми смотрение имеет, двое архитектор Дункер при Рафаеловых ложах, заархитектор Фок по Зимнему дому по садам и по другим, кроме препоручаемых строениев Егорову, местам и для того определили как по окончании строения Мраморного дома архитектор Егоров от оного уволен, то и препоручить Ему, Егорову, строение по садам, по мастерскому двору, по Штегельманскому дому и в Екатерингофе да сверх того смотрение иметь за чертежною, а Фоку, как ныне по Зимнему каменному дворцу работ умножилось, быть по Зимнему дому и другим препоручаемым строениям, а Дункеру у Рафаеловых лож и о том к архитектору и инспектору над мастеровыми надворному советнику Старову послать указ сей.

Подлинный протокол за подписанием оной Конторы за секретаря Василия Баженова подписал 5 марта 1786 года протоколист Иван Харитонов.

С подлинным читал копеист *Николай Степанов.*

Л. 2.

1787 года августа 14 дня Контора строения ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА домов и садов рассуждение: ...как находящиеся в ведомстве сей Конторы архитекторы и заархитекторы в силу учиненного оною Конторою 5 марта 1786 года определения распределены по разным строениям и находятся... а именно: архитектор (Дункер. — *Э.К.*) по строению для помещения Рафаэловских лож и мраморной галереи, а заархитекторы: Петр Егоров по садам, по мастерскому двору по Штегельманскому дому и в Екатерингофе да сверх того смотрение имеет над чертежною, а Фок по Зимнему каменному дворцу и другим препоручаемым строениям, то и должно все требования материалов и прочего и к выдаче заработных денег подавать в сию Контору засвидетельствованное тем, кому какое строение препоручено, чего для по указу ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА Контора строения ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА домов и садов определили: всем ныне находящимся и впредь будущим при строениях обер офицерам також и мастерам предписать, чтоб они при требовании материалов и прочаго равно и о выдаче заработных денег подавали за свидетельством архитекторов и заархитекторов, кому какое строение... препоручено, о чем кому надлежит дать указы.

Подлинный протокол за подписанием оной Конторы за секретаря Василия Баженова подписан 19 августа 1787 года.

Протоколист Иван Харитонов.

По сему определению указы посланы 23 числа: архитектору Дункеру под № 1991, подпоручику Нечаеву под № 1992, г. коллежскому советнику Кроку под № 1993, г. статскому советнику Дивову под № 1994, заархитектору Фоку под № 1995, порутчику Ахматову под № 1996, заархитектору Егорову под № 1997.

ЦГИА. Ф. 470. Оп. 1 доп (6). Д. 37. Л. 1—2. 1787 г.

Марта 31 дня 1786 года

Петр Егоров, заархитектор, в службе с 755 года, помощником в ранге прапорщика с 763 и заархитектором титулярным советником с 768, коллежский асессор с 781 года, представляется в надворные советники.

ЦГИА. Ф. 470. Оп. 87/521. Д. 176. Л. 2 об. 1786 г.

Копия с протокола от 1787 года апреля 12 дня

По рапортам статских советников и кавалеров Дивова и Ходнева от надворного советника и над мастеровыми инспектора и кавалера Старова определили: представить Ивану Ивановичу Бецкому за труды, доброе поведение наградить чинами и прибавкою жалованья

1. По архитектурной команде заархитекторов Ивана Фока и Петра Егорова, которые в службе состоят Фок с 760-го, заархитектором с 765-го, Егоров в службе с 755-го, заархитектором с 768 годов. Возложенные на них должности исправляют со особливым трудом и в архитектурном художестве достаточное знание имеют. Наградить архитекторами и производить жалованья Фоку по семи сот по пятидесяти рублей, Егорову по шести сот рублей в год. Архитектурии учеников Григория Заборовского и Алексея Егорова (сын П.Егорова. — *Э.К.*), которые в службе состоят Заборовский с 776-го, Егоров с 781 годов, поведения хорошего, в архитектурной науке весьма хорошее понятие имеют, произвесть помощниками с чинами прапорщика и Заборовскому прибавить жалованья к ныне получаемым ста рублям двадцать рублей в год.

ЦГИА. Ф. 470. Оп. 87/521. Д. 179. Л. 5. 1787 г.

ФОРМУЛЯРНЫЙ СПИСОК ВЕДОМСТВА КОНТОРЫ СТРОЕНИЯ ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА ДОМОВ И САДОВ АРХИТЕКТУРНОЙ КОМАНДЕ НА 1789 ГОД

Начато января 17 дня 1788 г.
Кончено мая 7 дня 1789 г.

I. Архитекторов положено по штату 2 по 600 руб. жалованья

1) Надворный советник архитектор Иван Дункер, от роду 38 лет, из мастерских детей, архитектурный помощник с 766 г., заархитектор с 772 г., титулярный советник и архитектор с 779 г., коллежский асессор с 1785 г., надворный советник с 786 г. Жалованье получает 600 руб. с 1786 г. Женат.

II. Заархитекторов положено по штату 4 по 400 руб. жалованья

2) Иван Фок, 47 лет, немецкой нации, здешний уроженец, мастерской сан... определен архитектурии гезелем в ранге поручика с 765 г., по представлению бывшею Канцелярией, что ныне Контора произведен заархитектором и титулярным советником в 768, коллежским асессором в 781, надворный советник с 1786 г. Жалованье получает 750 руб. с 1787 г. Женат на дочери немецкого купца Анне Ивановне, 39 лет.

3) Заархитектор Петр Егоров, жалованье положено 400 руб., получает 600 руб. с 1787 г., от роду 56 лет, из новокрещеных чуваш. Учеником с 1755 г., помощником в ранге прапорщика с 763 г., заархитектором и титулярным советником с 768 г., коллежский асессор с 781 г., надворный советник с 1786 года, в штрафах и наказаниях не был. Женат на девице Анне Филипповой, ей 45 лет; сыновья: Петр, Иван, дочь Прасковья.

ЦГИА. Ф. 470. Оп. 122/556. Д. 3. Л. 68. 1789 г.

ПРОТОКОЛЫ И ДНЕВНЫЕ ЖУРНАЛЫ МАЯ МЕСЯЦА

Л. 200

...Егоров умер 12 мая 1789 года.

Л. 200 об.

...умер в госпитале, заархитектор, надворный советник, жалованье в год получал 750 рублей, на погребение деньги занимала жена Анна Филиппова дочь у надворного советника Легкого, о чем засвидетельствовал секунд майор Дмитрий Соболев.

По 1 мая жалованье было выдано. За май 12 дней положено 22 руб. 57 3/4 коп., вычет за госпиталь 22 3/4 коп.

19 мая 1789 г.

Микулин, Ходнев, Крок, Дивов

Л. 260.

ПО ПРОШЕНИЮ НАДВОРНОГО СОВЕТНИКА И ЗААРХИТЕКТОРА ПЕТРА ЕГОРОВА ЖЕНЫ АННЫ ФИЛИППОВОЙ ДОЧЕРИ О ВЫДАЧЕ ЗАСЛУЖЕННОГО ПОКОЙНЫМ МУЖЕМ ЕЕ С 1-го МАЯ ПО ДЕНЬ СМЕРТИ ЕВО ПО 11-е ЧИСЛО ЖАЛОВАНЬЯ ПО ДОВЕРЕННОСТИ ГОСПОДИНУ НАДВОРНОМУ СОВЕТНИКУ ЛЕГКОМУ

ПРИКАЗАЛИ: справясь и расписав сколько следовать будет в выдачу жалованья, по учинению чего о выдаче сочинить особый протокол

О ВЫДАЧЕ ЕЙ В СИЛУ ЗАКОНА ЕДИНОЖДЫ ГОДОВОГО МУЖА ЕЕ ЖАЛОВАНЬЯ

ПРИКАЗАЛИ: оное прошение сообща к таковым же и расписав доложить оной Конторе.

Мая 19 дня 1789
Микулин

ЦГИА. Ф. 470. Оп. 5. Д. 807. Л. 200—200 об., 260. 1789 г.

1789 года мая 19 дня по указу ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА КОНТОРА СТРОЕНИЯ ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА домов и садов слушав прошение поданного бывшего в ведомстве оной заархитектора надворного советника Петра Егорова жены Анны Филипповой дочери, что указанный ее муж Петр Егоров продолжал службу в ведомстве оной Конторы и сего мая 12-го числа волею Божиею умре, а как он был не из дворян и собственного капитала не имел, а продолжал жизнь получаемым жалованьем, то принужденною нашлась на погребение тела оного мужа ее деньги занять у состоящего во оной Конторе в должности секретаря господина надворного советника Легкого и просит дабы благоволено было следующее в выдачу заслуженное мужем ее по день смерти жалованье сколько причтется выдать господину надворному советнику Легкому, а что подлинно она у показанного надворного советника Легкого на погребение мужа ее надворного советника Егорова заняла, о том засвидетельствовал... пехотного полку секунд майор Дмитрий Соболев; а по справке: от Конторы показанной заархитектор надворный советник Петр Егоров в штате сей Конторы находился и сего мая 12-го волею Божиею умер, жалованья в год производилось по семсот по пятидесяти рублей, из которого оклада по 1-е мая сего 789-го году и выдано, а с 1-го мая по день смерти выдачи не было, коего к выдаче причитается полного двадцать два рубли пятьдесят семь копеек три четверти, за вычетом на госпиталь двадцати двух копеек трех четвертей, достальные двадцать два рубли тридцать пять копеек определили: заслуженное показанным надворным советником Егоровым из производимого Ему по семи сот по пятидесяти рублей в год оклада жалованья за вычетом на госпиталь двадцати двух копеек трех четвертей достальных двадцать два рубли тридцать пять копеек помянутому заимодавцу господину надворному советнику Легкому от расходу Конторского из штатной жалованной суммы медною монетою выдать, записав в расход распискою... на госпиталь двадцать две копейки три четверти записав в расход в госпитальную сумму в приход, и о том казначею капитану Егору Дирину дать указ.

30 мая 1789 года.
Василий Микулин
Гавриил Дивов
Алексей Ходнев
Карл Крок

ЦГИА. Ф. 470. Оп. 5. Д. 807. Л. 200. 1789 г.

1789-го года июня 6 дня по указу ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА Конторе строения ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА домов и садов докладовано по просьбам по данным во оную Контору от бывших в ведомстве оной нижеписанных служителей, жен вдов... заархитектора надворного советника Петра Егорова Анны Филипповой, живописца Ивана Бурцова Анны Петровой, садового подмастерья Петра Иванова Пелагеи Лаврентьевой коим объявить, что означенные мужья их, продолжая службу в ведомстве оной Конторы, волею Божиею померли, они ж остались после их в крайнем недостатке и долгах, просят, дабы благоволено было для их пропитания и на расплату долгов... выдать производимое реченым мужьям их годовое жалованье единожды, а что они действительно оным мужьям были законные жены и к пропитанию своему достатка не имеют, засвидетельствовали ведомства сей же Конто-

ры служители, имеющие штаб и обер офицерские чины; оных же просительниц мужья в службе состояли... надворный советник и заархитектор Петр Егоров в службе с 755-го года, жалованья производилось по семи сот по пятидесяти рублей, умре сего года мая 12 числа, живописец Бурцов в службе с 756 года, жалованья получал по семидесяти рублей в год, умре 1-го числа мая, в штрафах не бывали, садовый подмастерье Иванов в службе с 1759 года, жалованье производилось по девяносту по осьми рублей в год, умре 18-го мая, в штрафах не бывал.

ОПРЕДЕЛИЛИ: ...женам и вдовам убитых или умерших в службе, которую оные беспорочно продолжали, жалованье производить велено, которое и производится по силе ВЫСОЧАЙШЕГО ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА данного господину тайному советнику и кавалеру Ивану Ивановичу Бецкому указа из остающихся штатных отчетных пошлинных и госпитальных сумм, то дабы прописанные вдовы воспользовались высочайшею ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА милостью производимое мужьям, их которые службу продолжали беспорочно, годовое жалованье, а именно: ...заархитектора надворного советника Егорова Анне Филипповой семьсот пятьдесят рублей, живописца Бурцова Анне Петровой семьдесят рублей, садового подмастерья Иванова Пелагеи Лаврентьевой девяносто восемь рублей выдать из сумм разных сборов, о чем и представить к именованному господину действительному тайному советнику и кавалеру Ивану Ивановичу Бецкому подписать резолюцию.

Василий Микулин
Гавриил Дивов
Алексей Ходнев
Карл Крок

Подписано 8 июня 1789 года.

ЦГИА. Ф. 470. Оп. 76/118. Д. 808. Л. 84 об. 1789 г.

ЕКАТЕРИНИНСКАЯ ЦЕРКОВЬ (УСПЕНИЯ ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ) в г.ПЯРНУ. ЭСТОНИЯ (1763—1768)

...А в ту мою службу... послан был в Пернов (Пярну. — *Э.К.*) для сочинения чертежей и сметы Соборной церкви.

Петр Егоров.
Марта 5 дня 1768 года.

ЦГИА. Ф. 467. Оп. 273/187. Д. 110. Ч. 1. Л. 49. 1768 г.

...Сумма, положенная в смету бывшим здесь архитектурии помощником Петром Егоровым по примерным ценам, всего 16347 рублей 62,5 копейки (на строительство Екатерининской церкви в г.Пярну. — *Э.К.*).

Цит. по кн.: *Васильев Ю.* Классицизм в архитектуре Риги. Рига, 1961. С. 116—117.

Сочиненные же оной церкви (Екатерининская церковь в Пярну. — *Э.К.*) означенным архитектурии помощником (Егоровым. — *Э.К.*) план и фасад для апробации представить от коллегии Экономии, ибо сии чертежи и смета оным помощником в ту коллегию с описанием всей церкви отосланы в 1763 году ноября 13 дня.

Цит. по кн.: *Васильев Ю.* Классицизм в архитектуре Риги. С. 116—117.

...Иван Яковлев, от роду 37 лет, в службе с 744 года, архитектурный помощник с 1759 года, заархитектор с 1763 года... находится в городе Пернове при строении церкви.

ЦГИА. Ф. 470. Оп. 122/556. Д. 1. Л. 4. 1766 г.

...Явившийся у меня сего утра Иван Егоров сын Яковлев по приказу Вашего превосходительства (Бецкого. — *Э.К.*) объявил, что Вы изволили уволить его от команды к строению Перновской церкви, того ради прошу Ваше превосходительство, чтобы он ко мне прислан был бы с письменным от Канцелярии от строений дозволением, где бы... и подписано было как о способности его, так и сколько он в год жалованья получает, дабы я оное мог употребить при отправлении его для определения в Контору здешней коллегии экономии, откуда он и послан будет в Пернов немедленно.

Мая 28 дня 1765 года.

ЦГИА. Ф. 467. Оп. 73/187. Д. 100. Л. 321.

ИОРДАНЬ

Его превосходительству господину действительному тайному советнику и камергеру, над строениями Е. И. В. домов и садов Главному директору, императорской Академии художеств президенту и разных орденов кавалеру Ивану Ивановичу Бецкому

Из Конторы строения Е. И. В. домов и садов

Состоящая в ведомстве оной сделанная деревянная называемая Иордань, постанавливаемая ко дню празднования Богоявления Христова для водоосвящения к 6-му числу генваря на Неве реке или где повелено бывает еще 7 декабря 1769 года присутствующими оной Конторы осматривана и нашли, что данного построения весь корпус пришел в такую рухлость, что сделанные в нем части одна другую поддерживать не в состоянии, а притом и некоторые на оной штуки столь тяжелы, что в постановлении бывает великое затруднение, потому немалые напрасные ежегодные издержки суммы происходят; в рассуждении чего того 7 декабря 1769 года... велено... архитектору Фельтену, а потом заархитекторам сделать прожекты, какой фигурою оную Иордань с протчими при ней местами впредь иметь, дабы она пристойный к божественной священной службе величественный... вид представляла, а в перевозке, постановлении и разборке нетягостною была; вследствие чего ныне той Иордани два прожекта представлены, сочиненные один господином Фельтеном, а другой заархитектором Егоровым, в том числе один со сделанием при оной Иордани когда при освящении воды Е. И. В. и их Императорские высочества Всевысочайше присутствовать соизволят галереи, а другой — без оной; на зделание которых по поданной от Егорова смете потребного к тому материалу и прочего по покупным и наемным в нынешнем году ценам, за исключением из того требуемых для битья свай бревен, ельнику, песку, перевозки Иордани и прочего, что ежегодно из положенной на оные Конторою суммы приготавливается, надобно денежной казны, а именно... до четырех тысяч с галереей, а без галереи до трех тысяч...

Иван Зверев.
Микулин.

Декабря 8 дня 1774 года.

ЦГИА. Ф. 467. Оп. 73/187. Д. 125. Л. 305. 1774 г.

МРАМОРНЫЙ ДВОРЕЦ (1768—1785)
Служебный корпус Мраморного дворца (1780—1788)
Ограда Мраморного дворца (1780—1788)

Л. 237.

**Его Высокопревосходительству Господину
действительному тайному советнику над строениями Ея Императорского
Величества домов и садов Главному директору Императорской Академии
художеств президенту Императорского воспитательного дому
Главному попечителю действительному камергеру Российских
орденов кавалеру Ивану Ивановичу Бецкому**

Российского полковника Мордвинова

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ

Потребен мне в ведение моего казенного строения архитектор, а как при Канцелярии строения Ея Императорского Величества домов и садов знающих сие искусство людей находится довольное число, того ради Ваше высокопревосходительство прошу дозволения к порученному мне строению направить находящегося при реченной Канцелярии заархитектора Петра Егорова, который и жалованье получать от меня будет тож, что определено Канцелярией ему производиться.

Полковник Мордвинов.
Сентября 24 дня 1768 года. № 180.

Л. 238.

Высокоблагородию полковнику Мордвинову

По требованию Вашему Петру Егорову... быть дозволено.

ЦГИА. Ф. 467. Оп. 273/187. Д. 110. Ч. II. Л. 237—238. 1768 г.

ДЕЛО № 1

По прошению коллежского асессора
и заархитектора Егорова о награждении за бытность его
с 1768 года при строении Мраморного дома чином

Началось генваря 13 дня 1786 г.
Кончилось генваря 13 дня 1786 г.

Л. 1.

Подано 13 генваря 1786 года

**В контору строения Ея Императорского
Величества домов и садов**

Штата оной от коллежского асессора
и заархитектора Егорова

ДОНОШЕНИЕ

Прошлого 1768 года по получении от господина Главного сей Конторы директора действительного тайного советника и кавалера Ивана Ивановича Бецкого позволения по требованию бывшего при строении Мраморного дома артиллерии полковника, что после был генерал инженер, Михаила Ивановича Мордвинова,

находился у него при оном Мраморном доме и возложенную на меня должность исправлял, то есть практическое показание за всеми по тому строению производящимися работами, и получил аттестат, с которого при сем покорнейше представляю копии, и прошу, дабы Контора строения домов и садов, приняв оное во уважение, удостоила своим о награждении чином куда следует представлением.

К сему доношению *Петр Егоров* руку приложил.

Л. 2.

Дан сей аттестат Господину коллежскому асессору и заархитектору Петру Егорову в том, что он по требованию бывшего при строении Мраморного дома артиллерии полковника, что после был генерал инженер, Михаила Ивановича Мордвинова в 1768-м году, получа от Главного своего директора Господина действительного тайного советника и кавалера Ивана Ивановича Бецкого позволение, приняв возложенную на него должность, то есть практическое показание и смотрение за всеми по тому строению производящимися работами и сверх того по Его Господина Егорова прожекту, Ея Императорским Величеством апробованному, строились принадлежащие к оному дому каменные службы под Его ж присмотром, и как при первом, так и при последнем строениях он, Егоров, имея довольное в том знание, как верного и рачительного человека долг обязывает неусыпное оказал рачение и прилежность, за что самое Ему так как весьма достойному человеку Всемилостивейше пожаловано Ея Императорским Величеством награждение восемьсот рублей; а как оный Мраморный дом сдал к другому в ведомство, то за долг себе поставлю за Его знание, прилежность и усердие достойную приписав похвалу рекомендовать и к награждению чином.

Ея Императорского Величества Всемилостивейшей Государыни моей флигель адъютант от армии полковник и ордена Святаго великомученика и победоносца Георгия 4-го класса кавалер

Федор Буксгевден.

Декабря 16 числа 1785 года.

Л. 3.

Дан сей аттестат Господину коллежскому асессору и заархитектору Петру Егорову в том, что он по требованию бывшего при строении Мраморного дома артиллерии полковника, что после был генерал инженер, Михаила Ивановича Мордвинова в 1768 году, получа от Главного своего директора Господина действительного тайного советника и кавалера Ивана Ивановича Бецкого позволение, приняв возложенную на него должность, то есть практическое показание и смотрение за всеми по тому строению производящимися работами и сверх того по Его Господина Егорова прожекту, Ея Императорским Величеством апробованному, строились принадлежащие к оному дому каменные службы под Его ж присмотром, и как при первом, так и при последнем строениях он, Егоров, имея довольное в том знание, как верного и рачительного человека долг обязывает неусыпное оказал рачение и прилежность, за что самое Ему так, как весьма достойному человеку, Всемилостивейше пожаловано Ея Императорским Величеством награждение восемьсот рублей; а как ныне оное Мраморное строение приведено уже совсем во окончание, то не имея в нем, Егорове, более надобности за долг себе поставлю за Его знание, прилежность и усердие достойную приписав похвалу, рекомендовать и к награждению чином.

Ея Императорского Величества Всемилостивейшей Государыни моей артиллерии майор и ордена Святаго великомученика и победоносца Георгия 4-го класса кавалер

Фридрих фон Ралль.

Генваря 8 числа 1786 года.

Л. 4. Копия

1786 года генваря 13 дня Конторы строения Ея Императорского Величества домов и садов в журнале записано

№ 6

По доношению от коллежского асессора и заархитектора Петра Егорова с приложением данных ему аттестатов копий, что он находился при строении Мраморного дома и возложенную на него должность исправлял, то есть практическое показание за всеми работами, и просит, чтоб оное приняв во уважение, удостоила о награждении ево куда следует своим представлением; приказали, учиня как об нем Егорове и протчих службе и достоинстве расписание, доложить сей Конторе, о чем и выше дать копию.

Подлинный за подписанием оной Конторы секретаря

Василия Баженова.

ЦГИА. Ф. 470. Оп. 87/521. Д. 171. Л. 1—4. 1786 г.

Л. 1.

...Петра Егорова в надворные советники... за долговременную и бессрочную службу, за знание и прилежность в должности.

31 марта 1786 года.

Л. 2 об.

ФОРМУЛЯРНЫЙ СПИСОК

Петр Егоров, заархитектор, в службе с 755 года, помощником в ранге прапорщика с 763 и заархитектором титулярным советником с 768, коллежский асессор с 781 года, представляется в надворные советники.

31 марта 1786 года.

ЦГИА. Ф. 470. Оп. 87/521. Д. 176. Л. 1—2 об. 1786 г.

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АРХИВ ДРЕВНИХ АКТОВ (ЦГАДА)

г. Москва

ЦГАДА. Ф. Дворцовый отдел. Разряд XIV. Оп. 1. Д. 228.

О Мраморном дворце
1768—1796

Часть I

Книга 1-я

Книга с золотым обрезом, размером 20 х 30 см, переплетенная в красный сафьян с золотым теснением, внутренняя подкладка — зеленый шелк (муар). Скоропись третьей четверти XVIII в.

На сафьяне золотом вытеснено:

ЩЕТ О ДЕНЕЖНОЙ КАЗНЕ ЗА 768 год
А.П.М.М.

Л. 1.

Апреля 15 из кабинета Вашего Императорского Величества принято

	10000
июля 3	10000
октября 23	10000
итого	30000

Артиллерии полковник *Михайла Мордвинов*

Л. 2.

Мая 1. Столярного цеху мастеру Иогану Кнору выдано наперед для заготовления к деланию строющемуся дому и каналам моделей материалов, инструментов, а также и на наем столяров 275 рублев.

Л. 27 об.

Октября 25. Столярного цеху мастеру Иогану Кнору, который договорился сделать его работными людьми строющемуся дому и каналам из липового дерева моделей ценою за 685 рублев, из которых моделей каналам он, Кнор, окончил совсем, а дому до половины, потому что оному дому сделана с одной стороны прибавка и через то последовала в разделении и во всех фасадах перемена, так что ничего к новой модели как от каналов, так и от дому употребить неможно, за которые надлежало ему по договору заплатить. Но как в то число выдано ему по первому договору для заготовки инструментов и материалов вперед 275 рублев... затем выдано 85 рублев.

Л. 28.

Столярного цеху мастеру Иогану Кнору, который договорился сделать его работными людьми строющемуся дому и каналам из липового дерева модели ценою за 725 рублев в силу договора выдано ему для заготовления материалов и инструментов вперед 100 рублев.

Л. 33.

Ноября 29. Артиллерии капитану Петру Ганнибалу выдано на раздачу фузелерам за бытие их при строении для работы... всего 91 руб. 30 коп.

В ноября месяце продолжалась выемка земли для фундаментов, покупка бревен, плиты тосненской для возведения свода канала и т.д.

В декабря месяце 1768 г. поперечная кладка бревен, каменные и плотничные работы, покупка тосненской плиты, бревен и т.д.

Артиллерии полковник *Михайла Мордвинов.*

Книга 2-я

ЩЕТ О ДЕНЕЖНОЙ КАЗНЕ ЗА 769 год

Л. 3.

Февраля 2. Выдано Канцелярии от строений ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА домов и садов заархитектору Петру Егорову (который прошлого 768 году октября 1 дня обязался при строении быть для присмотру и

показания работ, какие до знания архитектурии принадлежать будут) денежного жалования в нижеименного октября 1-го дня сего году...

Л. 21.

Столярного дела мастеру Иогану Кнору за сделание в модельном покое столярных больших дверей...

Л. 28 об.

Сентября 1. Заархитектуору Петру Егорову, полагая в год 800 рублев, а на треть 66 рублев 1/2 коп.

Записано в расход выданных при закладке священнику 10 рублев, каменщикам и плотникам 12 рублей, да в ящик положено золотою, серебряною и медною монетою 20 рублев 58 3/4 коп.

Часть II

Книга 3-я

ЩЕТ О ДЕНЕЖНОЙ КАЗНЕ ЗА 1770 год

Л. 38.

Заархитектору Петру Егорову, которому пред сим производилось в год по 200 рублев, а ныне за усмотренные прилежные труды прибавлено 100 рублев, итого 300 рублев, а на треть 100.

Л. 64 об.

Декабря 31. Выдано книгопродавцу Вейбрехту за купленную у него для обучения находящихся при строении учеников одну Виньолову архитекторную книгу.

Л. 65 об.

Декабря 31. Столярного цеху мастеру Иоганну Кнору, который прошлого 768 году октября 21 дня обязался сделать строющемуся дому модель из липового дерева самою чистою столярною работой точно против данных ему планов и фасадов всем наружным и внутренним сторонам с показанием на фасадах украшениев, кроме внутреннего разделения покоев, показав под тем домом каналы (канализационная система. — *Э.К.*) с бассейнами и нужниками и трубами для помп, обозначая все фундаменты и берега Невы реки и канала (Красного канала. — *Э.К.*), и те модели делать так, чтоб сажень была в один вершок, подлежащие же к той модели капители, вазы, фестоны и прочие назначенные на фасадах украшения сделать из свинца, сверх же сего обязался он большой лестницы с подъездом особливую модель, чтоб сажень была в два аршина со всеми украшениями и сводами... и залу для жедепома (залу для игры в мяч. — *Э.К.*) со всеми к той игре принадлежностями по той же мере, как и лестницу, за которые модели заплатить ему денег 725 рублев.

Л. 66.

А ежели при делании оных моделей последуют какие небольшие переправки, то особливой платы за те переправки не требовать, а как он, Кнор, оные модели, кроме жедепома, как по дому, каналам и особливую модель большой лестницы со всеми против договору сделал, за которые когда бы и

модель жедепома им была сделана, надлежало ему заплатить по договорной цене денег 725 рублев, но как он, Кнор, доношением представил, что при делании оных моделей против планов и фасадов были частые и весьма важные перемены, так что с большого двора на всех сторонах переменен весь фасад, а на парадной лестнице, которая тоже уже была совсем сделана, положено быть куполу для часов. В рассуждении чего он тем доношением и просит, чтобы заплатить ему за те перемены сверх договору 1075 рублев, или же по рассмотрению и оценке других столярных мастеров, а об модели залу для жедепома договориться вновь. Почему для оценки призваны были столярные мастера, которые оценили те переправки в 600 рублев, и хотя по договору за малые переправки платить ему не следовало, но как вышеупомянутые переправки были такие, что с большого двора, а особливо при парадной лестнице переменен совсем фасад и потому сделанные фасады по первым рисункам совсем оставлены.

Л. 66 об.

А сверх сего на особливой модели парадной лестнице сделано им для постановления над оною лестницею часов, сверх договору купол, которая по первым рисункам была у него тоже совсем окончена, в рассуждении чего и следовало ему, Кнору, по оценке деньги 600 рублев выдать, а с договорною ценою имеет быть 1325 рублев. Но как по договору выдано ему наперед на заготовление к деланию оных моделей материалов и на инструмент 100 рублев, то за вычетом оных выдано ему 1225 рублев.

Л. 67.

...за делание моделей дому с каналами и парадной лестнице столяру... выдано 1663 рублев.

Часть II

Книга 4-я

ЩЕТ О ДЕНЕЖНОЙ КАЗНЕ ЗА 771 год

Л. 4 об.

Генваря 10. Выдано находящимся при строении нижеписанным чинам, а именно

Заархитектору Петру Егорову, полагая в год по 300 рублев, а на треть 100 рублев...

Л. 28 об.

Мая 7. Заархитектору Петру Егорову, полагая в год по 500 рублей, а на треть 166 р. 66 коп...

Л. 50.

Июля 6. Столярного дела мастеру Андрею Мейеру выдано за сделанную им своими работными людьми из своих материалов из липового дерева столярною работою со всеми украшениями залу по договоренной цене 400 рублев.

Л. 83.

Октября 11. Резного дела мастеру Дункеру, который исправил по показанию архитектора Ринальди из своих материалов при модели, что залу для жедепома лепную работу...

Книга 5-я

ЩЕТ О ДЕНЕЖНОЙ КАЗНЕ ЗА 1772 год

Л. 6 об.

Генваря 10. Выдано нижеписанным чинам за минувшую прошлого 771 году сентябрьскую треть денежного жалованья. А именно: коллежскому асессору Ивану Костомарову со вступлением его в должность октября 7-го, полагая в год 250 руб. Заархитектору Петру Егорову, полагая в год по 500 руб.

Л. 61.

Мая 10. Штукатурного дела мастеру Фонтану, который сделал на алебастру две модели капителям коринфского ордера, из которых один для... колонны, а другая для пилястров во всем точно по показанию архитектора Ринальди.

Л. 103.

Августа 10. Столярного дела мастеру Мейеру, который строящемуся дому для кровли сделал деревянную модель с укреплением во всех местах оной модели стропил... да как в оной модели в прожекте воспоследовали некоторые перемены, для чего он заставил работать двух столярных подмастерьев, кои и проработали один месяц.

Л. 119.

Августа 11. Выдано нижеписанным чинам за минувшую сего года майскую треть жалованья. А именно: Заархитектору Петру Егорову, полагая в год по пятисот рублев...

Л. 189.

За сделание деревянной для кровли модели 290 рублев. За сделание из казенного мрамора капителей 712 рублев. За сделание решетки с цветами и большие ворота...

Л. 192.

Листов медных всего 1568 шт.
Выдано за привезенный из Екатеринбурга мрамор 10820 рублев.

Книга 6-я

ЩЕТ О ДЕНЕЖНОЙ КАЗНЕ ЗА 1773 год

Щет о денежной казне, употребленной в 1773 году на строение по берегу Невы реки у Почтовой пристани каменного дома, поднесенный от инженер генерал майора М.Мордвинова.

Л. 8.

Генваря 5. Выдано нижеписанным чинам за минувшую прошлого 772 года сентябрьскую треть жалованье. А именно: коллежскому асессору Ивану Костомарову в год по 450 руб., заархитектору Петру Егорову, полагая в год по 500 рублев...

Л. 121.

Сентября 8. Выдано нижеписанным чинам за минувшую сего года майскую треть жалованья... Заархитектору Петру Егорову, полагая в год по 500 рублев...

Л. 156.

Октября 18. Архитектору Ринальди выдано на выписывание из Италии к строению разных цветов мрамора тысяча рублев.

Часть III

Книга 7-я

ЩЕТ О ДЕНЕЖНОЙ КАЗНЕ, УПОТРЕБЛЕННОЙ В 774 и 775 гг.

Л. 6.

Выдано нижеписанным чинам за минувшую прошлого 773 года сентябрьскую треть денежное жалованье. А именно... Заархитектору Петру Егорову, полагая в год по 500 рублев...

Л. 123.

...Академику Федоту Шубину, которым сделано к строению из казенного итальянского белого мрамора два барельефа трофеев, за оные следовало ему заплатить денег 500 рублев.

Книга 8-я

ЩЕТ О ДЕНЕЖНОЙ КАЗНЕ, УПОТРЕБЛЕННОЙ В 776 г.

Л. 29 об.

Июня 25. За привоз из Ливорно до Санкт-Петербурга выписанного Ринальди к строению мрамора десяти штук...

Книга 9-я (83 л.)

ЩЕТ

О денежной казне, употребленной в 1777 году на строениях по берегу Невы у почтовой пристани каменного дома поднесенной от Генерал инженера М.Мордвинова.

Л. 6.

Генваря 7. ...Обязался доставить для исправления каменных работ ярославских каменщиков первой и второй руки — всего сто восемьдесят человек...

Л. 7.

Выдано... 776-го году сентябрьскую треть денежного жалованья, а именно: Коллежскому асессору Ивану Костомарову... Секунд-майору Михайле Буйносову... Заархитектору Петру Егорову...

Л. 40.

Июля 14. Ярославским каменщикам Гавриле Семенову и Ивану Федорову, которые с товарищи всего с тридцатью двумя человеками находились при строении для исправления каменных работ...

Л. 48.

Августа 20. Императорской Академии Художеств академику Федоту Шубину выдано за сделанные им для постановления над дверьми парадной лестницы из казенного белого итальянского мрамора с фестонами двух орлов...

Л. 64 об.

Октябрь. За привезенный к строению в прошлом 776-м году мрамор из Екатеринбурга...

Л. 77 об.

А всего в расходе 114199 р. 64 к.

Михайла Мордвинов.

Часть IV

Книга 10-я (146 л.)

ЩЕТ

О денежной казне, употребленной в 1781 году на строениях по берегу Невы реки у почтовой пристани каменного дома, поднесенной от Генерал инженера М.Мордвинова.

Л. 2.

Генваря 25. ...На зарплату академику Шубину за сделание в состоящей у почтовой пристани каменный дом из мрамора барельефов и статуй пятнадцать тысяч рублей к прежде принятым в прошлом 780-м г. пяти тысячам рублям еще пять тысяч рублей...

Л. 8.

Генваря 29. Выдано... за прошедшую 780-го года сентябрьскую треть денежного жалованья. А именно: Секунд майору Михайле Буйносову... Заархитектору коллежскому асессору Петру Егорову, полагая в год по пяти сот рублей...

Л. 19 об.

Марта 20. ...Академику Федоту Шубину и итальянцу Валлию выдано за сделанные из казенного итальянского белого мрамора в зал двух круглых барельефов в диаметре одного аршина четырех вершков... за каждое по пятисот рублев...

Л. 43 об.

Мая 19. ...Академику Федоту Шубину выдано за сделанную им к строению поставленную прошлого 780-го года октября 3-го дня из казенного белого мрамора на парадную лестницу в нишу одну статую... представляющую весною равноденствие... тысяча рублей.

Л. 48.

Мая 29. ...Академику Федоту Шубину выдано под делание им из казенного белого итальянского мрамора в галерею в средний аппартамент пяти барельефов впредь до подлинного расчета пятьсот рублев...

Л. 52 об.

Июня 19. ...Для спайки при покрытии садика листового свинца олова аглицкого... академику Федоту Шубину и итальянцу Валлию, которыми сделаны... в зал... из казенного белого мрамора два дверные сюпорта шириною двух аршин осьми вершков, а вышиною двенадцать вершков... за каждый по пятьсот рублев...

Л. 70.

Июля 31. Живописцу Федору Фохту за раскрашение им в верхнем этаже потолков...

Л. 71.

Июля 31. Находящемуся при строении Заархитектору коллежскому асессору Петру Егорову выдано... жалованья...

Л. 83.

Сентября 27. Выдано находящимся при строении нижеписанным чинам за минувшую сего 781 года майскую треть жалованья. А именно: Заархитектору коллежскому асессору Петру Егорову...

Л. 84.

Мастерам: Каменного дела Иогану Гелмерту... Столярного дела Иогану Реймерсу... Зеркального дела Козьме Зерчанинову... Шкульптурного дела подмастерьям: Михайле Быкову по сто пятидесяти рублев на год... Андрею Макарову по сто рублев... Николаю Капустину по девяносто рублев.

Л. 92.

Сентября 27. ...Академику Федоту Шубину выдано под делание им в строении в средний этаж пяти барельефов, к прежде выданным пятистам рублям... еще... тысяча рублев.

Сентября 28. Господину архитектору Ринальдию за принятое от него в строение дома мраморные три камина — триста рублей.

Л. 92 об.

Лепного дела мастеру Ивану Фохту выдано под исправление им в строении дома внутренней и наружной штукатурной и лепной работы к выданным ему в разные времена десяти тысячам рублев... еще тысяча р.

А всего в расходе 101035 р. 25 коп.

Михайла Мордвинов.

ДЕЛО № 228
«О Мраморном дворце» 1768—1796 гг.

Часть IV

Книга 11-я (138 л.)

ЩЕТ

О денежной казне, употребленной генерал инженером Мордвиновым в 1782-м году на строение по берегу Невы реки у почтовой пристани каменного дома поднесенной от подполковника Буксгевдена.

Л. 8.

Генваря 28. ...Академику Федоту Шубину выдано за сделание им... из итальянского казенного белого мрамора против данного архитектором Ринальдием рисунка, для постановления в строение дома на парадную лестницу в нишу одной статуи, представляющей утро... денег тыс. р.

Л. 17.

Февраля 1. ...Академику Федоту Шубину выдано за переделку им в Главном доме в среднем этаже в покое № 5 из белого итальянского мрамора камина сто рублев.

Л. 18.

Февраля 16. Скульптору Михайле Козловскому выдано под делание им в средний этаж двух мраморных барельефов, представляющих «Регула, возвращающегося из Рима в плен карфагенский» и «Камилла, освобождающего Рим от галлов, осаждающих оный», к прежде выданным пятистам рублям еще впредь до подлинного расчета пятьсот рублей.

Л. 26.

Марта 19. Живописцу Кристу выдано за написание им в покой № 4 плафона, представляющего суд Париса, к прежде выданным... тысячи рублям еще двести рублей.

...Академику Федоту Шубину выдано под делание в средний этаж мраморных пяти барельефов к прежде выданным ему тысячи пятистам рублям еще... тысяча рублев.

Л. 26 об.

Гончарного дела мастеру Ефиму Данилову, которым сделано из его материала по данным рисункам наилучшею работою кафельных белых чистых печей и к строению поставлены...

Л. 35 об.

Марта 19. Медного и золотарного дела мастерам Иогану Тумму и Фридриху Георге, которые прошлого 779... заключенным договором обязались сделать и вызолотить разные медные вещи своим червонным золотом самою чистою и прочною работою... вызолотить бронзовых капителей и баз по тридцати по две... трофеев четырнадцать... балясин медных цельных двести пятьдесят пять... половинчатых сорок две... да по данным от архитектора Ринальди рисункам сделать к цветным створчатым дверям что в парадные покои с одной стороны на обеих половинах из своей меди бронзовых украшений с бортами и без бортов одиннадцать... одних бортов без внутреннего украшения четыре... к столам медных ножек с резьбою... и вызолотить их все своим золотом...

Л. 60.

Выдано находящимся при строении нижеписанным чинам за минувшую сего года генварскую треть жалованья. А именно: Заархитектору коллежскому асессору Петру Егорову, полагая в год по пятисот рублев...

Л. 61 об.

Мастерам: ...Зеркального дела Козьме Зерчанинову на год по сту руб. Скульптору Михайле Козловскому на год по сту рублев...

Л. 70.

Мая 17. Живописцу Григорию Молчанову выдано за раскрашивание им в верхнем этаже столовой и китайского покоя...

Л. 72 об.

Мая 21. ...Академику Федоту Шубину, которым сделано из казенного итальянского белого мрамора в галерею среднего аппартамента пять барельефов из коих представляют великодушные действия к свободе военнопленных первые два графа Алексея Григорьевича Орлова-Чесменского «во время командования его в архипелаге флотом, третий и четвертый Сципиона африканского» и «Павла Эмилия», а последний «несколько мальчиков, играющих военными трофеями». Сходственно против рисунков и в строении дома поставлены, за которые ему следовало заплатить три тысячи рублев... академику Федоту Шубину и итальянцу Валлию выдано за сделание ими из казенного белого мрамора в зал над камином одного барельефа, представляющего Эндимиона, вышиною трех аршин двенадцати вершков, шириною двух аршин осьми вершков... денег тысячу рублев.

Л. 79.

Июня 18. Столярного дела мастеру Андрею Мейеру, которым... в среднем апартаменте в парадном покое под № 4 по указанию господина архитектора Ринальдия и по данным от него рисункам, ...заморским разных цветов деревом на дубовом фундаменте... все четыре стены, также и потолок, в окошках и дверях коробки и все что на рисунках к украшению того покоя показано, убрано во всем исправно и сверх того... во оном же покое убрано ж по данному вновь рисунку около сделанной вместо камина печи, таким же заморским цветным деревом... За убирание в № 6 цветным деревом покоя пять тысяч рублей...

Л. 92.

...Живописцу Кристу выдано за написание им плафона в покой среднего этажа под № 4 представляющего суд Париса... к тысячи двум стам рублям еще до остальных триста рублев.

Л. 98.

Золотарного дела мастеру Петру Смирнову выдано за сделание им резною работою для железных ворот деревянной модели...

Живописцу Федору Данилову выдано под написание в большом зале плафона — еще семьсот рублев.

Л. 98 об.

Июля 25. Крестьянину Ивану Титову, которым сделано в главном доме в подъезд от Миллионной из переулка вороты из дуба с калиткою и с филягами во всем против рисунка...

Л. 102 об.

Июля 27. Императорской Академии Художеств в должности адъюнкт профессора Ивану Акимову выдано за написание им в главном в среднем этаже в спальне двух наддверных сюпортов разных цветов водяными красками, да в картинной на потолке и паддуге двух картин, писанных барельефами сходственно против рисунков...

Л. 117.

Сентября 17. ...Академику Федоту Шубину выдано за сделание им из итальянского белого мрамора статуи, представляющей ночь, вышиною двух аршин шести вершков... денег тысяча рублев.

Л. 126.

...Академику Федоту Шубину за сделание им и поставленную в покое среднего этажа под № 2-м из итальянского белого мрамора бюсту князя Григория Григорьевича Орлова... 350 руб... А всего в расходе 95490 р. 87 3/4 коп.

Подполковник *Федор Буксгевден.*

ЦГАДА. Москва. Фонд Дворцовый отдел. Разряд XIV. Опись 1. Дело № 228 «О Мраморном дворце» 1768—1796 гг. Часть IV (папка с бумагами — всего 87 листов).

Л. 9.

Расписание переделкам, починкам и вновь сделанным вещам в Мраморном дворце... Столярные перегородки вновь... золотарная и резная работы в новой почивальне...
1796 год. Архитектор *Иван Старов.*

Л. 23.

Всепресветлейшей державнейшей великой
Государыне Императрице...

От инженер генерал майора Мордвинова

Всеподданнейший доклад

...При строящемся у почтовой пристани каменном доме для прочности в избежании от пожарных случаев положено быть под крышею стропилам решетинам и подлежащим к тому укреплениям всем из железу.

А как оные стропила в скорости сделать не можно, то к сему заблаговременно и приступить следует... и не соизволите ли указать оное железо доставить к строению с сибирских заводов...

Михайла Мордвинов.

ЦГИА. Ф. 468. Оп. 493/2134. Д. 12. 1785 г.

ЩЕТ

О денежной казне употребленной в 1785 году на строение по берегу Невы реки на почтовой пристани каменного дома, поднесенной от Полковника Буксгевдена.

Л. 24 об.

Мая 1. Находящимся при строении разным чинам и служителям за минувшую сего года генварскую треть роздано денежного жалованья. А именно: Заархитектора коллежскому асессору Петру Егорову из 500 рублей на год за треть 166 р. 66 1/2 коп.

Секретарю Алексею Михайловичу из 400 рублей на год за треть... 133 р. 33 1/4 коп.

Л. 25.

Копиисту Алексею Солонину из 70-и рублей на год, а за треть... 23 р. 33 1/4 коп... Инженер-прапорщику Якову Васильеву из 241 руб. 52-х копеек на год, за треть 80 р. 50 1/2 коп...

Л. 27 об.

Скульпторного дела подмастерье Михаиле Быкову из 150 рублей на год ...Садовнику Ивану Яковлевичу из 36 рублей на год...

Л. 113.

Ноября 14. Вольному переплетчику Штритеру за переплетение описания Мраморному дому и каталога состоящим в оном доме картинам обоих в сафьяную кожу с раззолочением в приличных местах... за обе 13 рублев.

Л. 121.

Ноября 15. Затем оставалось налицо 634 рубля 46 3/4 коп. Оная остаточная сумма отдана определенному по высочайшего Вашего Императорского величества имянному указу о смотрению за Мраморным домом артиллерии майору фон Раллю.

Полковник *Федор Буксгевден.*

ЦГИА. Ф. 468. Кабинет его величества. Оп. 352/1343.Д. 3890 — Указы за 1775 г.

Л. 35.

«...Отпустите в нынешнем году генерал инженеру Мордвинову на... строения здесь у почтовой пристани каменного дома сорок тысяч рублей...»

5 Генваря 1775 г. *Екатерина*

Л. 145.

«...Отпустите из кабинета к генерал-инженеру Мордвинову для строющегося в Петербурге у почтовой пристани дома тридцать тысяч рублей, разделяя оную сумму по согласию с ним на разные сроки».

6 Августа 1775 года *Екатерина*

Л. 39.

«...Отпустите из кабинета... Мордвинову на заплату в Контору строения Исаакиевской церкви за подряженной для строющегося у почтовой пристани дома мрамор шестнадцать тысяч сто сорок один руб. семьдесят две копейки».

3 Марта 1776 года *Екатерина*

Л. 110.

«...На строение у почтовой пристани каменного дома отпустите из кабинета... Мордвинову 30000 рублей».

9 Июня 1776 г. *Екатерина*

Л. 166.

«...Отпустите... Мордвинову... на строющийся у почтовой пристани дом 30000 рублей».

25 Октября 1776 г. *Екатерина*

ОГРАДА ЛЕТНЕГО САДА (1770—1786)

Начало работы П.Е.Егорова

В Контору строения Ея Императорского Величества домов и садов

По данным заархитектора титулярного советника Петра Егорова рапортами представили, что обязавшимся оной Конторе контрактом Санкт-Петербургским купцом Михаилом Колчиным и приказчиком Федором Красильниковым по строению по берегу Невы реки у Первого Ея Императорского Величества саду железной решетки с воротами поставленный камень освидетельствован и оказался сходственным требованиям.

Сентября 6 дня 1772 года.

ЦГИА. Ф. 470. Оп. 86/520. Д. 12. Л. 139.

Железная модель ограды

Конторы строения Ея Императорского Величества домов и садов на Мастерском дворе сделана будущей по берегу Невы реки у Первого саду железной решетки пробная как вышиною, так и толстотою вполы против того, как ей в натуре быть должно, железная, шириною в пять четвертей аршина, а весом в ней четыре пуда, четыре фунта; а как той решетке с воротами и столбами расстоянием полагается на сто саженях, того для господину заархитектору и титулярному советнику Петру Егорову, исчисляя аккуратно, под сим подписать непродолжительно: ежели оную решетку против выписанного исправлять, то сколько на оную против вышеписанной пробной железа потребно, выключая из того стосаженного расстояния диаметр будущих между сею решеткою каменных столбов и ширину железных троих ворот.

Секретарь *Бровкин.*

20 ноября 1772 года.

На вышеписанный запрос оной Конторе сим объявляю, что на дело вышеозначенной решетки за исключением тридцати трех столбов и трех ворот потребно железа три тысячи двести двадцать пудов.

Заархитектор титулярный советник
Петр Егоров.

[Модель выполнена по чертежам Егорова 1772 г.]

ЦГИА. Ф. 470. Оп. 86/520. Д. 11. Л. 216 + 216 об. 1772 г.

ПРЕДЛОЖЕНИЕ
Конторе строения Ея Императорского Величества домов и садов

На представление сей Конторы
в резолюцию предлагаю:

К предстоящему торгу в исправление, что у Первого саду железной решетки будет, к тому присовокупить и исправление ворот по чертежу, который при сем прилагаю... того ради Конторе строения, учредя обстоятельное распоряжение и к которому времени все то исправить надлежит, произвести надлежащий торг и ко мне представить.

Иван Бецкой.

Декабря 8 дня 1772 года.

[Рисунок ворот значительно изменен.]
Чертеж ворот ограды. № 3628. Получен 9 декабря 1772 года.

ЦГИА. Ф. 470. Оп. 86/520. Д. 11. Л. 224. 1772 г.

ПРЕДЛОЖЕНИЕ
Конторе строения Ея Императорского Величества домов и садов

На представление оной Конторы
в резолюцию предлагаю:

О заключении контракта с санкт-петербургским купцом Игнатием Денисовым в исправлении железной решетки из казенного, а ворот из его собственного железа слесарною и кузнечною работою, кроме медной и чеканной работы,

к назначиваемому срочному времени за просимые им последние цены. Мнение оной Конторы апробуется.

Иван Бецкой.

Июля 11-го дня 1773 года.
Контракт с И.Денисовым. № 1662. Получено 12 июля 1773 г.
ЦГИА. Ф. 470. Оп. 86/520. Д. 11. Л. 251. 1773 г.

Изменение «широты» звеньев

26 июля 1773 г.

Л. 261—262.

1773 года июля 24 дня по указу Ея Императорского Величества в Конторе строения Ея Величества домов и садов учиненного во оной Конторе сего июля 17-го дня определения заключен сей контракт санкт-петербургским купцом Игнатием Юдиным сыном Денисовым в том, что повеленную Ея Императорским Величеством Всевысочайшим указом для постановления по берегу Невы реки у Первого саду железной решетки и к ней трои ворот створчатые каждые о двух половинах кузнечною и слесарною работою во всем по апробованным чертежам (с которых копии ему Денисову дать за подписанием и печатью оной Конторы) на сколько сажен по тем чертежам назначено сделать ему Денисову на своих в Туле заводах от вышеписанного числа впредь в два года самою чистою и твердою работою... не хуже имеющейся во оной Конторе (также за подписанием и печатью сей Конторы и его Денисова) сделанной железной же пробной, но толстотою железа против той пробной вдвое... Ценою дать ему Денисову за все то дело и постановку и укрепление на месте решетки сколько в ней весом явится по три рубли по семидесяти копеек за каждый пуд, а за трои ворот оптом три тысячи восемьсот рублей с вычетом из того... пошлин и с дачею на производство о том деле гербовой бумаги и напредь выдать ему денег из полной следующей по вышеписанному числу железа суммы (16360 руб.) пятую часть (3207 руб. 20 коп.).

Л. 263.

1773 года июля 25-го дня по указу Ея Императорского Величества Контора строения Ея Величества домов и садов, слушав контракт, заключенный после определения оной Конторы и сочиненный 17 числа сего июля санкт-петербургским купцом Игнатьем Юдиным сыном Денисовым в том, что по велению имянным Ея Императорского Величества Всевысочайшим указом для постановления по берегу Невы реки у Первого саду железной решетки и к ней трои ворота створчатые каждые о двух половинах кузнечной и слесарной работы во всем по апробованным чертежам (с которых копии ему Денисову дать за подписанием и печатью оной Конторы). На сколько сажен по чертежам назначено сделать ему Денисову на своих в Туле заводах с вышеписанного числа впредь в два года самой чистою и твердою работою и конечно добротою — не хуже имеющейся в оной Конторе... сделанной пробной вдвое и чисто как в чертеже чего во всем. Между каменными столбами в звеньях решетки верхние и нижние поперечные железные полосы были конечно цельные, а не составные... Средний поперечник для вдолбления в те столбы сделать с запасом так, чтобы против чертежа были они длиннее четыре вершка. И всю ту решетку и трои ворот сделать из самого мягкого сибирского железа и так чисто, дабы как той решетке, так и в воротах вплотную спаев видно не было и для приваривания подлежащие к той решетке и воротам медные украшения как на показанной пробной решетке значит сделать дыры и сверху для укрепления медных дуг винты и кольи с винтами также и во что оные будут укрепляться внутри железа просвер

Л. 263 об.

лить винты, которыми можно было медные кисти укрепить и для того все те винты сделать ему Денисову под сделанные к решетке и воротам медные штуки, каковые на одно звено его за подписанием и печатью оной Конторы ему и дать и по сделанию кузнечною и слесарною работами всю ту решетку и ворота вымазать через огонь маслом и воротам сделать слесарною работою замки на такой манер, как приказано будет, и то через огонь маслом вымазать. По заключению сего контракта ему Денисову, во-первых, для лучшей той решетки как оно должно на месте между столбами поставить аккуратности против вышеписанного сделать настоящее одно звено, которое во оную Контору на апробацию представить ему до декабря или в том декабре месяце сего 1773 года непременно. И когда то сделанное им Денисовым решетке звено сею Конторою апробовано будет, то ему Денисову против оного и всю ту решетку, сколько она по чертежу сделать назначено сде

Л. 264.

лать из казенного четырехгранного железа, которого и отпустить ему две тысячи двести пуд, дав будущего 1774 году... тысячу двадцать, итого три тысячи двести двадцать пуд. А ворота из его Денисова сходственного ко лучшей доброты железа и по делании принимать от него ту решетку и ворота сколько когда от Денисова сюда привезено и на вес засвидетельствовано в доброте и годности... потом всю ту решетку и показанные ворота поставить на место и укрепить... ему Денисову своим капиталом с казенными каменщиками (каменные работы и заливку свинцом должны делать от казны). При поставке же той решетки и ворот на места... блоки, канаты и прочее, что для того ему потребно будет, давать ему Денисову за все то дело и постановку и укрепление на места решеток и сколько в них весу явится по три рубли по восемьдесят копеек за каждый пуд, а за трои ворота дать три тысячи восемьсот рублей с вычетом из того пошлин и с дачей на производство

Л. 264 об.

дела гербовой бумаги. И наперед выдать ему Денисову сколько следует по вышеписанному числу железа сумму шестнадцать тысяч тридцать шесть рублей, пятую часть — три тысячи двести семь рублей двадцать копеек, а достальные выдавать за то число сколько когда той решетки сделано...

Приказали с реченным купцом Игнатием Денисовым во исправлении памянутой железной решетки и ворот поступать во всем по силе того заключенного с ним контракта. И для того... денег в показанную полную сумму пятую часть, то есть три тысячи двести семь рублев двадцать копеек выдать в расход конторской и определенной на исправление по Неве реке каменного берега и помянутой железной решетки с воротами суммы, записав в расход с распискою...

Л. 265 об.

Приказали: принимать же ту решетку и ворота за свидетельством в доброте и чистоте работы так же как и против чертежей они и пробной решетки сделаны заархитектора Егорова, а слесарную и кузнечную, что для укрепления медного украшения дыры и винты с такою точностью, как на пробе значится сделаны были, в том — медного и литейного дела мастеров и сверх того — архитектора Фельтена.

Л. 266 об.

...А как на каком расстоянии для крепления оной решетки столбы поставить и какой широты между теми столбами звенья решетки делаться должны заархитектору Егорову от Присутствия (Совета Конторы строения. — *Э.К.*) при-

казано сделать сходственный с апробованными той решетки и воротами чертежами на всю дистанцию как должно решетка с воротами и столбами и цоколем быть акуратный чертеж... для скорейшего сделания и представления оного на апробацию господину надворному советнику и архитектору Фельтену в утверждение, а ему, господину Фельтену, по рассмотрении тот чертеж, буде оный исправно сочинен будет, с надписанием, что по оному работу производить должно, представить в Контору немедленно.

Июля 26 дня 1773 года.

ЦГИА. Ф. 470. Оп. 86/520. Д. 11. Л. 261— 266 об.

Шесть чертежей. Окончательный вариант

№ 2463 Подано 21 октября 1773 года

В Контору строения Ея Императорского Величества домов и садов

РЕПОРТ

Во исполнение данного мне из оной Конторы указа, как должно по берегу Невы реки у Первого саду железную решетку и трое ворот сделать, учиненные заархитектором Егоровым шесть чертежей мною рассматриваны и при сем во оную Контору представляются, по которым и работу производить должно.

Юрья Фельтен.

Октября 21 дня 1773 года.

ЦГИА. Ф. 470. Оп. 86/520. Д. 11. Л. 276. 1773 г.

Л. 279.

1773 года октября 23 дня из Конторы строения Ея Императорского Величества домов и садов Санкт-Петербургскому купцу Игнатию Денисову отданы для сделания по заключенному с ним в оной Конторе контракту к постановлению по берегу Невы реки у Первого саду между решеток железных трех ворот два за подписанием господина надворного советника и архитектора Фельтена чертежа и медные следующие к той же решетке пробные кисть, репей (розетка. — *Э.К.*), шниркуль (завитки растений, расположенные между верхними перекладинами звена решетки. — *Э.К.*) за подписанием же и печатью оной Конторы.

Оных два чертежа и медные три штуки Санкт-Петербургский купец Игнатий Денисов взял и расписался.

[Два рабочих чертежа — звена решетки и створок ворот (в исправленном варианте) и «медные три штуки» выданы, чтобы сделать «дыры и винты» для укрепления медных украшений.]

ЦГИА. Ф. 470. Оп. 86/520. Д. 11. Л. 279.

Смета П.Егорова и Т.Насонова

16 апреля 1774 г.

Копия

1774 года апреля 10 дня по Указу Ея Императорского Величества Конторы строения Ея Величества домов и садов по словесному заявлению присутствующего в оной господина коллежского советника Микулина, что к делу по берегу Невы реки решетки поставленный на столбы и цоколь дикий камень начисто тешится и выкалывается путиловскими каменщиками... и во что полировка того камня станет в смете не положено, а потому и сумма не определена и для того от него, господина Микулина, велено... заархитектору Егорову и ранга подпоручикского мастеру

Насонову во что все то по проделанному уже опыту станет сочинить аккуратную смету, к чему бы их и определить по указу: приказали именованному Егорову и Насонову таковую повеленную смету (включа во оную если что и еще по той решетке сверх апробованной сметы надобно) сочинить со всеми дополнительствами так, чтобы к окончанию той решетки во всякой исправности какого-либо недостатку не было, к чему с сочиненной прежде сметы и прочего, что к сему надобно, дать им из дела копию, а по сочинении ту смету представить по команде, к чему именованному господину Микулину и архитектору Фельтену послать указы.

Подлинный протокол за подписанием оной Конторы секретаря *Севастьяна Бровцына* подписали 16 апреля 1774 года.

ЦГИА. Ф. 470. Оп. 86/520. Д. 11. Л. 280.

В Контору строения Ея Императорского Величества домов и садов

от санкт-петербургского купца Игнатия Денисова

ПОКОРНЕЙШЕЕ ДОНЕСЕНИЕ

В силу заключенного со мною в оной Конторе контракта обязался я в Туле на заводах сделать и, привезя сюда, поставить на берегу Невы реки у Летнего саду железную решетку и трое ворот из казенного железа; на первый же случай поставить одно звено той решетки в 773 году не далее декабря месяца, в чем я старание, как скоро контракт заключил, прилагал при начатии показанного звена против данного мне чертежа делать; но оное таковое железо, каковое мне было дано, явилось неспособно и в тяге неуравнительно, и так принужден я был писать в Сибирь, дабы там выковано на ту решетку было железо по моделям. Почему, хотя то железо и выковано в прошлом 773 году, но за известными случаями нынешнего разбойника Пугачева доставить железо в Тулу было неможно, зачем и в деле той решетки остановка была.

Ныне же в Туле уже одно звено сделано и в нынешнем октябре месяце в оную Контору представлено будет.

Купец *Игнатий Денисов* руку приложил.

Октября 1 дня 1774 года.

ЦГИА. Ф. 470. Оп. 86/520. Д. 11. Л. 289.

Первое звено решетки

В Контору строения Ея Императорского Величества домов и садов

РЕПОРТ

...Заархитектор титулярный советник Егоров и мастера слесарный Антропов и кузнечный Малемберх репортом представляют, что сделанное для повеленной по берегу Невы реки у Первого саду железной решетки одно звено ими осматривано и оказалось сделано самою чистою и против чертежа и модели сходственною работою, о чем Конторе строения домов и садов сим представляем.

Василий Микулин
Юрья Фельтен

Июня 18 дня 1775 года.

ЦГИА. Ф. 470. Оп. 86/520. Д. 11. Л. 311. 1775 г.

Изменение протяженности ограды (32 звена; 36 колонн)

18 июня 1775 года

1775 года июня 18 дня в Контору строения Ея Императорского Величества домов и садов титулярный советник и заархитектор Петр Егоров по призыву сказал, что в повеленной по берегу Невы реки у Первого саду железной решетки за исключением троих ворот и... столбов должно быть тридцать одно звеньев.

Заархитектор титулярный советник
Петр Егоров.

[П.Егоров вторично меняет пропорции ограды (в июле—октябре 1773 г. была изменена «широта» 3 звеньев); в 1775 г.: 32 звена, 36 колонн (у Фельтена: 33 колонны и 29 звеньев].

ЦГИА. Ф. 470. Оп. 86/520. Д. 11. Л. 312. 1775 г.

18 июня 1775 года

...18 июня сего 775 года репортом от господ присутствующего оной Конторе коллежского советника Микулина, надворного советника и архитектора Фельтена представлено: заархитектор Петр Егоров и мастер слесарный Антропов и кузнечный Малемберх объявленное сделанное купцом Денисовым железной решетки пробное звено осматривали и оказалось сделано самою чистою и против чертежа и модели сходственною работою...

ЦГИА. Ф. 470. Оп. 86/520. Д. 11. Л. 314 об.

Осмотр готовых больших ворот и звеньев решетки (14)

28 ноября 1775 года

...Титулярным советником и заархитектором Егоровым и мастерами слесарным Антроповым и кузнечным Маленберхом означенные четырнадцать звеньев решетки и одни большие ворота ими освидетельствованы, которые оказались в их отделке как кузнечною, так и слесарною работою порядочны и прочны, и против чертежа и модели сходственны...

ЦГИА. Ф. 470. Оп. 86/520. Д. 11. Л. 315 об.

В Контору строения Ея Императорского Величества домов и садов

РАПОРТ

По данным заархитектора титулярного советника Егорова капитан Бороздин и квадраторного дела мастер Насонов рапортом представили, что по контракту обязавшегося во оной Конторе прошлого 1775-го года санкт-петербургского купца Михаила Мосина к строющейся против Первого Ея Императорского Величества саду железной решетке из поставленных им в прошлом 1776 году лете его Мосина каменотесцами... вытесано годных в чистую обтеску цоколей двадцать, вазов четыре, капителей пять штук, да сверх сего, хотя еще цоколя шесть штук вытесано, но в чистую отеску... негодны, как о том 31-го декабря помянутой Конторе уже представлено;

того ради Конторе строения Ея Императорского Величества домов и садов для выдачи показанному купцу Мосину за теску означенного камня сим представляем.

Юрья Фельтен.

Генваря 20 дня 1777 года

ЦГИА. Ф. 470. Оп. 86/520. Д. 13. Л. 63. 1777 г.

П.Егоров и Н.Семенов. Смета на изготовление «медных украшений» к звеньям решетки

25 ноября 1777 года

[Петр Егоров с «мастером медного дела» Наумом Семеновым составляют смету и список необходимых материалов для изготовления «медных литых украшений» к звеньям решетки.]

ЦГИА. Ф. 470. Оп. 86/520. Д. 15. Л. 30—35.

25 ноября 1777 года

[Петр Егоров сообщает в Контору строений, сколько следует изготовить «медных литых украшений... шниркулей, копий и репьев» к звеньям решетки.]

ЦГИА. Ф. 470. Оп. 86/520. Д. 15. Л. 30.

Чертежи верхних украшений к воротам

...Заархитекторам Егорову и Фоку как наивозможно вскорейшем времени сделать следуемый чертеж медному украшению на ворота и на рассмотрение архитектору Фельтену представить и который им за лучший признан будет для сделания сметы представить в Контору, почему бы сия Контора могла сделать на Мастерском дворе пробу во что каждая штука станет.

Ноября 28 дня 1778.

ЦГИА. Ф. 470. Оп. 86/520. Д. 15. Л. 70.

«Медные литые украшения» (к звеньям)

18 декабря 1778 года

18 декабря 1778 года Контора строений отправляет Бецкому «доношение» о том, что «медные литые украшения» для звеньев решетки еще не изготовлены, что касается ворот, то «какому украшению на тех воротах быть и поныне еще не положено».

ЦГИА. Ф. 470. Оп. 86/520. Д. 15. Л. 72.

Изменение размера «репьев» (розеток)

18 мая 1779 года

18 мая 1779 года изготовленные «медные репьи» (розетки) стали устанавливать «на места». При этом оказалось, что они «в практике весьма малы, так что по неприличному в фасаде виду».

Контора строения принимает решение: «необходимо следует оные репьи сделать для приличности и лучшего виду побольше».

ЦГИА. Ф. 470. Оп. 86/520. Д. 15. Л. 85.

В Контору строения Ея Императорского Величества домов и садов

...Медного цеха и золотых дел мастерами Яганом Тумом и Карлом Форшманом с товарищи к поставленной по берегу Невы реки у Первого саду железной решетке медные украшения под позолоту сделаны и на места поставлены.

Июня 19 дня 1779 года.

ЦГИА. Ф. 470. Оп. 86/520. Д. 15. Л. 111.

«Урны и вазы» на колоннах

19 января 1783 года

[Указ И.И.Бецкого об увенчании «урнами и вазами» колонн ограды. Первоначально предполагалось поставить только вазы.]

ЦГИА. Ф. 470. Оп. 86/520. Д. 17. Л. 3.

Деревянные модели ваз и урн

28 марта 1783 года

[На Мастерском дворе были сделаны четыре деревянных модели, по которым должно было начаться тесание ваз и урн.]

ЦГИА. Ф. 470. Оп. 86/520. Д. 17. Л. 15.

Тесание ваз по деревянной модели

Март 1783 г.

...Для постановления против Первого Ея Императорского Величества саду при железной решетке на колонны вазов по сделанным на Мастерском дворе токарною работою деревянным двум пробам против апробованной одной потребное тех вазов число сделать из дикого морского камня путиловскими каменщиками.

ЦГИА. Ф. 470. Оп. 86/520. Д. 18. Л. 1.

Контракт с мастерами на изготовление надвратных украшений

24 мая 1784 года

Контора строений заключает новый контракт с мастерами Я.Тумом, К.Форшманом и Ф.Шперлингом. Они брались изготовить «во всем по апробованным чертежам верхние украшения... на одни большие и двое малых ворот медные с позолотою через огонь червонным золотом».

ЦГИА. Ф. 470. Оп. 86/520. Д. 17. Л. 56.

Осмотр работы мастеров

...30 октября был у мастеров и по осмотру оказалось, что на двои малые ворота из меди украшения отлиты, кроме корзинок, по отливанию которых формы приготовлены и в зделанное слесарною работою железо на место приплавлено и с того украшения ими через огонь голландским червонным золотом вызолочена средняя большая кудреватая штука наподобие дерева, репьев больших три пары, алагрек один на большие ворота вызолочен же, другой на малые ворота с прочими изготовленными штуками золочением производить начато.

Петр Егоров.

Ноября 4 дня 1784 года.

ЦГИА. Ф. 470. Оп. 86/520. Д. 17. Л. 73.

Смета на позолоту

[23 июля 1785 года Бецкой приказал «медные штуки с кольцами и ручки вызолотить».

Егоров составил смету на позолоту.]

ЦГИА. Ф. 470. Оп. 86/520. Д. 17. Л. 108.

Укрепление верхних украшений над большими и малыми воротами

6 августа 1785 года

[Над тремя воротами ограды Летнего сада (большими и малыми) укреплены «медные украшения».]

ЦГИА. Ф. 470. Оп. 86/520. Д. 17. Л. 123.

«Доделки золотых дел мастеров»

7 декабря 1785 года

[Петр Егоров продолжает подписывать документы «о доделках золотых дел мастеров».]

Окончание строительства

Июль 1786 года

[В июле 1786 года закончилось золочение деталей ваз и урн, установленных на колонны ограды.

Закончилось строительство ограды Летнего сада. Оно продолжалось 16 лет (1770—1786).]

ЦГИА. Ф. 470. Оп. 86/520. Д. 17. Л. 137.

ДОМА АДМИРАЛОВ Г.А.СПИРИДОВА И А.Н.СЕНЯВИНА

Об исправлении погоревших в бывшем в нынешнее лето пожаре двух каменных домов гг. адмирала Григория Андреевича Спиридова и вице-адмирала Алексея Наумовича Сенявина по устному указу Е. И. В. за подписью И.И.Бецкого предложено отремонтировать за счет казны

Л. 16.

Заархитектору Петру Егорову составить опись дому господина вице-адмирала Сенявина.

Июля 19 дня 1771 г.

ЦГИА. Ф. 470. Оп. 75/80. Д. 3. 1771 г.

О состоящих на Васильевском острову домах Г.А.Спиридова и А.Н.Сенявина

Л. 158.

...По представленным от заархитектора титулярного советника Петра Егорова сметам на материалы требовалось и за работы: по первой, со сделанием для лутчей прочности и от огня безопасности двойных каменных сводов лестниц, при лестницах поручней с железными решетками и для заборов каменными стенами 25683 рубля 73 копейки, а по второй смете, без сводов, а вместо оных... с деревянными потолками... с отмером каменных лестниц, железных поручней и решеток и для заборов каменных стен... 19777 рублей 94 копейки.

...В работу вступить немедля и все работы производить со всякой поспешностью и из самых хороших и здоровых материалов... своими мастерами и всеми

потребными наружными и внутренними работами, в те домы сделать все исправления до наступления будущего 1773 года...

Февраля 4 дня 1772 года.

ЦГИА. Ф. 470. Оп. 75/80. Д. 4. Л. 158. 1772 г.

В Контору строения Ея Императорского Величества домов и садов

От заархитектора титулярного советника Егорова

РЕПОРТ

При состоящих на Васильевском острову господ адмирала Григория Андреевича Спиридова и вице адмирала и кавалера Алексея Наумовича Сенявина двух погоревших каменных домах сверх исправленных по контракту... работ какие еще надлежит исправить и вновь построить тому описания, планы и фасады, и о потребных к тому материалах с показанием примерных цен мною учинено и при сем реченой Конторе представляю.

Заархитектор титулярный советник
Петр Егоров.

Февраля 9 дня 1772 года.

ЦГИА. Ф. 470. Оп. 75/80. Д. 4. Л. 11. 1771—1772 гг.

РОЖДЕСТВЕНСКАЯ ЦЕРКОВЬ НА ПЕСКАХ (1779—1788)

Л. 1.

По поданному об определенных при церкви Рождества Иисуса Христова смотрителей рапорту о исправлении при оной церкви ветхостей, сего 1779 года июля 5 числа которого определено оные ветхости заархитектору Петру Егорову обще с архитектурии механических дел ранга подпоручикского Брунштейном осмотреть и буде можно починкою исправить, то сколько на оное каких потребно материалов учиненную опись представить (и представлена) в Контору.

Между тем заархитектору Егорову для каменной сделав план и сколько каких материалов и работных людей потребно учинить смету, представив же Конторе на рассмотрение.

Оный указ дать и дан 6 июля дня 1779 года.

По сему же Егоровым учиненная смета и план с профилью и фасады на 2 манера 30 августа при репорте в сию Контору представлены.

ЦГИА. Ф. 796. Оп. 60. Д. 505. Л. 1.

Л. 2.

В Контору строения Ея Императорского Величества домов и садов

РЕПОРТ

По силе указа оной Конторы минувшего июля 6 числа, сделанные мною для построения в состоящих за Лиговским каналом ведомства сей Конторы слободах каменной церкви: во имя Рождества Иисуса Христова как план с профилью и фасады на два манера, так и насколько каких материалов и на работных людей суммы потребная смета при сем на рассмотрение представляется.

Заархитектор *Петр Егоров.*

30 августа 1779 года.

Л. 3.

Смета на построение церкви: во имя Рождества Иисуса Христова на сумму 28382 руб. 25 коп.

Заархитектор *Петр Егоров.*

Дополнительная сумма 4230 руб. 50 коп.

Заархитектор *Петр Егоров.*

ЦГИА. Ф. 796. Оп. 60. Д. 505. Л. 1—275. 1779—1788 гг.

1786 года февраля 18 дня... штата сей Конторы заархитектор коллежский асессор Петр Егоров... по ведомству Конторы строений находился только при строении каменной в Рождественских слободах церкви и железной по берегу Невы реки у Летнего саду решетки.

Протоколист Иван Харитонов.

ЦГИА. Ф. 470. Оп. 1 доп. (6). Д. 37. Л. 1—2.

1787 года сентября 9 дня по рапорту господина надворного советника и заархитектора Егорова, коим требуется в нововыстроенную в Рождественских слободах каменную церковь для положения к возвышению пред алтарями ступеней, путиловских ступеней девяти саженей, да мраморных ступеней шести саженей, а штуками одиннадцать; ОПРЕДЕЛИЛИ: остатки из Зимнего дома белого итальянского мрамора ступени, равно и путиловских в обломках ступени же имеются, о коих обломках господин заархитектор Егоров показал, что оные к положению оказались годными и для того в силу прописанного имянного указа ему Егорову для возвышения перед алтарями ступеней требованное отпустить; господину Егорову по приемке тех ступеней записать у себя в данную по той церкви книгу в приход из Зимнего дому, как все употреблены к работе.

Князь *Николай Абрамович Путятин*
Василий Микулин
Дивов
Ходнев
Карл Крок

1787 года сентября 23 дня.

ЦГИА. Ф. 470. Оп. 76/188. Д. 787. Л. 146.

О допуске цехового мастера Окорчина к сделанию в Рождественской церкви, что на Песках, перегородки за 170 рублей

1788 года января 20 дня по указу Ея Императорского Величества Контора строения Ея Величества домов и садов. Слушав представленный прошлого 1787 году ноября 27 числа от Господина надворного советника и заархитектора Егорова репорт, коим требовал о сделании в нововыстроенной в Рождественских ведомства сей Конторы слободах каменной церкви для отделения зимней от летней церкви из дубового лесу перегородки с переплетами по учиненному рисунку и... по представленным моделям...

По посланным повесткам явились вольные столярного дела мастера и столяры, исправляющие по ведомству Конторы строения столярные работы, из коих цеховой мастер Федот Окорчин объявил, что он ту перегородку с переплетами для отделения зимней от летней церкви самою чистою и прочною работою из его дубового дерева по данному рисунку сделает и на места утвердит... а ценою требует самое последнее сто семьдесят рублей и впредь торговаться не желает, а другие мастера и столяры по причине обязанностей другими работами от

сего исправления отказались; по сделанной же столярного дела мастерами Ожигиным и Петерсберхом смете на сделание оной перегородки... суммою приходится двести девяносто рублей, противу которого просимая Окорчиным цена выходит дешевле сто двадцатью рублями.

ОПРЕДЕЛИЛИ: как означенная вновь выстроенная церковь строением окончена, а дело отделения зимней от летней церкви перегородкой не сделано, но которое неминуемо быть должно. За исправление... помянутой Окорчин ниже просимой цены взять не согласен, а другие от дела оной отказались... в рассуждении того, что и эта просимая Окорчиным цена противу сметного положения выходит сто двадцатью рублями дешевле, его, Окорчина, к сделанию за памянутую цену сто семьдесят рублей допустить, чтобы ему сделать и поставить самою чистою и крепкою работою за присмотром реченого заархитектора Егорова...

Князь *Николай Абрамович Путятин*
Василий Микулин
Дивов
Ходнев
Карл Крок
Секретарь *Никита Легкий.*

ЦГИА. Ф. 470. Оп. 76/188. Д. 791. Л. 10 + об. 1788 г.

ДРУГИЕ РАБОТЫ П.Е.ЕГОРОВА (1765—1789)

Л. 5.

Петр Егоров... с 1765 года находится при строении Новодевичьего монастыря, состояния доброго, должность свою справляет исправно и порядочно.

ЦГИА. Ф. 470. Оп. 122/556. Д. 1. Л. 5. 1766 г.

...Петр Егоров... находится при строении Новодевичьего монастыря, состояния доброго, должность свою исправляет порядочно и жалованья заслуживает.

ЦГИА. Ф. 470. Оп. 122/556. Д. 1. Л. 1—16. 1766 г.

С. 237.

...Егоров Петр Егорович, архитектор Конторы строений... В 1766 году состоял при сооружении Смольного монастыря. В 1782 году строил дома против Зимнего дворца.

Азбучный указатель имен русских деятелей,имеющих быть помещенными в биографический словарь, издаваемый Императорским историческим обществом.Т. 60. Ч. 1. СПб., 1887. С. 237.

С. 91.

Окончание строительства монастыря (Смольного. — *Э.К.*), возводившегося по проекту Ф.Б.Растрелли и заброшенного после его отъезда, приказом И.И.Бецкого от 29 декабря 1764 года с 1 января следующего года было поручено Ю.М.Фельтену. Помощником к нему назначили П.Егорова...

Коршунова М.Ф. Юрий Фельтен. Л., 1988. С. 91.

С. 33.

5 мая 1764 года был указ об учреждении в Смольном Воскресенском монастыре, еще недостроенном, учебно-воспитательного заведения для 200 благородных девиц... Решение учредить Училище для малолетних девушек недворянского

происхождения было принято значительно ранее. В ноябре 1764 г. уже были одобрены модель и чертежи здания для этого Училища и предписано было составить смету, приготовить материалы, подрядить людей и без промедления приступить к работе.

С. 88—90.

...Постройка продвигалась вперед главным образом в отношении приспособлений зданий монастыря для потребностей Воспитательного общества (благородных девиц. — *Э.К.*). В 1766 году значительная часть зданий для Воспитательного общества была уже закончена отделкой внутри...

С. 91.

...Постройка дома для Училища малолетних девушек шла медленнее. (Теперь в нем помещается Александровский институт.) К весне 1767 года там был заложен только фундамент, и воспитанницы Училища по-прежнему еще помещались в здании Воспитательного общества. Между тем постройка его необходимо должна была закончиться к 1770 году... Контора строений принимала меры к ускорению работ, но осуществлять это на деле было нелегко. Происходила задержка из-за пересоставления планов, стремления к наибольшей прочности сооружений, а также по причине постоянного по-прежнему недостатка денег.

Черепнин Н.П. Императорское Воспитательное общество благородных девиц. Т. I. Исторический очерк. 1764—1914. СПб., 1914.

...Петр Егоров, заархитектор, находится при Зимнем доме, жалованье производится в год 300 рублей.

Октябрь 1768 г.

ЦГИА. Ф. 470. Оп. 74/81. Д. 48. Л. 55. 1768 г.

...При Зимнем каменном дворце... работы всегда производятся, причем знающему дело быть должно, того ради означенной Канцелярии определить к тому дому к каменным работам заархитектора Петра Егорова, по сему жалованье ему производить, более другими делами его не обязывать.

Октября 9 дня 1768 года.

ЦГИА. Ф. 467. Оп. 273/187. Д. 110. Ч. II. Л. 231—232. 1768 г.

Комиссия по осмотру Зимнего дворца... архитекторам, заархитекторам и каменному мастеру

1768 года апреля 15 дня по указу Ея Императорского величества Канцелярия строения Ея величества домов и садов по доношению из Конторы строения Зимнего дома приказали ко осмотру оказавшихся в стене того дома от реки Невы щелей... архитекторам Волкову, Патону, Мыльникову, Деламоту, заархитекторам Шпекле, Егорову и каменному мастеру Кезе сего апреля 17 дня неотменно... имея всем чрез повестку от Канцелярии объявить и в Контору Зимнего дома, да всем домой послать указы.

Князь *Петр Трубецкой*
Игнатий Росси
Князь *Петр Хованский*
Василий Микулин
Карл Крок

ЦГИА. Ф. 470. Оп. 76/188. Д. 573. Л. 59. 1768 г.

Об осмотре Зимнего дворца Егоровым и Дункером

1784 года июля 9 дня... по репорту архитектора Дункера и заархитектора Егорова в Зимнем каменном дворце в разбираемом Оперном доме по осмотру... оказалось: хотя ныне опасности для капитальных стен и не предвидится, однако ж, когда к Луговой стороне всю внутреннюю стену и свод разломают, то... небезопасно капитальной стене будет, почему, по мнению их, остальная внутренняя стена не ломается, покуда новых стен под стропила не подведут, а как уже внутренняя внутри театра арка сломана, то непременно под стропила должно подставить стояки или рамы укрепить. Определили: в сходственности помянутых архитектора Дункера и заархитектора Егорова репортов оставленная... остальная внутренняя стена, покуда новых стен не возведется, во избежание опасности разломкою остановить, а равно и под стропила в рассуждении, что внутри театра арка сломана, то стояки с надлежащим укреплением сделать... предложить того театра подрядчикам Титову и Ильину, чтоб они тех стен впредь до приказания не ломали...

10 июля 1784 г.

Фельтен
Дивов
Крок
Секретарь *Никита Легкий.*

ЦГИА. Ф. 470. Оп. 76/188. Д. 752. Л. 97. 1784 г.

1777 года октября 9 дня по указу Ея Императорского Величества Конторa строения Ея Величества домов и садов по репорту от находящегося при строении Петропавловской колокольни господина статского советника Дьякова, который во исполнение имянного Ея Императорского Величества объявленного в присланном к нему, господину Дьякову, от Присутствующего Сената указа требует о присылке к нему от сей Конторы сего октября 12-го дня архитекторов, шпичечного и строительного дела мастеров для осмотра новопостроенной при церкви святых апостолов Петра и Павла колокольни, не сделалось ли на оной во время бывшей 10-го сентября великой бури повреждений и не пошатнулся ли шпиц, а ежели какое повреждение по свидетельству окажется, то представить свое мнение, какими средствами то исправить, и смету с вычислением сколько дней будет потребно; при которой бы от церкви оной и трещины осмотреть имели. Определили: для вышеписанного осмотра Петропавловской колокольни и на оной шпица и ежели какое повреждение окажется, то и для подачи мнения со сметами так же и осмотру при церкви трещин у именованного господина Дьякова сего октября 12 дня явиться ведомства оной Конторы заархитектору и титулярному советнику Егорову, мастерам каменного дела Руску и правящему должность плотничного мастера Вуншу...

ЦГИА. Ф. 470. Оп. 76/188. Д. 688. Л. 99. 1777 г.

ДЕЛО № 1

о сломе через Фонтанку реку водовзводной машины, о проложении фонтанных чугунных труб под водою Фонтанки реки и поставке оных труб также винтов и кругов железных и прочем

Началось 11 июля 1780 г.
Решено 2 марта 1786 г.

Л. 10.

В Контору строения Ея Императорского Величества домов и садов

РЕПОРТ

В силу указа Конторы строения Ея Императорского Величества домов и садов данным от присутствующего в оной господина коллежского советника и архитектора Фельтена ордеров нам велено против присланного к его Высокопревосходительству Господину действительному тайному советнику и кавалеру Ивану Ивановичу Бецкому от господина генерал инженера и кавалера Баура о сломке через Фонтанку реку моста, по которому лежат фонтанные чугунные трубы и о прочем... учиня против того описание и смету представить в Контору, во исполнение чего у него господина Баура мы были и объявлено от него, чтоб чугунные трубы, которые ныне лежат через Фонтанку реку на арках, вырыв на дне реки Фонтанки ров, на побитых в нем сваях... положить так, чтобы поверхность их была вровень со дном той реки, против чего учинен план и представлен в оную Контору. Но помянутая Контора, входя в подробное в том рассмотрение и найдя, что лежащие... на поверхности земли трубы для приведения уклоном в одну линию с теми прологаемыми на дне реки трубами опустить в землю, для чего назначены делать каналы каменные со сводами, а при означенном труб на дне реки положении, буде потребуются какие-либо починки к оным приступить, иного способа не находит, как сделать через реку каменные арки, которые також наместо деревянного вновь каменному в саду бассейну також и положению, по мнению господина Баура, труб под водою, сделав планы и сметы... 1) какая требоваться будет сумма на сделание канала каменного со сводами, начиная от... улицы до берегу, 2) на проведение труб по дну реки, 3) на построение каменного бассейна, 4) на сломку водовзводной машины с бассейнами и 5) на построение каменных через реку арок, во исполнение чего всему тому учиненные нами планы и сметы представляем при сем на рассмотрение Конторы.

Генваря 10 дня 1781 года. Коллежский асессор *Петр Егоров.*

ЦГИА. Ф. 470. Оп. 75/80. Д. 5. Л. 1—14. 1780—1786 гг.

[В августе 1783 года Петру Егорову поручено проектировать «дом для священнослужителей при церкви Казанской Божьей Матери» (Рождества Богородицы) «на Невской першпективе»].

ЦГИА. Ф. 470. Оп. 76/188. Д. 743. Л. 170, 188, об.

Копия

Л. 1.

1786 года февраля 18 дня по указу Ея Императорского Величества Контора строения Ея Величества домов и садов, имея рассуждение, что штата сей Конторы заархитектор коллежский асессор Петр Егоров... как по окончании строения Мраморного дома... от оного уволен, то и препоручить ему, Егорову, строение по садам, по Мастерскому двору, по Штегельманскому дому и в Екатерингофе, а сверх того смотрение иметь за чертежною...

Подлинный протокол за подписанием оной Конторы... секретаря Василия Баженова.

Подписан 5 марта 1786 года.

Протоколист *Иван Харитонов.*

С подлинного читал копиист *Николай Степанов.*

ЦГИА. Ф. 470. Оп. 1 доп. (6). Д. 37. Л. 1.

Л. 62.

1786 года октября 8 дня по указу Ея Императорского Величества Конторы строения Ея Величества домов и садов по доношению крестьянина Ивана Федорова, коим по обязательству его в оной Конторе в Штегельманском доме раскраскою работы почти все исправлены, находящиеся при оной работе работные люди... просят заплатить денег. Крестьянин Федоров работы обязался исправить за 480 рублей, в августе 17 числа выдано ему 240 рублей, а более выдачи не было. На посланную к господину архитектору Егорову справку подписано, что вышеписанным крестьянином Федоровым в Штегельманском доме раскраскою работы доканчиваются...

ЦГИА. Ф. 470. Оп. 76/188. Д. 776. Л. 62. 1786 г.

Копия

Л. 2.

1787 года августа 14 дня Контора строения Ея Императорского Величества домов и садов рассуждение: что как находящиеся в ведомстве сей Конторы архитекторы и заархитекторы в силу учиненного оною Конторою 5-го марта 1786 года определения распределены по разным строениям и находятся ныне, а именно... Петр Егоров по садам, по Мастерскому двору, по Штегельманскому дому и в Екатерингофе, да сверх того смотрение имеет над чертежною...

Подписан 19 августа 1787 года.

Протоколист *Иван Харитонов.*

ЦГИА. Ф. 470. Оп. 1 доп. (6). Д. 37. Л. 2.

Л. 68.

1787 год октября 6 дня... по репорту господина надворного советника и заархитектора Егорова, коим требуется для вставления в Штегельманском доме зимних рам, о командировании столяров... Определили: к господину надворному советнику, кавалеру и над мастеровыми инспектору и архитектору Старову послать указ, чтобы он кому следует учинил вышеписанный наряд...

1787 год октября 6 дня.

Князь *Путятин*
Василий Микулин
Дивов
Ходнев
Карл Крок
Секретарь *Никита Легкий.*

ЦГИА. Ф. 470. Оп. 76/188. Д. 788. Л. 68. 1787 г.

Л. 208.

1786 года июля 27 дня слушав дело об исправлении в Штегельманском доме печных работ исправлять по показанию печного мастера Штока за присмотром господина надворного советника и заархитектора Егорова.

1786 года июля 27 дня.

ЦГИА. Ф. 470. Оп. 76/188. Д. 773. Л. 208. 1786 г.

Л. 208.

...Июля 18 дня 1788 года от кровельного дела мастера Петра Кунста об отпуске по осмотру его с господином надворным советником и заархитектором Егоровым на исправление в Штегельманском доме... разных материалов и о най-

ме... состоящих в команде его кровельщиков кои в Зимнем дворце работали вольных с инструментом на одну неделю четырех человек.

ЦГИА. Ф. 470. Оп. 76/188. Д. 797. Л. 208. 1788 г.

С. 93—94.

Из многочисленных зданий, выстроенных в 1770—1780 гг. в Петербурге, выпадают из общего петербургского стиля две первоклассные постройки, которые до сих пор не удавалось приписать ни одному из известных архитекторов... Здание, имеющее признаки участия баженовской руки, — дом Г.Г.Орлова, построенный для него Екатериной II в 1777—1778 годах, после его женитьбы на Е.Н.Зиновьевой. Его мощный портал, столь схожий по приемам с порталом Яузской больницы, и вставленные в кладку каменные резные вазы — совсем как в гендриковском особняке — наводят на мысль, что либо в сочинении проекта принимал участие сам Баженов, либо строивший здание архитектор пользовался его постоянной консультацией... Историей постройки дома Г.Г.Орлова в Ленинграде следует серьезно заняться...

Грабарь И.Э. В поисках неизвестных построек В.И.Баженова. — В кн.: Неизвестные и предполагаемые постройки В.И.Баженова. М., 1951.

С. 348.

Г.Х.Штегельман был санкт-петербургским банкиром при Екатерине II. Дом его на Мойке вследствие расчетов его с казной (свои дела после смерти оставил в большом беспорядке) поступил в собственность казны и был занят Г.Г.Орловым, а по кончине Орлова достался графу А.Г.Бобринскому.

Майков П.М. И.И.Бецкой. СПб., 1904.

С. 146.

...Количество построек, возведенных по проектам Валлен де Ла Мотта, весьма значительно... Теперь этот список должен быть значительно расширен. Валлен де Ла Мотту принадлежит авторство дворцов И.И.Бецкого у Летнего сада, графа К.Г.Разумовского на Мойке и рядом с ним дом, построенный для банкира Штегельмана.

Яремич С.П. Художества в период президентства И.И.Бецкого. 1763—1793 //Русская Академическая художественная школа в XVIII веке. М.—Л., 1934. С. 99—206 (вып. 123, изв. ГАИМК).

1786 года июля 20 дня Ея Императорского Величества Контора строения Ея Величества домов и садов докладывала, что по данному от господина надворного советника, архитектора и над мастерами инспектора Старова репорту... испрашевано было в отпуск пять тысяч пятьсот рублей, которая сумма ныне в отпуск именным Ея Императорского Величества указом назначена, почему магазейны и починить в нынешнем году непременно должно, к чему о вызове желающих троекратно чинены были публики, но... в каком им положении быть, чертежей нет, поэтому определили:

Господину надворному советнику и заархитектору Егорову дать указ и велеть сделать чертежи... в каком положении ныне как здесь, так и паче Ланских пивоваренные магазейны состоят... в каком положении им впредь быть должно, и по сделании представить с описью в Контору при репорте...

Июня 21 дня 1786 года.

ЦГИА. Ф. 470. Оп. 76/188. Д. 773. Л. 194. 1786 г.

1786 год июля 21 дня определили: надворному советнику Егорову предписать указом, чтобы он сообразно материалам, какие есть и должны быть при магазейнах и о каких дать ему сведение, сделал бы чертежи и смету с описанием подробным и со обозначением мест, где и какому материалу хранение должно, и по сделании представил бы в Контору немедленно, дабы не упустить удобного времени... ко исправлению.

1786 года июля 23 дня.

ЦГИА. Ф. 470. Оп. 76/188. Д. 773. Л. 195. 1786 г.

С. 15.

...На Литейной стороне, на берегу реки... построены новые каменные пивоварни в 1752 году, в которых про дом Ея Императорского величества варят пиво, меды и квасы;

...на том же берегу Литейной стороны, против Канцелярии от строений, построены каменные магазейны в 1752 г.

Титов А.А. Дополнение к историческому, географическому и топографическому описанию Санкт-Петербурга с 1751—1762 гг., сочиненному А.Богдановым. С рисунками прежних зданий. В память 200-летнего юбилея Санкт-Петербурга. М., 1903.

...Старову и Егорову предписать указание, чтобы они каждый по своему прожекту сделал для Конторы строения корпуса и сколько на починку ветхого каменного строения и другие поправки потребно суммы представить в Контору.

Июль 1788 г.

ЦГИА. Ф. 470. Оп. 76/188. Д. 797. Л. 66, 66 об.

По входящему журналу:

...От заархитектора Петра Егорова... представлены учиненные им для выстройки Конторского апартамента сметы. Приказали: подведя к той смете цены и расписав, доложить оной Конторе.

Января 6 дня 1789 г.

ЦГИА. Ф. 470. Оп. 76/188. Д. 803. Л. 169. 1789 г.

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА П.Е. ЕГОРОВА*

Дата	Жизнь и творчество	Источник
1	2	3
1731	Родился в одной из чувашских деревень Нижегородской губернии (Курмышского или Ядринского уезда)	ЦГИА, ф. 470, оп. 90/524, д. 36, л. 4 об. 1774 там же, ф. 1343, оп. 46, д. 277, л. 11 (Департамент Герольдии Сената)
1740-е	Живет «с малолетства» в доме князя Е.Л.Дадиани (1683—1765)	там же
	«При доме» князя Дадиани «обучен арифметике, геометрии, полевой практике (умению снимать перспективный план местности. — *Э.К.*), от руки рисовать и отчасти из масляных красок писать (живописи. — *Э.К.*)»	там же, ф. 467, оп. 273/187, д. 110, ч. 1, л. 49. 1768
1750-е	Живет в доме «грузинского царевича» Бакара Багратиони (1700—1750), сына «ученого царя» Вахтанга VI	*Сахарова И.А.* А.П. Антропов. М., 1974. С. 21.
1750	Выполняет живописные работы на строительстве Оперного дома в Петербурге под руководством Д.Валериани и А.Перезинотти	
1755, март	Подает челобитную на имя императрицы Елизаветы Петровны с просьбой принять его «архитектурной науки учеником» в школу при Канцелярии от строений	ЦГИА, ф. 470, оп. 83/517, д. 111, л. 2. 1755
	Рекомендательное письмо «генерал-майора артиллерии князя Дадиани»	там же, л. 1
1755 30 марта	Директор Канцелярии от строений («главный командир») генерал-лейтенант В.В.Фермор (1702—1771) направляет П.Егорова «к приемной апробации» (вступительным экзаменам)	там же, л. 1, 5
1755, март — апрель	С.А.Волков (1717—1790), возглавлявший архитектурную школу при Канцелярии от строений, проверяет знания П.Егорова («какое искусство имеет»)	там же, л. 3, 5 об.
1755, 12 апреля	Рапорт С.А.Волкова о результатах «апробации»: «оказался учен и впредь в руководстве еще лучше утвердить себя может»	там же, л. 3
1755, 14 апреля	Приказ о зачислении П.Егорова учеником 1-го (высшего) класса в «архитектурную команду» С.А.Волкова	там же, л. 5 об.
1756, весна	Работает в Петергофе	там же, ф. 467, оп. 273/187, д. 110, ч. 1, л. 49, 1768
1756, 2 марта	П.Егоров. Копия с чертежа Н.Алексеева (род. в 1725 г.): «План каменного дома с деревянным флигелем и части старых каменных покоев в Монплезире».	ЦГИА, ф. 485, оп. 3, д. 263
1756, 27 апреля	Участвует в снятии генерального плана Петергофа	там же, ф. 467, оп. 273/187, д. 110, ч. 1, л. 49, 1768
1757, декабрь	Аттестат С.А.Волкова: «Петр Егоров... аттестован: состояния доброго и в рисовании чертежей знание и прилежность имеет»	там же, ф. 470, оп. 90/524, д. 8, л. 107 об.
1758, 28 января	Женится на Анне Филипповне Бединой (род. в 1741 г.), дочери «лейб-гвардии конного полку рейтара Филиппа Васильевича, сына Бедина».	*Бройтман Л.* На земле Канцелярии от строений // Вечерний Ленинград, 1988, 18 авг.

* Составлены Э.Ф.Кузнецовой.

1	2	3
	А.Ф.Бедина была племянницей известного живописца Канцелярии от строений И.И.Бельского (1719—1799)	
1758, 30 марта	П.Е.Егоров. Копия с чертежа Н.Ф.Гербеля «План Адмиралтейской части Петербурга с указанием местоположения и плана церкви Исаакия Далматского на берегу Невы». Проект не был осуществлен	Архитектурная графика России. Перв. половина XVIII в. Л., 1981. С. 41
1759, сентябрь	Копии с чертежа главного архитектора Канцелярии от строений Б.Ф.Растрелли: «Внутреннее украшение в зале в новом Зимнем доме, которое Ея Императорским Величеством апробовано»	Русский музей (ГРМ), рис. № 33409
1761	Сдав экзамены и представив на рассмотрение специальной комиссии сочиненный им «прожект», получает звание помощника архитектора 3-го класса	ЦГИА, ф. 467, оп. 273/187, д. 110, ч. 1, л. 49, 1768
1763, 6 апреля	Произведен «за службу и доброе состояние по старшинству и достоинству... в ранг прапорщичий»	ЦГИА, ф. 466, оп. 36/1629, д. 98, л. 26, 1763
1763, май — июнь	«А в ту мою службу употреблялся при строениях... СВЕТЛОЙ В ПЕРВОМ (Летнем. — *Э.К.*) САДУ ГАЛЕРЕИ» «Светлая галерея» в Летнем саду — парадное сооружение (временное), предназначенное императрице к празднованию «первой годовщины Ея восшествия на престол». Находясь в нем, она должна была наблюдать фейерверк на Неве	там же, ф. 470, оп. 273/187, д. 110, ч. 1, л. 49
1763, май	«Примерный чертеж и профиль» будущей галереи передал в Канцелярию от строений И.И.Бецкой (1704—1795), главный директор Канцелярии от строений (с 1762 г.). Руководил работами Ю.М.Фельтен	*Коршунова М.Ф.* Юрий Фельтен. Л., 1988. С. 28
1763—1768	**Екатерининская церковь в г. Пярну (Эстония)**	
1763, осень	«...послан был в Пернов для сочинения чертежей и сметы Соборной церкви»	ЦГИА, ф. 467, оп. 273/187, д. 110, ч. 1, л. 49, 1768
1763, 13 ноября	Представил «на рассмотрение» в Канцелярию от строений проект, описание и смету церкви «Успения Пресвятой Богородицы»	ЦГАДА, ф. 18, д. 209, л. 5—6
	Проект церкви, «план и фасад», был передан на «Высочайшую апробацию» (утвержден Екатериной II в 1765 г.)	там же, л. 13
	Чертежи (обнаружены)	
1763	П.Егоров. Ситуационный план церкви Успения Пресвятой Богородицы	там же, л. 5—6
1763	П.Егоров. Фасад и план иконостаса церкви Успения Пресвятой Богородицы.	там же, д. 236
	Проект церкви в Пярну по указанию императрицы должен был служить образцом для строительства всех православных храмов Прибалтики («против оного строить повелено в прочих здешних городах»)	*Васильев Ю.* Классицизм в архитектуре Риги. Рига, 1961. С. 116—117
1764	Формулярный список: «Петр Егоров... в архитектурной науке хорошее знание имеет и против других... искуснее; достоин в 1-й класс ранга поручика»	там же, ф. 467, оп. 273/183, д. 100, л. 503
1764—1775	**Училище для мещанских девушек (Александровский институт)**	
1764	Начало строительства училища для мещанских девушек (входит в ансамбль Смольного — «Воскресенского Новодевичьего монастыря»). Руководил работами Ю.М.Фельтен	*Черепнин Н.П.* Императорское воспитательное общество благородных девиц. Т. I. СПб., 1914. С. 33
1764, ноябрь	Первый вариант проекта: «одобрены модель и чертежи здания для этого училища»	там же; *Розадеев В.* Смольный. М., 1958

1	2	3
1765	«Приказ» И.Бецкого, главного директора Канцелярии строений: направить П.Егорова на строительство Воскресенского Новодевичьего монастыря	ЦГИА, ф. 470, оп. 76/188, д. 528, л. 177
1765—1766	Петр Егоров «находился при строении Новодевичьего монастыря»	*Черепнин Н.П.* Указ. соч. С. 33—91
1765, 20 ноября	Получает звание помощника архитектора 1-го класса (минуя 2-й класс)	ЦГИА, ф. 467, оп. 273/187, д. 100, л. 507 об.
1766	Родился сын Алексей	там же, ф. 470, оп. 83/517, д. 302, л. 1
1766, 14 декабря	Назначен преподавателем старших классов в архитектурную школу при Канцелярии строений: «при обучении... учеников быть архитектурии помощнику Петру Егорову»	там же, ф. 470, оп. 76/188, д. 533, л. 81, 1766
1768, 5 марта	Челобитная Петра Егорова на имя императрицы Екатерины II с просьбой о повышении в должности К челобитной приложен «сочиненный им чертеж» и аттестат, выдвигающий Егорова на звание заархитектора (младшего архитектора) и в ранг капитана	ЦГИА, ф. 467, оп. 273/187, д. 110, ч. 1, л. 49. 1768
1768, 19 марта	Решение Совета Канцелярии от строений: «должно наградить Егорова... за знание науки по аттестату архитекторов заархитектором в ранг капитаном...»	там же, л. 44
1768, 29 марта	Резолюция И.Бецкого: назначить Егорова «по лучшему знанию науки и практики... заархитектором в ранг титулярного советника» (гражданский чин, равный военному — капитана; однако военные чины ценились выше)	там же, л. 58
1768, апрель	Участвует в работе «Комиссии по осмотру Зимнего дома»	там же, ф. 470, оп. 76/188, д. 573, л. 59. 1768
1768—1785	**Мраморный дворец**	
1768, 15 апреля	Начало строительства Мраморного дворца	ЦГАДА, Дворцовый отд., разр. 14, оп. 1, д. 228, ч. 1, кн. 1, л. 1
1768, 24 сентября	Письмо полковника М.И.Мордвинова к директору Канцелярии от строений И.И.Бецкому с просьбой направить на строительство Мраморного дворца Петра Егорова: «Потребен мне в ведение моего казенного строения архитектор...»	ЦГИА, ф. 467, оп. 273/187, д. 110, ч. II, л. 237
1768, 1 октября	П.Егоров направлен на строительство Мраморного дворца: «обязался при строении быть для присмотра и показания работ, какие до знания архитектурии принадлежать будут»	ЦГАДА, Дворцовый отд., разр. 14, оп. 1, д. 228, ч. I, кн. 2, л. 3
1768, октябрь	Изменения в проекте: «оному дому сделана с одной стороны прибавка и через то последовала в разделении и во всех фасадах перемена, так что ничего к новой модели как от каналов... так и от дому употребить неможно»	там же, ч. I, кн. 1, л. 27 об.
1768, 21 октября	Мастеру И.Кнору заказывают три новых модели: «дома с каналами», «большой лестницы с подъездом» и зала для игры в мяч	там же, ч. II, кн. 3, л. 65 об.
1768—1770	Работа над проектом Мраморного дворца	ЦГАДА, Дворцовый отд., разр. 14, оп. 1, д. 228, ч. I, кн. 1, л. 27 об. (Щет от 25 октября 1768 г.); там же, ч. II, кн. 3, л. 65 об. (Щет от 31 декабря 1770 г.)

1	2	3
1768	Направлен на строительство Зимнего дворца: «Петр Егоров находится при Зимнем доме»	ЦГИА, ф. 470, оп. 74/81, д. 48, л. 55
1768, 9 октября	Направлен на постоянную работу «при Зимнем каменном дворце»	там же, ф. 467, оп. 273/187, д. 110, ч. II, л. 231—232. 1768 г.
1769, 9 октября	Реорганизация Канцелярии от строений в Контору строений Ея Императорского Величества домов и садов	
1769, 1 ноября	«По излишеству и ненадобности» уволены все архитекторы. В Конторе строений остались: архитектор Ю.Фельтен (по штату полагалось два архитектора) и П.Егоров (позже к нему присоединились заархитекторы И.Фок и И.Дункер — по штату полагалось два заархитектора)	там же, д. 116, ч. II, л. 330—395
1769—1774	**Иордань**	
1769, 7 декабря	Ю.Фельтену и П.Егорову поручают (каждому самостоятельно) «сделать прожекты» новой Иордани — специального павильона, предназначенного для празднования «водоосвящения» на Неве	ЦГИА, ф. 467, оп. 73/187, д. 125, л. 305
	П.Е.Егоров. Проект (два чертежа) и смета Иордани (8 декабря 1774 г.)	там же
	1. Иордань (с гирляндами) 1774 г.	ГМИ СПб, № 4932
	2. Иордань (чертеж с буквой «С» наверху) 1774 г.	ГМИ СПб, № 4933
	Чертежи Иордани экспонировались на Исторической выставке архитектуры в 1911 г. как работы А.Ринальди: «Ринальди, может быть, принадлежат несколько прелестных проектов Иордани»	Историческая выставка архитектуры и художественной промышленности. СПб., 1912. С. 20, 125
	Ограда Летнего сада	
1770, лето	Екатерина II «изустно указать соизволила» поставить «железную решетку с воротами» (у Летнего сада)	ЦГИА, ф. 470, оп. 86/520, д. 11, л. 1 а. 1770
1770, 7 июня	«Приказ» Конторы строений: заархитектору И.Б.Фоку и инженеру-архитектору Д.И.Вуншу сделать «прожект» и к нему смету ограды Летнего сада. Д.Вунш определял техническую сторону проекта	ЦГИА, ф. 470, оп. 76/188, д. 604, л. 146
1770, 10 сентября	И.Фок заканчивает работу над проектом ограды Летнего сада	там же, ф. 470, оп. 86/520, д. 11, л. 1 а, 1770
	Смету к проекту И.Фока составил Ю.Фельтен	там же, л. 1
1770	По чертежу И.Фока сделана деревянная модель ограды Летнего сада	там же, л. 20
1770, 1 июля	Екатерина II осматривает модель Мраморного дворца	*Успенский А.И.* Императорские дворцы. Т. 1. СПб., 1913. С. 330
1770, 31 декабря	Закончилась работа над моделью Мраморного дворца (окончательный вариант проекта)	ЦГАДА. Дворцовый отд., разр. 14, оп. 1, д. 228, ч. II, кн. 3, л. 65 об. («Щет» М.И. Мордвинова от 31 декабря 1770 г.)
1771, 9 февраля	Начало торгов — «на камень», «металлические работы» и «медные украшения» к решетке Летнего сада (продолжались до 14 августа 1772 г.)	ЦГИА, ф. 470, оп. 86/520, д. 11, л. 25
1771—1773	**Дома адмиралов Г. А. Спиридова и А. Н. Сенявина**	
1771, 26 июня	Указ о строительстве (после пожара) домов адмиралов Г.А.Спиридова и А.Н.Сенявина	там же, оп. 75/80, д. 3, л. 2, 16; д. 4, л. 16—17

1	2	3
1772, 12 февраля	П.Егоров. Проект («описание, планы и фасады») и смета домов адмиралов Г.А.Спиридова и А.Н.Сенявина. До нашего времени дома адмиралов Г.А.Спиридова и А.Н.Сенявина не сохранились	ЦГИА, ф. 470, оп. 75/80, д. 4, л. 11
1772, 14 августа	Окончание торгов «на решетку» Летнего сада (проект И.Фока). Продолжались с перерывами около двух лет (9 февраля 1771—14 августа 1772 гг.)	там же, оп. 86/520, д. 11, л. 25, 241—242
1772, 6 сентября	«Дело о прибавке жалованья архитектору Фельтену и о награждении архитектором заархитектора Петра Егорова»	там же, оп. 90/524, д. 36, л. 1—16
1772, сентябрь	Начало работы П.Егорова на строительстве ограды Летнего сада	там же, оп. 86/520, д. 12, л. 139
	П. Егоров. Первый вариант проекта ограды Летнего сада (включает элементы проекта И. Фока)	
1772, осень	1. П.Егоров. Чертеж малых ворот (без верхнего украшения). Утвержден Ю.Фельтеном Не соответствует окончательному решению	там же, оп. 82/520, д. 11, л. 206 а
1772, сентябрь — октябрь	2. П.Егоров. Чертеж больших ворот с верхним украшением (вензель Екатерины II). Утвержден Ю.Фельтеном. Не соответствует окончательному решению	ГМИ СПб, № 457
1772	3. П.Егоров. Чертеж малых ворот с прилегающими звеньями решеток. Не соответствует окончательному решению. Дает представление о первоначальном варианте проекта всей ограды	ЦГИА, ф. 485, оп. 2, д. 48, л. 1
1772, ноябрь	На Мастерском дворе Конторы строений кузнечным мастером И.Денисовым сделана железная модель ограды Летнего сада — «вполы против того, как ей в натуре быть должно».	там же, ф. 470, оп. 86/520, д. 11, л. 216
1772, 20 ноября	П.Егоров вычисляет (по железной модели) количество необходимого железа для выполнения ограды в натуре — «за исключением 33 столбов и трех ворот»	там же, л. 216 а
	П. Егоров. Второй вариант проекта ограды Летнего сада	
1772, 8 декабря	Чертеж ворот ограды Летнего сада — с учетом всех исправлений. Чертеж не обнаружен	ЦГИА, ф. 485, оп. 86/520, д. 11, л. 224
	Работа над чертежом верхнего украшения на большие ворота отложена до декабря 1778 г. (украшение с вензелем Екатерины II не было принято к исполнению)	
1773, январь	Начало новых торгов на изготовление ограды	ЦГИА, ф. 470, оп. 86/520, д. 11, л. 241—242
1773, июль	Заключение контракта с И.Денисовым на изготовление железной решетки и трех ворот — «кроме медной и чеканной работы»	там же, л. 251
1773, 26 июля	П.Егорову предписывают сделать чертеж ограды «на всю дистанцию» с определением: «на каком расстоянии для крепления оной решетки столбы поставить и какой широты между теми столбами звенья решетки делаться должны»	там же, л. 266 об.
	П. Егоров. Третий вариант проекта ограды Летнего сада	
1773, июль — октябрь	Чертеж ограды «на всю дистанцию». Корректирует весь рисунок ограды: увеличивает длину каждого звена решетки (меняет число копий с 15 до 17, розеток с 8 до 9 и тем самым увеличивает длину всей ограды). Чертеж не обнаружен	

1	2	3
	Третий вариант проекта соответствует окончательному решению, но еще без завершений колонн (вазы и урны) и медных украшений — к звеньям решетки и воротам	
1773, 21 октября	П.Егоров заканчивает работу над окончательным вариантом ограды (без завершений колонн и медных украшений — к звеньям решетки и воротам)	там же, ф. 470, л. 276
	Рапорт Ю.Фельтена: «...учиненные заархитектором Егоровым шесть чертежей мною рассматриваны и при сем во оную контору представляются, по которым и работу производить должно»	там же
1773	Чертеж больших ворот без медных украшений	ЦГИА, ф. 485, оп. 2, д. 48, л. 2
1773	Чертеж левой створки больших ворот без медных украшений	там же, л. 3
	Работа над «медными украшениями» к звеньям решетки и воротам отложена до 1778 г.	
1773	Закончилось строительство домов адмиралов Г.А.Спиридова и А.Н.Сенявина	там же, ф. 470, оп. 75/80, д. 4, л. 158
1774	Дело о награждении заархитектора Петра Егорова	там же, оп. 90/524, д. 36, л. 1—16
1774, 1 февраля	На челобитную Фельтена (6 сентября 1772 г.) с просьбой о прибавке жалованья «на двух архитекторов» Контора строений отвечает положительно: поскольку Фельтен «исправляет должность вместо положенных по штату двух архитекторов один безостановочно... производить ему положенное на двух архитекторов жалованье по тысяче по двести рублей»	там же, л. 6
1774, январь — февраль	«В помощь» Фельтену решено «произвести архитектором» Петра Егорова, который «в знании архитектуры в теории и практике весьма преимущественнее других»	там же, л. 4, 6
	Жалованье повысить ему — «с прибавкою к ныне получаемому жалованью из оставшихся на художников и мастеровых суммы по двести, а производжением всего по шестисот рублей в год»	там же, л. 7
1774, 4 февраля	Главный директор Конторы строений И.И.Бецкой решение Совета Конторы о «производжении Егорова архитектором» не утверждает	там же, л. 9
1774, 14 февраля	Челобитная П.Егорова с просьбой «об увольнении его для своих необходимых нужд в города Москву и Вязьму»	там же, оп. 76/188, д. 647, л. 340, 1774
1774, 10 апреля	П.Егорову и Т.Насонову (мастеру по обработке гранита) предписано «сочинить» новую смету, учтя все изменения в проекте ограды Летнего сада	ЦГИА, ф. 470, оп. 86/520, д. 11, л. 280
1774, 8 декабря	Заканчивает работу над проектом и сметой Иордани «для празднования водоосвящения на Неве» (два чертежа)	там же, ф. 467, оп. 73/187, д. 125, л. 305—306; ГМИСПб, № 4932, 4933
1775, 18 июня	П.Егоров с мастерами осматривают первое пробное звено ограды Летнего сада: «оказалось сделано самою чистою и против чертежа и модели сходственною работою»	ЦГИА, ф.470, оп. 86/520, д. 11, 1775, л. 314 об.
1775, 18 июня	Принимает решение: поставить вместо 29 звеньев решетки — 32 (включая уже доставленное первое пробное звено). Соответственно увеличивается и число колонн: вместо 33 — 36.	там же, л. 312

1	2	3
1775	Принимает решение поставить на колонны ограды Летнего сада вазы	там же, д. 13, л. 63
	Контракт с «санкт-петербургским купцом» Михаилом Мосиным на теску «его каменотесцами» «цоколей, ваз, капителей» (к ограде Летнего сада)	там же
1776	Рапорт заархитектора П.Егорова, капитана Бороздина и мастера Насонова о результатах работы «каменотесцев» купца Михаила Мосина	там же
	Покупает дом у живописца И.Я.Вишнякова (Слобода Канцелярии от строений на Песках, 6-я Рождественская ул., дом 6)	*Бройтаман Л.* На земле Канцелярии от строений // Вечерний Ленинград, 1988, 18 авг.
1777	И.Денисов доставил 32 звена решетки, 1 большие и 2 малых ворот. Работу «тульских мастеров» проверяет П.Егоров и признает ее «порядочной, прочной и против чертежа и модели сходственной»	ЦГИА, ф. 470, оп. 86/520, д. 11, л. 340, 314
1777, август	Вызовы к торгам на изготовление «медных украшений» к звеньям решетки	Санкт-Петербургские ведомости, 1777, № 67, 22 авг.
1777, 21 октября	П.Егоров вызван на осмотр повреждений колокольни Петропавловского собора (Д.Трезини) после бури и наводнения 10 сентября 1777 г.: «представить свое мнение... и смету» — составить план и смету восстановительных работ	ЦГИА, ф. 470, оп. 76/1888, д. 688, л. 99; *Богданов А., Рубан В.* Историческое, географическое и топографическое описание Санкт-Петербурга... СПб., 1779, с. 451
1777, осень	П.Егоров с «мастером медного дела» Наумом Семеновым составили смету и список необходимых материалов для изготовления «медных литых украшений» к звеньям решетки («шниркулей» — завитки растений между верхними перекладинами звена решетки, «копий», «репьев» — розеток)	ЦГИА, ф. 470, оп. 86/520, д. 15, л. 30, 35
1778	Установлены все 36 гранитных колонн ограды, между ними — 32 железных звена, 1 большие и 2 малых ворот	
1778, 29 мая	Вызовы к торгам на изготовление «медных украшений» к звеньям решетки	Санкт-Петербургские ведомости, 1778, № 43, 29 мая
1778, 29 мая	Контора строений заключает контракт с «санкт-петербургскими медного и золотых дел мастерами» (Я.Тумом, К.Форшманом, Ф.Георги и Ф.Шперлингом) на изготовление медных украшений к звеньям решетки	ЦГИА, ф. 470, оп. 86/520, д. 15, л. 70, 72 об.
1778, 28 ноября	Контора строений дает распоряжение заархитекторам Петру Егорову и Ивану Фоку: «как наивозможно вскорейшем времени сделать следуемый чертеж медному украшению на ворота (верхние украшения на большие и малые ворота. — *Э.К.*) и на рассмотрение архитектору Фельтену представить и который им за лучший признан будет для сделания сметы представить в Контору, почему бы сия Контора могла сделать на Мастерском дворе пробу во что каждая штука станет»	там же, л. 70
	Обнаружены четыре чертежа верхних украшений к малым и большим воротам ограды Летнего сада	
1778, декабрь	1. И.Фок. Малые ворота с первым вариантом верхнего украшения. Не был принят к исполнению	ЦГИА, ф. 485, оп. 2, д. 48, л. 4

1	2	3
1778, декабрь	2. И.Фок. Второй вариант верхнего украшения на малые ворота. Не был принят к исполнению	там же, л. 4 (на клапане)
1778, декабрь	3. И.Фок. Вариант верхнего украшения на большие ворота. Не был принят к исполнению	ГМИ СПб, № И-4799
1778, декабрь	4. П.Егоров. Вариант верхнего украшения на большие ворота. Чертеж принят к исполнению и осуществлен в натуре	там же, л. 5
1779, 18 мая	Изменение рисунка медных украшений к звеньям решетки: при установке оказалось: «репья» (розетки) «в практике весьма малы, так что по неприличному в фасаде виду». Контора строений решает: «следует оные репьи сделать для приличности и лучшего виду побольше»	там же, ф. 470, оп. 86/520, д. 15, л. 85
1799, май	«Репья» к звеньям решетки (по новому рисунку) изготовлены «медного дела мастером» Наумом Семеновым	там же, л. 111
1799, 19 июня	Мастерами Я.Тумом и К.Форшманом «с товарищи» медные украшения к звеньям решетки были «под позолоту сделаны и на места поставлены»	там же
1779—1788	**Рождественская церковь на Песках**	
1779, 6 июля	По указу императрицы предписано начать за счет казны строительство новой каменной Рождественской церкви на Песках. Петру Егорову поручили выполнить проект и смету будущей церкви	там же, ф. 796, оп. 60, д. 505, л. 1
1779, 30 августа	Рапорт П.Егорова: «сделанные мною для построения в состоящих за Лиговским каналом ведомства сей Конторы слободах каменной церкви во имя Рождества Иисуса Христова как план с профилью и фасады на два манера, так и насколько каких материалов и на работных людей суммы потребная смета при сем на рассмотрение представляется»	там же, л. 2
	Обнаружены два чертежа П.Егорова: 1. Большой иконостас Рождественской церкви на Песках. 1787	ГМИ СПб, № 4807
	2. Малый иконостас Рождественской церкви. 1787	там же, № 4808
1780	Начало строительства Служебного корпуса и ограды Мраморного дворца. Служебный корпус и ограда Мраморного дворца строились по проекту П.Е.Егорова	ЦГИА, ф. 470, оп. 87/521, д. 171, л. 2,
1780, 18 декабря	Пишет челобитную на имя императрицы с просьбой о принятии сына Алексея Егорова в архитектурную школу — «в ведомство Конторы строений Вашего Императорского Величества домов и садов в архитектурное художество учеником»	ЦГИА, ф. 470, оп. 83/517, д. 302, л. 1—6
1780, 17 января	Проект и смета восстановления фонтанов Летнего сада (Рапорт в Контору строений)	там же, оп. 75/80, д. 5, л. 10
1781	Получает чин коллежского асессора	там же, оп. 87/521, д. 176, л. 2 об.
1781, 12 сентября	Алексей Егоров принят «архитектурным учеником»	там же, оп. 83/517, д. 302, л. 6
1782	Награжден медалью	там же, оп. 125, 559, д. 2, л. 2
	П.Е.Егоров. Чертежи ограды Летнего сада (окончательное решение)	
1783	1. Большие и малые ворота с отрезками звеньев. Близок к окончательному решению	Музей архитектуры. М., № Р I 1602
1783—1784	2. Два звена решетки, большие и малые ворота. Верхнее украшение малых ворот представлено в двух видах: на основном листе и на клапане. Окончательный вариант (с небольшими коррективами)	ГМИ СПб, № И-4801

1	2	3
1783, 19 января	Указ об установке ваз и урн на колонны ограды Летнего сада	ЦГИА, ф. 470, оп. 86/520, д. 17, л. 3
1783, 28 марта	На Мастерском дворе конторы строений сделаны 4 деревянных модели ваз и урн	там же, л. 15
	По этим моделям под руководством «мастера квадраторного дела» Насонова началось тесание ваз и урн для колонн ограды	там же, д. 18, л. 1
1783, август	П.Егоров. Проект «домов для священнослужителей при церкви Казанской Богоматери». Проект не обнаружен	там же, оп. 76/188, д. 743, л. 170, 188 об.
1785, 28 июля	Указание И.Бецкого: «медные штуки с кольцами и ручки вызолотить» (украшения к вазам и урнам). П.Егорову поручено составить смету на позолоту к украшениям на вазы и урны	там же, д. 15, л. 108
1785, 6 августа	Укреплены верхние украшения — над большими и малыми воротами ограды Летнего сада	там же, л. 123
1785	Окончание строительства Мраморного дворца	ЦГИА, ф. 539, оп. 1, д. 284, л. 1—98, 1785
1785, 16 декабря	Аттестат Федора Буксгевдена, выданный Петру Егорову «к награждению чином» (надворного советника) в связи с окончанием строительства Мраморного дворца	там же, ф. 470, оп. 87/521, д. 171, л. 2
1786, 8 января	Аттестат Фридриха фон Ралля, выданный Петру Егорову в связи с окончанием строительства (аналогичен аттестату Ф.Буксгевдена) Мраморного дворца	там же, л. 3
1786, 5 марта	П.Егоров находился «при строении» дома графа Г.Г.Орлова (быв. дом банкира Г.Х.Штегельмана)	там же, оп. 1-доп. (6), д. 37, л. 1—2; оп. 76/188, д. 776, л. 62; д. 773, л. 208; д. 797, л. 180—208
1786, 3 апреля	Петр Егоров «утвержден в надворные советники» (гражданский чин 7-го класса, равный военному — подполковнику)	там же, оп. 87/520, д. 176, л. 11
1786, июнь	Контора строений поручает «господину надворному советнику Егорову» выполнить проект и смету «магазейнов» (складов) городовой канцелярии на берегу реки Невы	там же, оп. 76/188, д. 773, л. 194—195, 326, 1786
1786, июль	«Доделки золотых дел мастеров» (ограда Летнего сада)	там же, оп. 86/520, д. 17, л. 136—137
1786, июль	Окончание строительства ограды Летнего сада (1770—1786)	там же
1786	«...определили как по окончании строения Мраморного дома архитектор Егоров от оного уволен, то и препоручить ему, Егорову, строение по садам, по Мастерскому двору, по Штегельманскому дому и в Екатерингофе, да сверх того смотрение иметь за чертежною (руководит чертежной мастерской. — *Э.К.*)»	там же, оп. 1 доп. (6), д. 37, л. 1—2
1787, 12 апреля	И.Е.Старов, главный архитектор Конторы строений (с 1784 г.), вновь делает попытку «наградить архитектором» Петра Егорова. И вновь Бецкой не утверждает Егорова в этом звании	там же, оп. 87/521, д. 179, л. 5, 1787
1787, 7 октября	Фридрих фон Ралль передает модели Мраморного дворца в Эрмитаж	*Орлов В.* Мраморный дворец//Русская старина,1885, № 5, с. 16
1788	Окончание строительства Рождественской церкви на Песках	ЦГИА, ф. 470, оп. 76/188, д. 797, л. 42—43
1788	Закончилось строительство Служебного корпуса и ограды Мраморного дворца	Памятники архитектуры. Л., 1976, с. 128

1	2	3
1788	Награжден медалью (вместе с другими сотрудниками Конторы строений в связи с успешным ходом Русско-турецкой войны и взятием Очакова)	ЦГИА, ф. 470, оп. 76/188, д. 802, л. 1, 149, 1788
1788, 21 декабря	И.Е.Старов подает в Контору строений рапорт о награждении «чинами, прибавкой жалованья и иными повышениями состоящих в ведомстве моем заархитекторов и помощников». В их числе в первую очередь снова (и опять безрезультатно) называется Петр Егоров	там же, оп. 122/556, д. 3, л. 3
	И.Старову и П.Егорову предписано каждому одновременно и самостоятельно сделать «прожект» нового здания Конторы строений — «апартамента Конторы строений»	там же, оп. 76/188, д. 797, л. 66 об.
1789, 6 января	П.Егоров. Смета на постройку «апартамента Конторы строений»	там же, оп. 76/188, д. 803, л. 169
1789, 12 мая	Умер в госпитале. «...На погребенье деньги занимала жена Анна Филиппова дочь у надворного советника Легкого, о чем засвидетельствовал секунд-майор Дмитрий Соболев...»	там же, оп. 5, д. 807, л. 200, 200 об.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

Алексеева Т.В. Исследования и находки. М., 1976.

Алексеева Т.В. Некоторые вопросы русской художественной жизни середины XVIII века //Русское искусство XVIII века. М., 1973. С. 90—97.

Аллер Р. Пярну. Таллин, 1977.

Андроникашвили Б.Б. Страницы прошлого читая... Тбилиси, 1987.

Андроникашвили Б.Б. Волжское село //Литературная Грузия, 1982. № 9. С. 183—213.

Андроникашвили Б.Б. Всесвятское //Литературная Грузия, 1981. № 4.

Аркин Д. Растрелли. М., 1954.

Архитектурная графика России. Первая половина XVIII века. Л., 1981.

Асатиани Г. О грузинском //Литературная Грузия, 1982. № 7, 8, 9.

Бартенев И.А. Строительная наука в России //Труды Всероссийской Академии художеств. Л.—М., 1947. С. 145—161.

Бартенев И.А. Зодчие и строители Ленинграда. Л., 1963.

Богословский В.А. Кваренги — мастер архитектуры русского классицизма. Л.—М., 1955.

Борисова Е.А. Архитектурное образование в Канцелярии от строений во второй четверти XVIII века //Ежегодник института истории искусств. М., 1961. С. 91—152.

Борисова Е.А. Чевакинский и архитектурное образование первой половины XVIII века //Русское искусство XVIII века. М., 1968. С. 96—110.

Бройтман Л. На земле Канцелярии от строений //Вечерний Ленинград, 1988, 18 августа.

Васильев Ю.М. Классицизм в архитектуре Риги. Рига, 1961.

Васильев Ю.М. Памятники зодчества. Рига, 1971.

Ильина Т.В. Иван Яковлевич Вишняков. Жизнь и творчество. М., 1979.

Историческое, географическое и топографическое описание Санкт-Петербурга от начала заведения его, с 1703 по 1751 год, сочиненное г. Богдановым, со многими изображениями первых зданий. СПб., 1779.

История русского искусства. Т. 5, 6. М.: Изд-во АН СССР, 1961.

Каганович А.Л. «Медный всадник». История создания монумента. Л., 1975.

Коршунова М.Ф. Юрий Фельтен. Л., 1988.

Коршунова М.Ф. Архитектор Юрий Фельтен. К 250-летию со дня рождения. Каталог выставки. Л., 1982.

Коршунова М.Ф. Архитектурные чертежи Ю.М.Фельтена //СГЭ, 1968. Вып. 29. С. 10—17.

Коршунова М.Ф. Ю.М.Фельтен. Новые и малоизвестные материалы об архитекторе. Автореф. дисс. на соискание учен. степ. канд. искусствоведения. Л., 1970.

Коршунова М.Ф. Юрий Фельтен. Новые и малоизвестные материалы об архитекторе. Дисс. на соискание учен. степ. канд. искусствоведения. Л., 1970. Рукопись. Архив научно-исследовательского музея АХ СССР.

Коршунова М.Ф. Новые материалы об архитекторе Ю.М.Фельтене //СГЭ, 1971. Вып. 32. С. 31—33.

Корольков А. Христорождественская церковь в Санкт-Петербурге на Песках. СПб., 1898.

Козьмян Г.Ф. Б.Ф.Растрелли. Л., 1976.

Кочедамов В.И. Набережные Невы. Л.—М., 1954.

Краснобаев Б.И. Очерки истории русской культуры XVIII века. М., 1972.

Крашенинников А.Ф. Некоторые особенности переломного периода между барокко и классицизмом в русской архитектуре //Русское искусство XVIII века. М., 1973. С. 97—109.

Крашенинников А.Ф. Кокоринов и Деламот — первые зодчие эпохи классицизма в России. Канд. дисс. 1964. Гос. библиотека СССР им. В.И.Ленина. Рукопись.

Кузнецов И.Д. Очерки по истории чувашского крестьянства. Чебоксары, 1957.

Кузнецов Ф.Д., Кузнецова-Рыцк Э.Ф. Архитектор Петр Егоров. Чебоксары, 1964.

Кузнецова Э.Ф. Архитектор Петр Егоров. Чебоксары, 1984.

Кузнецова Э.Ф. Мальчик с Присурья. Повесть об архитекторе Петре Егорове. Чебоксары, 1971.

Курбатов В.Я. Петербург. СПб., 1913.

Кючарианц Д.А. Антонио Ринальди. Л., 1976.

Линковский В. Архитектурные модели в России //Старые годы, 1910, декабрь. С. 3—19.

Люлина Р.Д. Петр Егоров — создатель ограды Летнего сада //Вестник Ленинградского университета, 1950. № 1. С. 97—109.

Люлина Р.Д. Чертежи ограды Летнего сада //*Кузнецов Ф.Д., Кузнецова-Рыцк Э.Ф.* Архитектор Петр Егоров. Чебоксары, 1964. С. 84—97.

Люлина Р.Д. Кто же автор ограды Летнего сада? //Белые ночи. Л., 1974. С. 414—433.

Люлина Р.Д. Материалы к изучению творчества И.И.Бельского и И.Я.Вишнякова //Охрана памятников и вопросы истории русской архитектуры. Л., 1974.

Люлина Р.Д., Крашенинников А.Ф. История строительства Малого Эрмитажа // СГЭ. Вып. XXV. 1964.

Майков П.М. И.И.Бецкой. СПб., 1904.

Малиновский К.В. Канцелярия от строений //Лен. панорама, 1985. № 8.

Маслов В. Краткое описание Христорождественской церкви на Песках. К 100-летнему юбилею. СПб., 1887.

Мацулевич Ж.А. Летний сад и его скульптуры. Л., 1935.

Михайлов А.И. Архитектор Д.В.Ухтомский и его школа. М., 1954.

Михайлов Б.П. Витрувий и Эллада. Основы античной теории архитектуры. М., 1967.

Молева Н.М., Белютин Э.М. Педагогическая система Академии художеств в XVIII веке. М., 1956.

Молева Н.М., Белютин Э.М. Живописных дел мастера. Канцелярия от строений и русская живопись первой половины XVIII века. М., 1966.

Овсянников Ю.М. Франческо Бартоломео Растрелли.

Орлов В. Мраморный дворец. 1785—1885 //Русская старина, 1885. № 5. С. 421—448.

Оль Г.А. Александр Брюллов. Л., 1983.

Памятники архитектуры Ленинграда. Л., 1975.

Петров А.Н. Материалы по истории архитектурных памятников Ленинграда. Архив ГИОПЛ. 1946. Рукопись.

Петров П.Н. История Санкт-Петербурга с основания города до введения в действие выборного городского управления. 1703—1782. СПб., 1885.

Попова Н.В. Историческая справка о фасадах Мраморного дворца. 1954. Архив СНРПМ. Л., 1954.

Пушкарев И.И. Описание Санкт-Петербурга. СПб., 1841.

Раам В. Архитектурные памятники Эстонии. Л., 1974.

Русское искусство. Очерки о жизни и творчестве художников. Восемнадцатый век / Под ред. *А.И.Леонова.* М., 1952.

Сахарова И.М. Алексей Петрович Антропов. 1716—1795. М., 1974.

Свиньин П.П. Достопамятности Санкт-Петербурга и его окрестностей. СПб., 1828.

Столпянский П.Н. Решетка Летнего сада //Старые годы, 1915. № 10. С. 56—63.

Суслова Е.Н. Ученические годы Ю.М.Фельтена //Архитектурное наследство, 1959. Вып. 9. С. 63—72.

Суходрев В.И. Петербург и его достопримечательности. СПб., 1903.

Татишвили В. Грузины в Москве. Тбилиси, 1959.

Титов А.А. Дополнение к историческому, географическому и топографическому описанию С.-Петербурга с 1703 по 1751 гг., соч. А.Богдановым. С рисунками прежних зданий. М., 1903.

Успенский А.И. Императорские дворцы. Т. I. М., 1913.

Черепнин Н.П. Императорское воспитательное общество благородных девиц. Т. 1—2. СПб., 1914.

Шепелев Л.Е. Отмененные историей. Чины, звания и титулы в Российской империи. Л., 1977.

Штелин Я. Об архитектуре в России. — Записки Якоба Штелина. Т. 1. М., 1990. С. 157—195.

Штранге М.М. Демократическая интеллигенция России в XVIII веке. М., 1965.

Эрмитаж. История и архитектура зданий. Л., 1974.

Эфрос А.М. Два века русского искусства. М., 1989.

Яремич С.П. Основание Академии художеств. Президентство И.И.Шувалова. 1758—1763 // Русская Академическая художественная школа в XVIII веке. М.—Л., 1934. С. 49—65 (вып. 123, Изв. ГАИМК).

Яремич С.П. Художества в период президентства И.И.Бецкого. 1763—1793 // Русская Академическая художественная школа в XVIII веке. М.—Л., 1934. С. 99—206 (вып. 123, Изв. ГАИМК).

Петр Егоров — создатель ограды Летнего сада

[1] *Батюшков К.Н.* Прогулка в Академию художеств //Полн. собр. соч. М., 1898. С. 248.

[2] *Грабарь И.Э.* История русского искусства. Т. III. 1913. С. 314.

[3] Русская академическая художественная школа в XVIII веке //Изв. ГАИМК. Вып. 123. Л., 1934; *Яремич С.П.* Архитектура (1763—1793). С. 147.

[4] Там же. С. 150.

[5] *Гримм Г.Г.* Ансамбли России. М.: Изд. «Искусство», 1946. С. 14.

[6] Работа А.Н.Петрова хранится в архиве Государственной инспекции по охране памятников города Ленинграда.

[7] ЦГИА. Гоф.-интендантская контора. Ф. 470. Оп. 520. Д. 11. Л. 1.

[8] Там же. Л. 195.

[9] Там же. Л. 222—223.

[10] Там же. Л. 261.

[11] Там же. Л. 276.

[12] ЦГИА. Канцелярия от строений домов и садов. Ф. 467. Оп. 73/187. Д. 125. Л. 285-а, 287.

[13] ЦГИА. Гоф.-инт. конт. Ф. 470. Оп. 520. Д. 11. Л. 31.

[14] Там же. Л. 340.

[15] Там же. Д. 15. Л. 30.

[16] Там же. Л. 35.

[17] Там же. Л. 70.
[18] Там же. Л. 85.
[19] Там же. Л. 111.
[20] Там же. Д. 17. Л. 58—59.
[21] Там же. Л. 73.
[22] Там же. Л. 123.
[23] Там же. Л. 3.
[24] Там же. Л. 15.
[25] Там же. Л. 108.
[26] Там же. Л. 479.
[27] Историческая выставка архитектуры, 1911. С. 130, 131.
[28] Каталог выставки «Русская архитектура эпохи классицизма и ампира». М., 1936. С. 7.
[29] ЦГИА. Гоф.-инт. конт. Ф. 470. Оп. 520. Д. 11. Л. 206-а.
[30] Ср. документы: ЦГИА. Гоф.-инт. конт. Ф. 470. Оп. 520. Д. 11.
[31] Музей истории и развития Ленинграда. № 378.
[32] ЦГИА. Планы и чертежи. Ф. 485. Оп. 1/2058. Д. 67, 69.
[33] Там же. Д. 67.
[34] Воспроизведен в каталоге выставки 1936 г. «Русская архитектура в эпоху классицизма и ампира» (с. 7) и в книге Н.Коваленской «История русского искусства XVIII в.» (М., 1940. С. 221).
[35] Это и есть «шниркули» рапорта Егорова от 25 ноября 1777 г.
[36] ЦГИА. Планы и чертежи. Ф. 485. Оп. 1/2058. Д. 74.
[37] ЦГИА. Гоф.-инт. конт. Ф. 470. Оп. 520. Д. 48.
[38] Там же. Оп. 83/517. Д. 111. Л. 2.
[39] Там же. Л. 1.
[40] Там же. Л. 3.
[41] Там же. Л. 6.
[42] ЦГИА. Канцелярия от строений домов и садов. Ф. 467. Оп. 73/187. Д. 125. Л. 286, 287.
[43] ЦГИА. Планы и чертежи. Ф. 485. Оп. 4/2061. Д. 85.
[44] Опубликован в «Сообщениях Кабинета теории и истории архитектуры Академии архитектуры СССР» (Вып. 1. М., 1940. С. 30).
[45] ЦГИА. Канцелярия от строений домов и садов. Ф. 467. Оп. 273/187. Д. 110. Л. 237.
[46] Там же. Л. 238.
[47] ЦГИА. Гоф.-инт. конт. Ф. 470. Оп. 1, доп. Д. 37. Л. 1—4.

Небезынтересно отметить, что Штегельманский дом на Мойке № 50 С.Яремич, так же, как и ограду Летнего сада, приписывал одному автору, считая таковым (ошибочно) Деламота.

[48] Художественные сокровища России, 1905. № 10—12.
[49] ЦГИА. Гоф.-инт. конт. Ф. 470. Оп. 520. Д. 11. Л. 206.
[50] ЦГИА. Канцелярия от строений домов и садов. Ф. 467. Оп. 73/187. Д. 125. Л. 305.
[51] Историческая выставка архитектуры, 1911. С. 125.

Чертежи ограды Летнего сада

[1] Проект восстановления Петропавловского собора после пожара 1756 года. Южный фасад. Исполнен Ю.М.Фельтеном. Хранится в ГМИ СПб, № И-4726.
[2] ЦГИА. Ф. 485. Оп. 2. Д. 184. 1765. Л. 1 — боковой фасад манежа. Л. 2 — продольный разрез. Л. 3 — поперечный разрез. Л. 4 — фасад манежного флигеля.
[3] Два чертежа иконостаса церкви Рождества Христова на Песках. 1780-е гг.

ГМИ СПб. № И-4807, 4808. Два чертежа Иордани 1774 года. Там же. И-4932, 4933.

[4] ЦГИА. Ф. 467. Оп. 73/187. Д. 100. Л. 321; Ф. 470. Оп. 122/556. Д. 1. Л. 1.

[5] ЦГАДА. Ф. 18. Д. 209. Л. 3.

[6] *Васильев Ю.* Классицизм в архитектуре Риги. Очерк истории планировки и застройки Риги в конце XVIII—начале XIX вв. Рига: Изд-во АН Латвийской ССР, 1961. С. 117.

[7] Там же. С. 116.

[8] Там же.

[9] Там же. С. 115—116. В истории строительства Петропавловского собора в Риге много неясного. Так, не совсем точно определено время его постройки: или 1776—1788 гг., или 1780—1786 гг. Согласно тщательному исследованию Ю.Васильева, автором собора является Сигизмунд Зеге. Но проект Зеге обнаружен не был. Мало того, до сих пор во всех научных исследованиях Зеге считался инженером, но никак не архитектором. Руководил строительством также не он, а К.Хаберленд, который в этот период был начинающим строительным мастером, и его также во всех документах того времени не считали еще архитектором (в литературе XIX—нач. XX вв. К.Хаберленд считался автором проекта этой церкви). Интересно отметить, что в последнее время (до работы Ю.Васильева) автора проекта Петропавловского собора «стали искать среди петербургских зодчих круга Фельтена и Ринальди» (*Васильев Ю.* Указ. соч. С. 104).

[10] ЦГИА. Ф. 470. Оп. 75/80. Д. 3. Л. 16.

[11] Там же. Д. 4. Л. 158.

[12] *Пушкарев И.* Описание Санкт-Петербурга и уездных городов Санкт-Петербургской губернии. Ч. 1—4. СПб., 1839—1842. С. 230.

[13] ЦГИА. Ф. 485. Оп. 2. Д. 48. Л. 5; МИЛ. № И-4800.

[14] Музей архитектуры Академии строительства и архитектуры СССР в Москве. № Р I. 1602.

[15] ГМИ СПб, № И-4801. Чертеж можно датировать 1783—1784 гг., т.к. в то время начали изготовлять вазы и урны для колонн ограды. План, показывающий расположение ворот, звеньев решеток и колонн, изображенный в нижней части чертежа, прорисован в 1810 году. Об этом свидетельствует надпись в правом нижнем углу листа.

[17] «Oeuvres du Sr.D.Marot. Architecte de Guilliaume III Roy de la Grande Bretagne, Contenant Plufieurs penses utilles aus Architectes, Peintres, Sculpteurs, Orfevres, Jardiniers autres; Le tout en faveur de ceux quis' apliquent aus Beaux Arts». Amsterdam, MDCCXII.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АХ	—	Академия художеств
ГАИМК	—	Государственная академия истории материальной культуры
ГИОП	—	Государственная инспекция по охране памятников
ГМИ СПб	—	Государственный музей истории Санкт-Петербурга
ГНИМА	—	Государственный научно-исследовательский музей архитектуры им. А.В. Щусева
ГРМ	—	Государственный Русский музей
ГЭ	—	Государственный Эрмитаж
ОРГПБ	—	Отдел рукописей Государственной публичной библиотеки им. М.Е. Салтыкова-Щедрина
ЦГАДА	—	Центральный государственный архив древних актов
ЦГИА	—	Центральный государственный исторический архив

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие 5

Детство и юность 9

В доме князя Дадиани 10

«Ревностное желание» учиться архитектуре 12

Годы учения 16

Столичный город Санкт-Петербург . . . . . —

Школа при Канцелярии от строений 18

«Приемная апробация» 20

«Архитектурной науки ученик» 22

На пути к мастерству 26

Первые проекты и постройки 31

Екатерининская церковь в городе Пярну . . . . . —

Другие работы начала 1760-х годов 36

«В архитектурной науке хорошее знание имеет...» 40

Реорганизация Канцелярии от строений 45

«По лучшему знанию науки и практики...» 51

Иордань . . . . . —

Дома адмиралов Г.А. Спиридова и А.Н. Сенявина 52

«Находился при строении Мраморного дома...» 55

«Дворец сей единственный в своем роде...» 63

Служебный дом и ограда Мраморного дворца 66

Был ли Егоров «помощником Ринальди»? 69

Ограда Летнего сада 78

«В том Первом саду от Невы реки решетку сделать...» . . . . . —

«Приставлен к делу той решетки Петр Егоров...» 81

«Сделать чертеж медным украшениям на ворота...» 98

«Лучшая в мире» 102

Кто же автор ограды Летнего сада? 106

Последние годы 117

Рождественская церковь на Песках . . . . . —

Другие работы 1770—1780 годов 122
«Умер в госпитале» 127

Из статей искусствоведа Р.Д. Люлиной

Петр Егоров — создатель ограды Летнего сада 129
Чертежи ограды Летнего сада 138
Кто же автор ограды Летнего сада? 144

Приложения

Архивные документы 151
Основные даты жизни и творчества П.Е. Егорова 205

Использованная литература 215
Список сокращений 220

По данной серии изданы:

П.В.Денисов. Жизнь монаха Иакинфа Бичурина.1997 г.

Н.Г.Краснов. Иван Яковлев и его потомки. 1998 г.

Эльвира Федоровна Кузнецова

АРХИТЕКТОР ПЕТР ЕГОРОВ

Биографическая серия
«Замечательные люди Чувашии»

Художественное оформление серии разработано *Э.М.Юрьевым*

Научный редактор и составитель *А.А. Трофимов*

Редактор ЧГИГН *В.А. Прохорова*
Редактор издательства *Р.К. Игнатьева*
Художественный редактор *Г.С.Самсонова*
Технический редактор *Л.К. Егорова*
Корректор *Е.П. Семенова*
Компьютерная верстка *Е.Л. Карпеевой*

Общероссийский классификатор продукции ОК 005-93—953000.
Изд. лиц. №063317 от 26.11.01. Подписано к печати 04.09.03. Формат 70x100 1/16.
Бумага мелованная. Гарнитура Тип Таймс. Печать офсетная. Усл. печ.л. 18,06.
Учетно-изд.л. 17,16. Тираж 1500 экз. Заказ № К-4036. Изд. № 23.

ГУП «Чувашское книжное издательство». 428000, Чебоксары, пр. Ленина, 12 б.
Отпечатано в РГУП «ИПК «Чувашия». 428019, Чебоксары,
пр. Ивана Яковлева, 13.

Кузнецова Э.Ф.

К 89 Архитектор Петр Егоров. — Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2003. — 222 с., ил.

Книга повествует о жизни и деятельности нашего земляка Петра Егоровича Егорова — выдающегося архитектора России, одного из зачинателей русского классицизма, талантливого представителя культурной жизни Европы XVIII в. В ней приведены подлинные документы, свидетельствующие о процессе творческого труда, поисках и открытиях великого мастера в новом направлении искусства, представлены иллюстрации шедевров архитектуры и садово-паркового ансамбля Санкт-Петербурга. Издается в биографической серии «Замечательные люди Чувашии».

УДК 72
ББК 85.11

ISBN-5-7670-1285-7

ЧĂВАШСЕН ЧАПЛĂ ҪЫННИСЕМ

ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫЕ ЛЮДИ ЧУВАШИИ